

**МЕЖВУЗОВСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ**

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
УЧАСТНИКОВ**

**МОСКВА,
19-26 МАЯ 2021**

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (19-26 мая 2021 года). – М.: МГППУ, 2021. – 273 с.

Редакционная коллегия:

*А.А.Марголис, Н.В. Дворянчиков, Е.Г.Дозорцева, М.Г. Дебольский, И.Н. Коноплёва, И.Б. Путалова.,
Ф.С. Сафуанов, О.Р.Бусарова*

ISBN 978-5-94051-234-9

© МГППУ, 2021

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы 11-ой Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, ежегодно проводимой факультетом "Юридическая психология" Московского государственного психолого-педагогического университета.

В фокусе внимания участников конференции – обсуждение теоретических основ юридической психологии и практических результатов последних исследований. Широкий спектр актуальных проблем юридической психологии в данном году определил необходимость систематизировать тезисы в следующих разделах: методологические проблемы юридической психологии, юридическая психология детей и подростков; психология девиантного и криминального поведения; психология профессиональной деятельности; судебная и клиническая психология в юридическом контексте; пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний, медиация как социально значимая практика.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных учебных заведений России: Московского государственного психолого-педагогического университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного областного университета, Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российского университета транспорта (МИИТ) (г. Москва).

Материалы интернет-конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Декан факультета
юридической психологии МГГПУ,
канд. психол. наук
Н.В. Дворянчиков

Оглавление

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	10
Нестеренко П.В. Формирование понятийного аппарата психологии как фактор успешности обучения по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения»	10
Николаева Д.В. Биографический метод в судебно - психологической экспертизе	13
Шевцов А.А. Связь осмысленности жизни, страха смерти и рефлексивности у студентов ...	17
ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ	21
Власова А.Д. Особенности саморегуляции у несовершеннолетних со склонностью к интернет-зависимости.....	21
Выродова А.В. Психологические и психосоциальные особенности девиантного материнства	24
Галанина Н.А. Способы психологического воздействия, формирующие сексуальные отклонения участников деструктивных организаций	27
Зверев Н.И. Синдром упущенной выгоды, личностная беспомощность и их роль в поведении студентов в онлайн и оффлайн реальности.....	31
Каменских Е.А. Психологические аспекты изучения киберпреступлений	34
Кононова Е.Д. К вопросу о диагностике аутодеструктивного поведения.....	37
Кривоколиско В.В. Биопсихосоциальные факторы возникновения патологического влечения у лиц, совершивших насильственные действия по отношению к несовершеннолетним лицам	40
Кузнецова Ю.Ю. Восприятие подростками стиля семейного воспитания и склонность к девиантному поведению у подростков	42
Михайлова Е.А. Нарушения привязанности и психологические травмы как фактор формирования аддиктивного поведения	46
Мухина Е.О. Психологический анализ поведения серийного сексуального преступника при решении задач криминального профайлинга	49
Мынкина В.С. Особенности копинг-стратегий у женщин с разным типом ролевой виктимности	54
Недилько Д.А. Самоповреждающее поведение в период пандемии COVID-19: обзор исследований 11 стран	57

Нечёсова С.В. Нейрокриминология: анализ аддиктивного поведения серийных сексуальных преступников	60
Николаева А.А. Особенности самоотношения у подростков, подвергшихся буллингу в школьной среде	63
Обуховская Д.И. Анализ психологических факторов риска совершения правонарушений несовершеннолетними.....	65
Осипова Б.Г. Возможности дименсионального подхода к описанию профиля личности при оценке суицидального риска	67
Питонова А.Р. Формирование навыков саморегуляции в онлайн/оффлайн форматах при проявлениях агрессивности	70
Рожанская Я.С. Психологические особенности лиц, вовлечённых в киберпреступления	73
Савина К.Д. Культурная травма как причина совершения противоправных действий адептами тоталитарных сект.....	76
Семенченко Н.А. Психологические особенности травли в сети интернет и их последствия в молодёжной среде	78
Снисарь Е.А. Факторы формирования расстройств пищевого поведения у девушек	82
Сокуренок Е.Е. Абьюзивные отношения как форма девиантного поведения	85
Староверова А.В. Когнитивные особенности и эмоциональный интеллект у несовершеннолетних со склонностью к девиантному поведению	89
Чувилина А.А. Особенности агрессивного поведения у старших подростков с никотиновой зависимостью	92
Шинкаренко Н.В. Понимание буллинга: от научного к обыденному	95
Шипицын Д.Ю. Модификация метода репертуарных ранговых решеток для выявления барьерных смыслов криминального сексуального поведения	98
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	102
Борисова Д.П. Адаптация к служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы - проблемные вопросы	102
Голованова Е.Е., Сорокина Е.С. Роль сенсомоторных периферических асимметрий в формировании стрессоустойчивости человека	105
Горюнова Е.В. Связь виктимного поведения и эмпатических способностей у	

студентов-психологов	108
Дадашова С.М. Профессиональная позиция студентов-медиков по отношению к абортam, ЭКО и суррогатному материнству	112
Кочнова П.А. Особенности мотивации молодежи к поступлению на службу в правоохранительные органы	115
Литвинова А.П. Психологические защитные механизмы и копинг-стратегии медицинских работников психоневрологических интернатов.....	118
Никитин В.В. Структура темперамента у лиц, проходящих психофизиологическое исследование с применением полиграфа	121
Пихута П.Д. Особенности эмоционального выгорания у военнослужащих с разным стажем военной службы	125
Хвалева А.А. Рефлексивность и отношение к нравственным нормам при оценке нормативных ситуаций	128
Шаповалова Д.В. Особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов-психологов	131
Щербакова Е.С. Особенности выбора стратегии поведения в конфликте и акцентуаций характера среди курсантов МВД	134
СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	138
Бек А.В. Оценка мотивации социальной желательности при исследовании установочного поведения у лиц с зависимостью от ПАВ	138
Куныкина К.Г. Стандартизированная оценка интеллекта у детей, проживающих в детском доме-интернате для детей с умственной отсталостью	141
Курганская Е.Г. Психологические механизмы поведения родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, приводящего к нарушению прав и интересов ребёнка	143
Пантелеева В.С. Особенности ценностных ориентаций созависимых молодых взрослых	146
Пономарева Е.С. Особенности онлайн-самопрезентации в контексте суицидального риска	149
Потапов А.М. Произвольная и непроизвольная саморегуляция: нейропсихологические механизмы	152

Румянцев С.А. Психологические аспекты отношения к императивным галлюцинациям при шизофрении	155
Савченкова А.Д. Особенности личности при зависимом поведении	157
Уханова Е.А. Психологические аспекты тактики допроса потерпевшей от сексуального насилия	159
Шатрова Е.А. Персональный осмотр получателей социальных услуг: клиничко-социальные характеристики лиц, проживающих в стандартном ПНИ Красноярского края	163
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ.....	165
Агафонов Л.Н. Субъектность представителей субкультур в современном медиа-пространстве	165
Аксирова Е.А. Исследования влияния средств массовой коммуникации на сексуальное развитие подростков	168
Алимова Д.Х. Визуальная новелла как метод развития общительности	171
Альшанская Е.Л. Представления о рисках для детско-родительских отношений в ситуациях временного помещения детей в ДУ (детское учреждение)	173
Валевич А.А. Народные игры как фактор социально-психологической адаптации старших дошкольников	175
Воложанина В.В. Факторы риска формирования девиантного поведения несовершеннолетних	178
Горлов А.К. Связь профессиональных установок и склонности к девиантному поведению у подростков	182
Даудыш А.А. Предикторы раннего проблемного поведения младших школьников.....	185
Еримбетова А.А. Изучение профилактики аддиктивного поведения среди старшеклассников	188
Иванов С.А. Психологические особенности личности в подростковом возрасте	192
Кузнецова Н.Н. Оценка социальных проектов: социально-психологическая детерминация участия экспертов в сфере детства	195
Кумыкова А.Х. Психологические последствия пренебрежения нуждами ребенка	198
Лешукова В.Д. Исследование психологических проблем в детско-подростковом	

возрасте у взрослых, совершивших суицидальные попытки (на примере проблем детско-родительских отношений)	201
Мельник М.Р. Психологические особенности правовой культуры у старших школьников	204
Орехов В.Е. Чувствительность к справедливости и личностные особенности молодых взрослых	206
Орлова К.С. Особенности психологического сопровождения семьи органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних	209
Перфильева М.В. Театр как средство формирования ценностей молодёжи	212
Репникова К.С. Коррекция виктимного поведения в старшем подростковом возрасте	215
Семак О.В. Нужен ли психолог и видеозапись на следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими: мнение следователей	219
Соловьева Г.А. Особенности самооценки и выбора копинг-стратегий у подростков с высоким уровнем тревожности	222
Стекачева А.В. Уровень тревожности у детей старшего подросткового возраста и особенности детско-родительских отношений в их семьях	225
Суханова Е.Д. Особенности агрессии в сети интернет у подростков с высоким уровнем успеваемости	228
Чухланцев Ю.С. Маркеры социального остракизма в подростковом возрасте	231
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ.....	235
Агафонов М.С. Психологическая характеристика осужденных женщин, проходящих специальную подготовку перед освобождением в реабилитационном центре.....	235
Левин Л.М., Бокова Н.В. Психологические особенности несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции.....	238
Толстоноженко Т.Ю. Психологическая готовность осуждённых женщин, имеющих детей на свободе, к материнской роли	241
Филимонова П.М. Об опыте проведения психопрофилактической работы с несовершеннолетними осужденными студентами психологического факультета МГППУ	245

Чеботарёв И.В. Теоретическое обоснование и апробация программы профилактики членовредительства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в следственных изоляторах.....	248
Шихер А.Л. Особенности самооценки и выученной беспомощности у осужденных женщин	251
МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА.....	255
Бойко Е.С. Особенности применения медиативного подхода для решения производственных конфликтов в современной коммерческой организации	255
Веревкина Е.В., Михайлова Е.О. Социальные конфликты в учреждениях здравоохранения (на примере районных поликлиник города Москвы)	257
Голева Т.М. Применение медиативного подхода в развитии «гибких навыков» и эмоционального интеллекта медиатора	260
Гуринович А.В. Конфликты в условиях ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19	263
Зиганшин Р.Р. Применение медиации при разрешении споров между хозяйствующими субъектами	266
Марченко А.А. К Возможности внедрения медиативного подхода в работу центров содействия семейному воспитанию	268
Смайлене Я.В. Особенности восприятия и решения конфликтов медицинскими работниками в условиях работы в детской поликлинике	270
Химикус Е.И. Медиация и медиативный подход в деятельности адвоката	272

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Формирование понятийного аппарата психологии как фактор успешности обучения по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения»

Нестеренко П.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

Формирование понятийного аппарата психологии представляет собой очень сложный процесс, поскольку психология отличается высокой вариативностью объяснения природы и механизмов изучаемых процессов и явлений. Л.С. Выготский называл психологический язык «недостаточно терминологичным». Он писал: «Психологический язык современности, прежде всего, недостаточно терминологичен: это значит, что психология не имеет еще своего языка. В ее словаре вы найдете конгломерат из трех сортов слов:

1) Слова обиходного языка, смутного, многосмысленного, приуроченного к практической жизни...

2) слова философского языка. Утеревшие связь с прежним смыслом, многосмысленные вследствие борьбы разных философских школ, абстрактные в максимальной степени, они тоже засоряют язык психологов...

3) наконец, слова и формы речи, заимствованные из естественных наук и употребляемые в переносном смысле, служат прямо для обмана. Когда психолог рассуждает об энергии, силе, даже об интенсивности, или когда говорит о возбуждении и т. п., он всегда прикрывает научным словом ненаучное понятие, или вводя в обман, или еще раз подчеркивая всю неопределенность понятия, обозначаемого чужим точным термином. (Выготский Л.С., 1982. С. 356-357).

На сегодняшний день проблема однозначности психологических терминов не только не изменилась, но даже усугубилась. С.С. Степанов пишет: «Психология в ряду прочих других наук занимает особое положение – то ли привилегированное, то ли ущербное. В попытках уяснить значение того или иного термина можно пролистать дюжину разных изданий и только запутаться в трактовках и разночтениях. В результате психологи манипулируют терминами, которые едва ли не каждый понимает по-своему и из-за этого не может найти взаимопонимания с коллегами» (Степанов С.С., 2002. С.3).

В особенно трудном положении оказываются психологи, чья профессиональная деятельность протекает в тесном междисциплинарном сотрудничестве со специалистами иных профилей.

Тему, которую нам хотелось бы предложить к обсуждению, можно обозначить как возможности формирования понятийного аппарата психологии студентами-психологами (на примере студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения»). Отдавая себе отчет в отсутствии единой психологической теории и единого методического подхода к решению этой проблемы, предпримем, однако, попытку предложить студентам некоторый не совсем привычный для них инструмент, который поможет более успешно ориентироваться в психологической терминологии. Таким инструментом может быть освоение диалектической логики.

Нами был проведен формирующий эксперимент, демонстрирующий влияние овладения диалектическим методом на формирование понятийного аппарата психологии у студентов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения». Основной исследовательский вопрос, решаемый в рамках данной работы, состоял в том, чтобы определить наличие и характер обсуждаемого влияния. В частности, мы стремились понять, смогут ли студенты применить принцип иерархичности категорий к психологическим категориям и станет ли более частым использование категорий психологии в суждениях, возникающих в ситуациях решения профессиональных задач.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что опыт изучения связи между категориями диалектической логики и психологии способствует более глубокому пониманию студентами иерархичности психологического понятийного аппарата.

Методы исследования были представлены анализом и обобщением материалов литературных источников, формирующим экспериментом (включающим первичную и повторную диагностику, а также собственно формирующее воздействие), контент-анализом и качественным анализом полученных экспериментальных данных.

В качестве *респондентов* были выбраны студенты первого, второго и третьего курсов, обучающиеся на факультете «Юридическая психология» МГППУ по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения». Объем выборки составил 55 человек, из них 48 девушек и 7 юношей.

Процедура исследования:

Респонденты были объединены в контрольную (26 чел.) и экспериментальную (29 чел.) группы. Первичная диагностика актуального

уровня развития понятийного аппарата психологии в выборке предполагала выполнение студентами следующих заданий:

- интерпретация видеоматериалов, содержащих демонстрацию случаев девиантного и нормативного поведения;
- интерпретация видеоматериалов, содержащих демонстрацию игры детей разных возрастов;
- опросник, позволяющий оценить понимание испытуемыми основных психологических понятий из области педагогики и психологии девиантного поведения.

Затем с экспериментальной группой проводилась серия из девяти вебинаров на тему «Связь категорий диалектики и психологии». Основное содержание этих занятий состояло в анализе выведения категорий диалектики, а именно первого тома объективной логики (например, «становление», «качество», «определение»); далее обсуждались примеры применения данных категорий в психологии и обыденной жизни. Методически каждый вебинар включал информационный блок и блок групповой дискуссии. При содержательном планировании вебинаров мы опирались на классические литературные источники (Гегель Г.В.Ф, 2018; Выготский Л.С.,1982).

По окончании всех вебинаров была проведена повторная (итоговая) диагностика, идентичная первичной, после чего полученные данные были подвергнуты анализу в свете гипотезы исследования. Показателем сформированности понимания иерархичности психологических категорий для нас выступала способность студентов ранжировать эти категории (в соответствии с требованием выведения категорий от простой к сложной).

Проведенный анализ опроверг первоначальную гипотезу. Успешность ранжирования студентами психологических категорий не претерпела изменений в ходе формирующего эксперимента. При этом как в начале, так и в конце эксперимента студенты испытывали существенные затруднения в решении этой задачи. Однако были получены и другие результаты, которые заслуживали бы более детальной проверки. Студенты из экспериментальной группы не только приобрели способность более корректно использовать философские категории (что было напрямую обеспечено программой вебинаров), но и чаще стали использовать психологические категории в своих суждениях и умозаключениях. Например: «Младшие дети играют вместе, но у них нет единого сюжета игры. Значит, навык играть в единую игру у них в «становлении»;

Рассуждая о возможностях совершенствования предложенной программы вебинаров, стоит сказать, во-первых, о необходимости увеличения общей их продолжительности. В содержательном отношении следовало бы уделить большее внимание материалу второго и третьего томов «Науки логики» Г.

Гегеля, предложив этот материал студентам для самостоятельного изучения и дополнив программу соответствующими домашними заданиями.

В заключение хотелось бы отметить, что описанный здесь опыт работы со студентами все же дал интересный материал, который может быть использован при проведении дальнейших исследований возможностей формирования понятийного аппарата психологии и, шире, профессиональных компетенций студентов-психологов средствами изучения диалектической логики.

Литература

1. Выготский Л.С. Полное собрание сочинений. М.: «Педагогика», 1982. – 488 с.
2. Гегель Г.В.Ф. «Наука логики». Перевод Б.Г. Столпнера. – М.: «Издательство АСТ», 2018. – 912 с.
3. Степанов С.С. «Психологический тезаурус». М.: «Школьный психолог», 2002. – 114 с.
- 4.

Биографический метод в судебно - психологической экспертизе

Николаева Д.В.

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Арбузова Е.Н.

В настоящее время единственным методом, позволяющим изучить жизненный путь личности, является биографический метод. Актуальность данного метода заключается в том, что он представляет собой комплексное описание человека как личности и субъекта деятельности. Однако биографический метод является недостаточно изученным и исследованным на данный момент.

Биографический метод широко используется в психологии и применяется в исследованиях, психодиагностике, коррекции и проектировании жизненного пути. Однако наиболее полное применение он находит именно в психодиагностике. Биографические данные при сопоставлении с лабораторными дают исследователю понимание целостной личности. В статье Н.А. Логиновой подробно представлена процедура биографического исследования личности, ее этапы и методики. «Процедура построена по принципу последовательного углубления в предмет – от внешних, формальных моментов – к внутренним, психологически содержательным. Сначала следует как бы пунктиром наметить весь жизненный путь, потом представить его подробно в целом, а затем

высветить отдельные симптоматические моменты, которые могут быть адекватно поняты в контексте всей биографии» (Логинова Н.А., 1986).

Биографический метод в судебно-психологической экспертизе подразумевает психологический анализ материалов дела и личности подэкспертного в процессе беседы. К сожалению, довольно редко в экспертных заключениях можно встретить психологический анализ личностных свойств и поведения подэкспертного на основе материалов уголовного дела и их сопоставление с результатами психодиагностических методик. Хотя именно в результате сопоставления эксперт-психолог мог бы получить целостное представление о личности человека, особенностях его психических процессов и состояниях. (Горьковая И.А., 2016).

Говоря о судебно-психологической экспертизе, стоит отметить, что ее качество во многом зависит от выбранных методов исследования. В СПЭ могут быть использованы любые методы, применяемые в психологии, такие как эксперимент, беседа, наблюдение, изучение продуктов психической деятельности и т.д. Использование экспертом разнообразных методов позволяет ему наиболее полно выявить особенности психической деятельности и личности испытуемого. Это, в свою очередь, является основой для выводов по конкретным вопросам, поставленным перед психологом (Коченов М.М., 1977).

Далее хочется более подробно остановиться на применении биографического метода в судебно-психологической экспертизе. У разных авторов можно встретить различное видение применения биографического метода в экспертном исследовании. Так, М.М. Коченов считал, что биографический метод «не сводится к простому составлению жизнеописания человека, он предполагает целенаправленное выявление фактов, имеющих психологическое значение» (Коченов М.М., 1977). Получение данных фактов он предполагал в основном в процессе беседы с самим подэкспертным, его родителями, товарищами. В своей книге «Судебно-психологическая экспертиза» он приводит схему, по которой может быть построена эта беседа.

На первом этапе собираются данные о родителях обвиняемого, важно узнать их профессию, образ жизни, культурный уровень семьи. Получается информация о том, насколько родители участвовали в воспитании подэкспертного, какие методы они применяли. На втором этапе мы продолжаем узнавать о семье, но теперь нам важно узнать об отношениях внутри семьи, какое влияние каждый из ее членов оказывал на обвиняемого. На последующих этапах мы расспрашиваем подэкспертного о различных периодах его жизни: дошкольный, школьный, юношеский, взрослый. Нам важно узнать, как

проходило его развитие, какие у него были особенности поведения, как складывались отношения со сверстниками, как была выбрана будущая профессия, какие успехи или неудачи присутствовали в его жизни и т.д. Все эти данные важны для составления представления «о психическом облике подэкспертного и динамике формирования его личности» (Коченов М.М., 1977).

Совсем другое видение биографического метода и его применения в СПЭ у Ф.С. Сафуанова. Он считает, что данный метод представляет собой психологический анализ уголовного дела и приобщенных к нему материалов. Он выделяет 3 основных компонента анализа материалов дела:

- изучение объективного анамнеза жизни подэкспертного лица
- изучение субъективного анамнеза жизни
- изучение динамики психической деятельности подэкспертного лица в интересующий судебно-следственные органы период времени

Каждая из этих трех задач решается своими методами и способами. Так, для изучения объективного анамнеза Ф.С. Сафуанов предлагает использовать официальные документы, отражающие жизненный путь подэкспертного, а также беседы с родителями и товарищами для уточнения информации. Для изучения субъективного анамнеза жизни – показания самого подэкспертного, полученные в результате биографической и клиничко-психологической беседы. А для изучения динамики психической деятельности – протоколы допроса свидетелей и самого обвиняемого, протоколы проведения следственных экспериментов и осмотра места происшествия, материалы других экспертиз, в первую очередь судебно-психиатрической (Сафуанов Ф.С., 1998).

Немного другую схему анализа материалов уголовного дела приводит И.Г. Моисеева. Она отмечает четыре основных этапа (Моисеева И.Г., 2017):

1. Уяснение фабулы дела
2. Психологический анализ особенностей личности подэкспертного
3. Психологический анализ юридически значимой ситуации
4. Проработка и сопоставление противоречивых данных

По словам И.Г.Моисеевой, важно учитывать не только бумажные материалы дела, но и цифровые (аудио- и видеоматериалы), это «дает полноценную картину о контексте исследуемой ситуации, позволяет более точно и надежно осуществлять анализ взаимодействия личности с условиями юридически значимой ситуации» (Моисеева И.Г., 2017).

На важность сбора данных о личности из различных источников и обобщение полученной информации указывает в своей статье и Т.А. Исаева Она подчеркивает, что необходимо совмещать данные, полученные в результате

различных методик, с материалами уголовного дела, протоколами и характеристиками. Именно в этом она видит главную задачу биографического метода (Исаева Т.А., 2016).

Таким образом, говоря о применении биографического метода в судебно-психологической экспертизе, хочется отметить, что существуют две разные точки зрения. Так, М.М. Коченов пишет о том, что применение метода сводится к проведению беседы, в ходе которой эксперт-психолог получает данные о подэкспертном. В отличие от него, Ф.С. Сафуанов считает, что биографический метод заключается в анализе уголовного дела и приобщенных к нему материалов. Таким образом, видно, что данная тема является не до конца систематизированной и описанной в литературе, что может являться серьезной проблемой при описании используемых методов и методик в заключении СПЭ.

Литература

1. Горьковая И.А. Проблемы психодиагностического исследования при производстве судебно-психологических экспертиз. Коллективная монография «Диагностика в медицинской (клинической) психологии: современное состояние и перспективы», 2016. – С. 176–187.
2. Исаева Т.А. Методы судебно-психологической экспертизы. 2016 – С. 37-44.
3. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза. – М., 1977. – 179 с.
4. Логинова Н.А. Биографический метод в свете идей Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии, 1986, № 5. С. 104-112.
5. Моисеева И. Г. Современный взгляд на метод анализа материалов уголовного дела в судебно-психологической экспертизе // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста», Москва, 22–23 ноября 2017 года. – М.: Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2018. – С. 535-538.
6. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 1998 – 118 с.

Связь осмысленности жизни, страха смерти и рефлексивности у студентов

Шевцов А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель - Лаврешкин Н.В.

Смерть, без сомнения, является одним из главных, фундаментальных явлений человеческого существования и вместе с тем одной из главных загадок, которую не в силах раскрыть ни один живущий прежде или в наше время человек. Бесконечные ряды великих мыслителей рассматривали ее с разных точек зрения и подходов, в разных религиях по-разному трактовалась значимость смерти и то, что ждет человека после нее, но никому так и не удалось (и, вероятно, никогда не удастся) ответить на вопрос о том, чем объективно является смерть для человека и что ждет его после. Смерть – одна из наиболее волнующих и обсуждаемых тем для человека во все времена.

Осмысленность жизни – тема, непосредственно связанная с довольно абстрактным и таким же загадочным термином? как смысл жизни, который также является одним из самых обсуждаемых и волнующих человека вопросов.

В трудах Д. А. Леонтьева осмысленность жизни рассматривается как энергетическая характеристика смысловой сферы, количественная мера степени и устойчивости направленности жизнедеятельности субъекта на какой-то смысл (Леонтьев Д.А., 2000).

По мнению С.Л. Рубинштейна, необходимым условием возникновения смысла жизни является появление рефлексии относительно своего существования (Плотникова Е.С., 2015).

Так мы переходим к самосознанию, которое определяют как одну из сторон сознания – осознание человеком себя как личности с присущими ей интересами, целями, мотивами, мировоззрением (Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю., 2001). Оно, безусловно, является важным компонентом для обретения осмысленности жизни.

Предлагаются следующие гипотезы:

Гипотеза 1: Чем больше выражена осмысленность жизни, тем меньше выражен уровень страха смерти.

Гипотеза 2: Повышенный уровень страха смерти характерен для юношей со сниженным уровнем рефлексивности.

Гипотеза 3: Уровень рефлексивности личности прямо коррелирует с его уровнем осмысленности жизни.

Исходя из этих гипотез, можно вывести гипотезу о том, что деструктивное влияние страха смерти можно снизить посредством развития рефлексивности, что в сумме способно привести к развитию осмысленности жизни, однако данная гипотеза требует дальнейших, более глубоких и долгих, лонгитюдных исследований.

Безусловно, осмысленность жизни и самосознание (скорее, их нехватка) также связаны и с различными девиациями как у юношей, так и в последствии у взрослых людей. Различные авторы (Ю.А. Пучкова, 2006, Л. Р. Антикеева, 2005) в своих исследованиях отмечали, что подростки, склонные к правонарушениям, имеют такие характерные черты личности, как «низкий уровень осмысленности жизни» и «низкий уровень развития самосознания», что может как раз свидетельствовать о прямой связи между осмысленностью жизни, самосознанием и склонности к девиантному поведению.

Новизна данной работы заключается в том, что в настоящее время практически не существует работ, в которых рассматривалась бы взаимосвязь осмысленности жизни и самосознания, а также отношение этих двух составляющих к страху смерти у человека.

В эмпирическом исследовании принимали участие 50 респондентов, из которых 20 — мужского пола, 30 — женского. Все участники являются действующими студентами вузов (МГППУ — 14 чел., МГУ им. Ломоносова — 22 чел., РНИМУ им. Пирогова — 2 чел., МИСиС — 8 чел., МАИ — 1 чел., КубГУ — 1 чел., РГГУ — 1 чел., МГЮА им. Кутафина — 1 чел.) в возрасте от 18 до 25 лет. Исследование проводилось в онлайн-форме.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: Тест смысложизненных ориентаций (для получения данных об уровне осмысленности жизни), «Опросник рефлексивности» Карпова (для получения данных об уровне рефлексивности), краткая русскоязычная версия опросника «Отношение к смерти» (для получения данных об уровне выраженности страха смерти) (К.А. Чистопольская, О.В. Митина, С.Н. Ениколопов и др., 2017).

Во введении к исследованию были выдвинуты несколько гипотез, и, хотя при изучении теоретических материалов они казались перспективными, по результатам эмпирического исследования не было выявлено какой-либо связи между ними. Однако, это не значит, что эта связь отсутствует: изучение подобных тем является довольно сложной задачей ввиду огромного количества личностных факторов со стороны испытуемых, которые могут повлиять на результаты. Поэтому, безусловно, необходимы дальнейшие исследования в этом направлении с целью исключения погрешностей, а также изучения дополнительных связей.

Основные выводы:

— Осмысленность жизни прямо связана с понятием смысла жизни и по определению является ключевой составляющей смыслообразующей сферы человека, это ее характеристика, представляющая из себя стойкую направленную деятельность, ориентированную на определенный смысл.

— Осмысленность жизни безусловно связана с самореализацией.

— Необходимым условием обретения смысла жизни является рефлексия на тему собственного существования.

— Самосознание очень важно для человека. Оно может являться побудителем для какой-либо деятельности, за это могут отвечать различные нравственные категории, чувство самоуважения. Также структуры самосознания могут принимать участие в планировании, образовании целей. В рамках саморегуляции могут выставляться запреты на какую-либо деятельность. Помимо этого, самосознание может влиять на стили взаимодействия с людьми и отношение к ним, и в целом на развитие личности.

— Рефлексия является одним из главных механизмов для развития личности.

— Самосознание и страх смерти (а, точнее, даже его восприятие и осознание) тоже имеют непосредственную связь, а именно благодаря возникновению самосознания возможна рефлексия смерти.

— Страх смерти включает в себя как физиологический, так и психологический компонент, причем, если физиологический чаще позитивен, через него выражен инстинкт самосохранения, то с психологическим все гораздо сложнее и у разных индивидов он может быть как стимулом к развитию, так и оказывать деструктивное влияние на личность.

— Страх смерти может выражаться совершенно по-разному в зависимости от ценностей определенных индивидов.

Данное направление для исследований действительно является очень перспективным и требует более тщательного изучения в связи с тем, что осмысленность жизни, по сути, является одним из главных критериев для достижения человеком уровня самоактуализации и самореализации, а страх смерти по мнению многих авторов способен как раз являться необходимой движущей силой для нахождения этой осмысленности. На основании этого исследования можно сформулировать целый ряд новых гипотез, еще не перечисленных здесь, например, которые связаны с конформностью и субъектностью, с изучением представителей гуманитарных и технических специальностей, а также это исследование может служить стимулом для разработки новых методических материалов для изучения осмысленности жизни, самосознания, рефлексивности и выраженности страха смерти в связи со слабой их показательностью.

Литература

1. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 176 с.
2. Куприна О.А., Психологические детерминанты осмысленности жизни студентов-психологов: дис... канд. психол. наук. – М., 2010 – 181 с.
3. Леонтьев Д.А. Тест смысло-жизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.
4. Плотникова Е.С. Осмысленность жизни как движущая сила самореализации в юношеском возрасте //Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология», 2015, №2. – С. 192-201.
5. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н. и др. Создание кратких русскоязычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // Суицидология. – 2017. – Том 8, № 4. – С. 43–55.
6. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия /Пер. с англ. Т. С. Дробиной. – М.: Независимая фирма "Класс", 1999. – 576 с

Особенности саморегуляции у несовершеннолетних со склонностью к интернет-зависимости

Власова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В эпоху развивающегося информационного общества жизнь человека практически невозможно представить без интернета. Особую актуальность приобретает исследование интернет-пространства, феномена интернет-зависимости на фоне глобальной пандемии COVID-19. Можем ли мы опираться на старые критерии данного феномена, когда на протяжении 2020 года граждане большинства стран мира учились и работали дистанционно? Для многих молодых людей, в особенности подростков, предпочтительнее и проще оказывается различное взаимодействие в сети, нежели живое общение. И эта тенденция усилилась на фоне пандемии. Проблема чрезмерного увлечения интернетом до сих пор остается спорной, одни авторы указывают на ее явное наличие, другие же исследователи утверждают, что интернет-зависимости и вовсе нет. В этой связи важно исследовать характер интернет-аддикции, особенности саморегуляции подростков с разным уровнем онлайн активности. Растущее число пользователей сети, неоднозначный характер данного феномена и малое количество исследований, направленных на выявление особенностей саморегулирования подростков, склонных к интернет-аддикции, подчеркивают важность и актуальность исследуемой проблемы.

Целью исследования является описание особенностей саморегуляции у подростков со склонностью к интернет-зависимости.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что интернет-зависимость влияет на успешность саморегуляции, а именно: уровень саморегуляции у несовершеннолетних, склонных к интернет-зависимости, ниже, чем у лиц, не склонных к интернет-зависимости.

Существует два взгляда, характеризующих интернет-среду, одна группа ученых отмечает негативное воздействие Сети на человека, выделяя феномен интернет-зависимости (Бурова В.А., 2009), другие же исследователи усматривают в использовании виртуального мира положительные стороны,

характеризуют пристрастие к Сети как необходимую стадию развития человечества (Зарецкая О.В., 2017).

Можно выделить несколько подходов изучения феномена интернет-зависимости:

1. описываемый в рамках болезни,
2. социально-психологический подход,
3. когнитивно-бихевиоральный,
4. нейропсихологический,
5. подход, характеризующий противоречивый характер данного феномена.

На наш взгляд, феномен склонности к интернет-аддикции имеет место, можно рассматривать зависимость не от самой Сети в целом, а от различных деятельностей, которые осуществляются посредством Интернета.

Рассмотрение феномена Интернет-зависимости в различных науках показало, что виртуальная реальность стремительно входит в жизнь современного человека и оставляет свой след во многих сферах деятельности. Онлайн-активность носит неоднозначный характер, с одной стороны, можно отметить положительное влияние Сети, например, упрощенное получение необходимой информации, просвещение, помощь в самореализации (Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерицын К.Ю., 2013). Однако чрезмерная увлеченность и предпочтение виртуального мира реальному позволяет рассматривать данный феномен с другой стороны, характеризуя его отрицательное воздействие на личность (Леонтьева А.С., 2020).

Роль регуляции деятельности в жизни человека огромна, целенаправленная произвольная активность реализует множество отношений с миром, важно исследовать как процессы саморегуляции осуществляются у лиц, склонных к интернет-зависимости. Существует множество различных подходов к определению понятия «саморегуляция», которые основываются на многогранных аспектах психики. Можно заключить, что саморегуляция – это сознательное воздействие человека на присущие ему психические явления, деятельность, собственное поведение (Моросанова В.И., 2010). При формировании представления о процессе саморегуляции базисным выступает вопрос о ее структуре и строении.

Рассмотрение подросткового возраста в исследуемой теме связано с особенностями и спецификой этого возраста. Данный период является одним из самых хрупких для личности, так как многие процессы, значимые в дальнейшей жизни, формируются именно в эти годы. Вместе с тем подростки наиболее уязвимы для разного рода негативных воздействий в силу возрастной незрелости личности и неустойчивости ее структуры (Королева А.Ф., Королева Н.С., 2016).

Чрезмерная увлеченность онлайн-пространством негативно отражается на общем уровне саморегуляции подростков, у них отмечается отвлекаемость, недостаточная концентрация внимания, трудности в регулировании своих эмоций, поведения, деятельности (Хомерики Н.С., 2013). Гипотеза подтвердилась частично, чрезмерная увлеченность интернетом негативно воздействует на общий уровень саморегуляции подростков. Более подробное исследование особенностей регуляции деятельности подростков, склонных к интернет-аддикции, позволяют сделать следующие выводы: одни регуляторные процессы и свойства выше у лиц, склонных к интернет-аддикции, другие выше у подростков без склонности к данному виду зависимости (Жарикова Т.П., 2011). Регуляция подростков группы риска осложнена, во-первых, несформированностью регуляторной системы, во-вторых, негативным влиянием онлайн-среды. стремительное развитие интернет-технологий заставляет задуматься об их влиянии на человека. Успешное функционирование подростка в окружающем мире во многом определяется способностью регуляции деятельности.

Несмотря на важность изучаемой темы, проблема саморегуляции у несовершеннолетних, склонных к интернет-зависимости, мало изучена. Перспектива исследований заключается в пересмотре старых критериев феномена интернет-зависимости ввиду глобальной пандемии COVID-19, когда население большинства стран мира было вынуждено работать и учиться дистанционно, посредством интернет-пространства.

Литература

1. Бурова В.А. Интернет-зависимость в медицинской парадигме // Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития / Ред.-сост. А.Е. Войскунский. – М.: Акрополь. – 2009. – С. 101–111.
2. Жарикова Т. П. Психологические особенности ресурсного подхода к психолого-педагогической профилактике факторов риска аддиктивного поведения в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2011. – 183 с.
3. Зарецкая О.В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2017. – Том 9. – № 2. – С. 145–165. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2017/2/Zaretskaya.phtml> (дата обращения: 17.03.2021).
4. Королева А. Ф., Королева Н.С. Социально - психологические особенности подросткового возраста // Новая наука: Стратегии и векторы развития. – 2016. – № 118-3. – С. 76-78.

5. Леонтьева А.С. Влияние сети Интернет на развитие личности подростков // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях : Сборник научных статей / Под ред. В.И. Спириной. – М.: Издательство “Перо”, 2020. – С. 34-37.
6. Марарица Л.В., Антонова Н.А., Ерищян К.Ю. Общение в интернете: потенциальная угроза или ресурс для личности // Петербургский психологический журнал. – 2013. – № 5. – С. 35-49.
7. Моросанова В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2010. – № 1. – С. 36-45.
8. Хомерики Н. С. Интернет-зависимое поведение у подростков: особенности личностных свойств и формирование интернет-зависимости // Вестник психотерапии. – 2013. – № 46(51). – С. 100-109.

Психологические и психосоциальные особенности девиантного материнства

Выродова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Современный мир стремительно меняется. Исследование проблемы материнства в настоящее время не утрачивает собственной актуальности как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Особое значение приобретают исследования феномена девиантного материнства в связи с важностью профилактики социальных рисков и семейного неблагополучия.

Девиантное материнство подразумевает под собой отказ женщины (девушки) реализовывать по отношению к своему ребенку прямые права и обязанности (С.Гукасова). По данным министерства здравоохранения за 2018 год было сделано около 567 тыс. абортов, за тот же год более 47 тыс. детей были оставлены своими матерями в родильных домах (Статистический сборник, 2018). Согласно сведениям РИНЦ, девиантное материнство описывается в 3154 публикациях, социум тревожит данное явление, так как девиация материнства в наши дни стала нередкой.

Объектом исследования выступает материнство и его психологические особенности.

Предметом исследования являются психологические и психосоциальные особенности девиантного материнства.

Целью исследования является описание психологических и психосоциальных особенностей девиантного материнства.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить психологические и психосоциальные особенности девиантного материнства, а именно в ситуации девиантного материнства мы наблюдаем нарушение привязанности как у матерей, так и у детей.

Материнство представляет собой социальную роль, выполняемую женщиной, предполагающей, с одной стороны, развитие определенного уровня самосознания, а с другой – результат активного выбора женщины стать матерью. Какую модель поведения материнской роли выберет для себя женщина, такая стратегия материнства и будет реализовываться в поведенческой составляющей (Устинова Н. А., 2015). По мнению В. С. Мухиной, материнство представляет собой психологическое состояние и социальную ответственность женщины, являющиеся составной частью ее ментальности. В свою очередь С. Ю. Мохова подразумевает под самосознанием матери осознание себя субъектом основы психологических отношений, таких как: потребности, эмоциональное отношение, когнитивное отношение и самоотношение, которые способствуют формированию когнитивного и эмоционально-ценностного отношения к себе как к родителю (Устинов Н. А., 2011).

По Л. Б. Шнейдер, материнство – это результат непринужденного и нравственного выбора женщины, являющейся по своей сущности активным самостоятельным субъектом (Пьянкова Л. А., 2015).

Девиантное материнство является особой областью исследования в психологии. Данное явление включает в себя целый пласт проблем, которые важны для изучения: во-первых, изучается вопрос о причинах и психологических аспектах поведения матерей, которые проявляют к своим детям пренебрежение и/или насилие, которые отказываются от своих детей; во-вторых – процесс нарушения отношений между матерью и ребёнком, ведь, как следствие, у ребёнка могут проявляться отклонения в психическом, эмоциональном развитии, а также снижается его общее благополучие (Attitudes to motherhood in different cultures, 2013).

Среди психологических теорий, объясняющих девиантное материнство, выделяют следующие факторы: социальные, обусловленные условиями жизни и достатком женщины, психологические, обусловленные негативным личным опытом, и биологические, вызванные органическими нарушениями функционирования центральной нервной системы женщины (Кайзер Э. И., 2020).

На законодательном уровне проблема девиантного материнства интересует общество с точки зрения вреда, наносимого обществу, а именно –

ребенку как члену общества. Правовые аспекты регулирования девиантного материнства должны включать все возможные «критические точки» возникновения девиантного материнства и обеспечиваться поддержкой как со стороны государственного, так и общественного регулирования. По данным статистики, в большинстве случаев отказ матерей от своих детей происходит сразу после рождения ребенка в родильных домах. В судебной практике зачастую происходит рассмотрение дел, связанных с отказом родителей от детей в более старшем возрасте. Также нередки случаи лишения родительских прав за систематическое невыполнение своих обязанностей по воспитанию и уходу за ребенком (Афанасьева Е., 2019).

Последствия депривации ребенка в условиях девиантного материнства могут быть незамедлительными и отложенными, оказывать влияние на всю дальнейшую жизнь ребенка. Девиантное поведение есть нормальная реакция на ненормальные условия, в которых находится подросток или группа подростков, и в то же время – это особый язык общения с обществом, когда другие социально приемлемые средства общения непригодны (Исаева А. Ю., 2020).

В психологической помощи в ситуации девиантного материнства нуждаются следующие группы:

- дети, воспитываемые в условиях девиантного материнства и дети-социальные сироты;
- несовершеннолетние беременные, беременные из неблагополучных семей, а также беременные, находящиеся в сложной жизненной ситуации.

Литература

1. Афанасьева Е. Отказ от ребенка матерью: оформление, особенности, последствия [Электронный ресурс] – Юрист Эксперт. Сайт о законе и юриспруденции. – URL: <https://yr-expert.com/otkaz-ot-rebenka-materyu/> (дата обращения: 21.03.2021).
2. Исаева А. Ю. Социальная терапия подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Скиф. 2020. – №9 (49). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/social-therapy-for-adolescents-with-deviant-behavior> (дата обращения: 23.03.2021).
3. Кайзер Э. И. Проблема девиантного материнства как феномен социальной работы [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы социальной работы и социально-педагогической деятельности. XII Международная студенческая научная конференция. Студенческий научный форум-2020. – URL: <https://scienceforum.ru/2020/article/2018020981> (дата обращения: 21.03.2021).

4. Пьянкова Л. А. Материнство как ресурс психолого-педагогической и социальной поддержки детства на современном этапе [Электронный ресурс] // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 4-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-resurs-psihologo-pedagogicheskoy-i-sotsialnoy-podderzhki-detstva-na-sovremennom-etape-1> (дата обращения: 21.03.2021).
5. Пьянкова Л. А., Хомичева В.Е. Психологический контекст феномена материнства [Электронный ресурс] // Общество: социология, психология, педагогика. – 2017. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskij-kontekst-fenomena-materinstva> (дата обращения: 21.03.2021).
6. Статистический сборник за 2018 год. Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения 2018 [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: <https://static0.rosminzdrav.ru/system/attachments/att>. (дата обращения: 03.03.2021).
7. Устинова Н. А. Аксиологический подход к формированию осознанного материнства [Электронный ресурс] // Педагогическое образование в России. – 2015. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskij-podhod-k-formirovaniyu-osoznannogo-materinstva> (дата обращения: 21.03.2021).
8. Устинова Н. А. Материнство как специфическое новообразование самосознания и личности женщины [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 4-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-spetsificheskoe-novoobrazovanie-samosoznaniya-i-lichnosti-zhenschiny> (дата обращения: 21.03.2021).
9. Attitudes to motherhood in different cultures [Электронный ресурс] – Psychology in Russia. – URL: <http://psychologyinrussia.com/volumes/?article=3181> (дата обращения: 21.03.2021).

Способы психологического воздействия, формирующие сексуальные отклонения участников деструктивных организаций

Галанина Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В динамично развивающемся мире люди испытывают растерянность и нуждаются в опоре. Однако в таком случае есть высокий риск вовлечения в тоталитарные группы.

Маргарет Сингер предлагает использовать термин «культ», «культовая группа», обозначающий «... некую группу, которая формируется вокруг человека, претендующего на выполнение особой миссии или обладание специфическими знаниями, каковыми он поделится с теми, кто передаст большую часть принятия своих решений этому самозваному лидеру» (Singer, M. T. & Lalich J., 1995).

Объект исследования: сексуальность адепта деструктивной организации.

Предмет исследования: изменения сексуальности адепта деструктивной организации в связи с применением методов культового воздействия в условиях нахождения внутри культа.

Методы исследования: анализ литературных источников и разбор случаев воздействия в деструктивных организациях

Критерии воздействия на сексуальность человека (ВОЗ):

- 1) наличие позитивного и уважительного подхода к сексуальности и сексуальным отношениям,
- 2) возможность удовольствия,
- 3) возможность безопасности в сексуальных отношениях;
- 4) свобода от принуждения, дискриминации и насилия.

При воздействии деструктивной организации на сексуальную сферу жизни адепта достигается возможность:

- 1) контроля над личностью;
- 2) получения материальной выгоды;
- 3) собственного удовлетворения руководства организации.

В контексте классификации МКБ-10 воздействие на сексуальную сферу жизни адептов приводит к следующим заболеваниям и расстройствам поведения:

- 1) депрессии (F32);
- 2) СПИД (B20-B24);
- 3) ПТСР (F43.1);
- 4) СРК (K58);
- 5) попытки самоубийства и намеренные самоповреждения (X60-X84);
- 6) сексуальное отвращение (F52.1),
- 7) агрессивное поведение (F91.2),
- 8) параноидная шизофрения (F20.0)

Речь меняется из-за «загруженного» культового языка. Я-концепция трансформируется в результате подмены понятий, представлений. Директивные

заявления лишают адепта самостоятельности мышления (Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В., 2015).

Характеристики тоталитарных деструктивных организаций:

1. Беззаветное служение лидеру группы.
2. Руководство группы контролирует мысли, действия, чувства, внешний вид и поведение последователей.
3. Группа обеспокоена поиском денег.
4. Вытекает из пункта 1: лидер деструктивной организации не несёт ответственности за свои действия, авторитет лидера несомненен.
5. Отказ адептов от общения с семьёй, близкими и друзьями, если те не состоят в организации. Установление прочных взаимоотношений внутри группы не поощряется: адепты должны находиться в дружеском, но не тесном контакте, поскольку крепкая привязанность может в случае ухода одного из участников спровоцировать уход другого.

Ушедшие адепты представляются руководством как попавшие в зависимость, потерявшие средства к существованию и т.п. Такое представление объясняет позицию группы: не только выжить, но и добиться высот последователи могут только в организации. Личные интересы, увлечения и цели забываются.

6. Поощрение совместного, изолированного проживания участников организации во избежание поступления критической информации. На всеобщих собраниях организаций производится повторная индоктринация.

7. Подавление критического мышления с помощью глоссолалии, чтения мантр, публичного унижения, лишения сна и элементарных удобств, ненормированного рабочего дня.

Примеры деструктивных организаций, рассмотренных в настоящем исследовании: «Семья» Мозеса Дэвида Берга, секта «бога Кузи».

«Семья» – организация, возникшая в 1960-х годах в Калифорнии. В бывших странах Советского Союза появилась в конце 1990-х годов. Лидер – Мозес Дэвид Берг.

Из методов контроля по А.Л.Дворкину (2008) использовались:

1. Изоляция: штаб-квартирой организации было ранчо в Техасе – «клиника душ».
2. Социальное групповое давление.
3. Страх: утверждалось, что исключительно адепты «Семьи» могут спастись.
4. Усталость: последователи читали проповеди, занимались «литдетельством» (litnessing) - продажей агитационных брошюр; «флиртовым рыболовством» – соблазнением для получения материальной выгоды либо как

одним из методов вербовки, в чём участвовали и лица, не достигшие возраста согласия.

Пример воздействия.

«Конечно, нашу Систему это пугает и шокирует, но вы знаете моё мнение насчёт всего этого! Честно говоря, я думаю, что девочки до начала менструаций и мальчики - до начала семяизвержений могут заниматься сексом без проблем, ПОКА СИСТЕМА ОБ ЭТОМ НЕ ЗНАЕТ <...> Сам бог предписывает им получить этот опыт! (The Judgement..., 1995).

1. Формирует неправильные представления о половой жизни и оптимальном возрасте беременностей.

2. Нарушаются требования, предъявляемые к сексуальному здоровью ВОЗ (добровольность).

3. Нарушаются требования, предъявляемые к сексуальному здоровью ВОЗ (уважение).

Секта «бога Кузи».

Организация псевдохристианской направленности, действующая на территории РФ, возникла в сентябре 2007 года. Лидер – Андрей Попов.

Последователи были распределены по шести кругам. Пятый круг предназначен для той части населения, что не знает о «боге Кузе». Шестой круг включает людей, не принимающих учение – «демонов»/«овощей»/«огурцов», чья смерть считается примером «страшного суда» (Налбандян Л., 2013). В организации применялись такие методы воздействия, как:

1. Изоляция: адепты бросали семьи, имущество и снимали квартиры общинами по 2-5 человек, запрещалось обращаться за профессиональной медицинской помощью.

2. Усталость: последователи принуждались к длительной работе на организацию.

3. Внушение страхов: утверждалось, что в случае выхода из группы адепты могут сойти с ума, быть убитыми, совершить самоубийство и т.п. Страх перед избиениями вынуждал придерживаться правил.

4. Отсутствие личного: адепты отчитывались о местонахождении и занятиях; запрещалось вступать в брак без согласия лидера; видиться с неиндоктринированными семьями.

5. Установление контроля над последователями путём отъёма денежных средств: внушалась необходимость взносов на содержание лидера, помощь в создании и распространении материалов и т.п.

Пример воздействия

При принуждении к вступлению в гарем женщинам объявлялось, что Кузя испытывает к ним «небесное» чувство.

1. Направлено на конверсию представлений о нормальных романтических и сексуальных отношениях между мужчиной и женщиной.

2. Направлено на формирование представления об особой миссии адепта (критерий G1 рубрики F20 и критерий В рубрики F20.0 МКБ-10).

3. Направлено на формирование эмоциональной зависимости от культа.

4. Направлено на конверсию представлений о романтических чувствах, любви и долге.

Рассмотрение двух схожих деструктивных организаций привело к выяснению общей сути механизмов, работающих при вовлечении человека в культ и удержании в культе. Поскольку пребывание в культах приводит к возникновению последствий, нарушающих нормы сексуального здоровья, утрате самостоятельности, социальных связей и денежных средств и недвижимости, связано с риском физической травматизации (побои) и неуважительным обращением, существование культов является противоправным.

Литература

1. Дворкин А.Л. «Сектоведение. Тоталитарные секты» – Издание 3-е, переработанное и дополненное. – Н.Новгород: Христианская библиотека, 2008. – 816 с.
2. Налбандян Л. Трагические тайны секты «бога Кузи» // Собеседник.RU – 15.05.2013
3. Смирнова Н.С., Дворянчиков Н.В. Исследование манипулятивных стратегий воздействия, реализуемых тоталитарными сектами посредством сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 2. – С. 16–40. doi:10.17759/psylaw.2015100202
4. David Brandt Berg. «The Revolutionary Rules», [Электронный ресурс]: Mo Letters from David Berg and the Children of God / The Family – 1998. URL: https://www.deeptruths.com/letters/revolutionary_rules.html
5. Singer, M. T. & Lalich J. Cults in our midst. - Jossey-Bass Publishers, San Francisco, 1995. – 288 p.
6. The Judgement of Lord Justice Ward on the 26th May, 1995.

Синдром упущенной выгоды, личностная беспомощность и их роль в поведении студентов в онлайн и оффлайн реальности

Зверев Н.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Накопление обширного житейского опыта в сфере поведения человека в онлайн и оффлайн реальностях поставило перед современной психологией вопрос о существовании такого феномена, как синдром упущенных возможностей (далее - СУВ, он же - синдром упущенной выгоды или FoMO, от англ. Fear of missing out). Он проявляется в отрицательном эмоциональном состоянии, которое испытывает человек, узнавший о недоступном, но желанном для него опыте. Вторым компонентом синдрома выступает сильное желание оставаться на связи с другими людьми, используя социальные медиа (Przybylski A.K. et al., 2013). Современный этап развития человеческого общества предполагает высокую потребность в осуществлении коммуникации с использованием онлайн реальности. Некоторые учёные, исследующие СУВ, такие, как А. Санц (Девятов С.С., 2018) и М. Милявская (Milyavskaya M. et al., 2018), отмечают, что этот феномен присутствовал у людей и в оффлайн реальности, но переход в новую среду с новыми условиями “обнажил” его существование. В то же время имеются научные данные о закономерности, согласно которой подверженность человека СУВ положительно коррелирует со снижением удовлетворенности от жизни (Przybylski A.K. et al., 2013). Возникает проблема объяснения причин трансформации СУВ из приспособительного механизма психики в явление, деструктивное для психологического состояния. Одним из таких факторов, обуславливающих негативное влияние СУВ, может являться личностная беспомощность, которая сопровождается низкой способностью изменять действительность и руководить своей деятельностью (Циринг Д.А., 2010). Эта личностная характеристика способствует замкнутости и неуспешности в социальных отношениях.

Целью исследования стало изучение специфики синдрома упущенной выгоды, личностной беспомощности и их роли в поведении студентов в онлайн и оффлайн реальности.

Основная гипотеза исследования состоит в том, что высокая личностная беспомощность связана с выраженным синдромом упущенных возможностей. Была выдвинута также дополнительная гипотеза, согласно которой снижение беспомощности сопровождается снижением интенсивности проявления синдрома упущенных возможностей в поведении студентов в оффлайн и онлайн

реальности, а именно: в оффлайн реальности студенты меньше отвлекаются на уведомления, менее склонны отвлекаться на мобильные устройства во время разговора, в онлайн реальности студенты меньше уделяют время просмотру чужих профилей в социальных сетях и проводят меньше времени онлайн.

Методологическими основами исследования стали теоретические подходы к пониманию синдрома упущенной выгоды (Э. Пшибыльски, А. Санц), личностной беспомощности (Д.А. Циринг, М. О. Климова), а также к пониманию онлайн и оффлайн реальности (А. Войскунский, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов, И. Б. Бовина, Н. В. Дворянчиков), специфике поведения пользователей сети Интернет (Дж. Сулер, А. Джойсон, Е.С. Пономарева, Н.В. Богданович, В.В. Делибалт).

Методы и методики исследования:

1. Теоретический анализ;
2. Методы эмпирического исследования (опрос, анкетирование, тестирование);
 - 1) Тест диспозиционного оптимизма Ч. Карвера и М. Шейера в адаптации Д.А. Циринг и К.Ю. Эвниной.
 - 2) Шкала депрессии М. Селигмана в адаптации Т.И. Балашовой.
 - 3) Многофакторный опросник Р. Кеттелла, фактор «О».
 - 4) Методика Дембо–Рубинштейн.
 - 5) Шкала “синдром упущенной выгоды” FoMOS Э. Пшибыльски.
 - 6) Авторская анкета, направленная на диагностику основных проявлений поведенческого компонента FoMO
3. Методы описательной статистики и статистической обработки данных (критерий Колмогорова-Смирнова, метод главных компонент, ранговая корреляция Спирмена).

В исследовании участвовало 20 человек в возрасте от 18 до 22 лет, из которых 17 респондентов женского пола и 3 мужского. Все участники исследования являются студентами МГППУ. Обработка результатов исследования проводилась в программном обеспечении SPSS Statistics.

Исходя из системного подхода С. Л. Рубинштейна, предполагающего, что личностная беспомощность, являясь структурой более высокого порядка, не сводима к сумме своих составных частей, нами была предпринята попытка операционализировать её с помощью метода главных компонент как отдельный фактор, влияющий на все диагностические параметры беспомощности и коррелирующий с ними.

Личностная беспомощность положительно связана с выраженностью симптомов синдрома упущенных возможностей. Однако сила этой связи

является средней ($r=0,589$; $p=0,006$), что позволяет предположить наличие неучтенных факторов, играющих, возможно, посредническую роль. Стоит также учитывать ограничения, которые накладывает небольшой объем выборки и отсутствие единого диагностического инструмента для диагностики личностной беспомощности. Из компонентов личностной беспомощности коррелируют со степенью FoMO только депрессивность ($r=0,510$; $p=0,022$) и низкая самооценка ($r=0,571$; $p=0,011$), что соотносится с данными теоретического анализа. Отсутствует связь между низкими показателями по шкале оптимизма и выраженностью СУВ. Поведенческий компонент СУВ связан с тревожностью ($r=0,488$; $p=0,029$), чувство которой он вероятно облегчает, и низкой самооценкой ($r=0,48$; $p=0,032$).

Практическая значимость исследования заключается в использовании результатов данного исследования в качестве дальнейшего направления изучения связи между личностной беспомощностью и СУВ, а также для разработки развивающих и коррекционно-развивающих программ, консультативных стратегий.

Литература

1. Девятков С. С. Синдром упущенной выгоды – fear of missing out: обзор современной проблематики // Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практик. Серия: Познание. – 2018. – №9. – С. 23-25.
2. Циринг Д. А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 456 с.
3. Milyavskaya M., Saffran M., Hope N., Koestner R. Fear of missing out: prevalence, dynamics, and consequences of experiencing FOMO // *Motivation and Emotion*. – 2018. – №42. – P. 725–737.
4. Przybylski A.K., Murayama K., DeHaan C. R., V. Gladwell V. Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // *Computers in Human Behavior*. – 2013. – №29. – P. 1841-1848.

Психологические аспекты изучения киберпреступлений

Каменских Е.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Горбатов С.В.

Киберпреступность – одна из серьезных угроз в современном обществе и представляет собой любое преступление, совершенное в виртуальном

пространстве с помощью информационно-коммуникационных технологий. С каждым днем динамика преступлений и ущерб от них растет всё больше и больше. Главной проблемой для государства является то, что еще нет эффективных методов пресечения и искоренения таких преступлений.

С появлением и развитием в 90-х годах сети Интернет возник целый спектр проблем: распространение детской порнографии, функционирование виртуальных экстремистских сообществ и другое. В XXI веке работа правоохранительных органов осложнена тем, что появляются новые способы совершения киберпреступлений, такие как «фишинг», «спам», «кибербуллинг». Также участились случаи преступлений и проявления насилия в прямых эфирах так называемыми «стримерами». Появляются группы смерти, пропаганда насильственных и суицидальных намерений в различных социальных сетях и на популярных интернет-ресурсах, таких, как: «инстаграм», «Вконтакте», «TikTok», «Twitter», «YouTube» и т.д.

По результатам аналитического обзора литературных источников можно сделать вывод, что киберпреступление – это общественно опасное деяние, которое совершается в киберпространстве и посягает на общественную безопасность, собственность, права человека, а также является необходимым элементом механизма подготовки, совершения и сокрытия преступления, отражением которого является компьютерная информация, выступающая в роли предмета или средства совершённого преступления.

Контент-анализ описаний киберпространства позволяет выделить следующие криминогенные факторы психологического характера:

- 1) анонимность пользователя устройства или Сети, которая помогает человеку не быть распознанным в определенный момент времени, а также предоставить о себе ложную информацию, представляясь другим лицом. Данная особенность позволяет человеку ощущать возможность безнаказанно совершать преступления, при этом отсутствие эффективных механизмов наказания увеличивает желание совершать преступления;
- 2) скорость протекания связей - благодаря этому фактору в киберпространстве есть возможность возникновения перегрузки социальными контактами, иногда происходит «утрата способности и возможности сосредотачивать внимание на конкретном человеке», что ведет к «обесцениванию» каждого из контактов;
- 3) информационное переполнение, при котором снижается чувствительность человека к факторам девиантного поведения.

Также при анализе литературы мы заметили, что в отличие от большинства преступлений, совершение киберпреступления не требует каких-либо активных физических действий. Киберпреступник при реализации своего умысла находится в любом месте, которое для него является комфортным.

Поэтому преступники могут не ощущать дискомфорт, страх быть случайно обнаруженным и задержанным. Также киберпространство является искусственно созданной средой, деятельность в которой ограничена техническими возможностями, что позволяет предвидеть последствия своих действий. Это позволяет преступнику не ощущать неопределенности ситуации, планировать свои действия, а значит, чувствовать себя более уверенно и спокойно во время совершения преступления.

На основании данных криминологических исследований личности киберпреступников можно определить, что в сознании преступника ослаблены либо деформированы правовые и нравственные основополагающие начала. Анализ отношения киберпреступников к праву показывает отсутствие у них позиции по данному вопросу. Так, в большей степени хакеры представляют себя как творцов, а не разрушителей.

Одно из новых направлений киберпреступности, которое недостаточно изучено – это преступления, совершаемые так называемыми «стримерами» в прямом эфире. В процессе ознакомления с самыми известными треш-стримерами, мы заметили, что в основном они являются ранее судимыми людьми или людьми с зависимостями, которые в состоянии, к примеру, алкогольного опьянения совершают агрессивные действия в онлайн режиме. Получается, что некоторые ранее судимые люди теперь совершают преступления в интернет-пространстве, так как делать это намного проще и удобнее, а также данные деяния из-за перегрузки информации часто остаются незамеченными правоохранительными органами. Также, возможно, некоторые треш-стримеры таким образом пытаются социализироваться, создавая так называемую «референтную группу» с помощью проведения онлайн-трансляций. Ну и, конечно же, нельзя не заметить корыстный тип мотивации у треш-стримеров, жертвы которых, также обладая данной мотивацией, соглашаются на агрессивные действия за небольшую сумму.

Агрессивные действия притягивают большое количество людей к экранам: чем жестче действия, тем больше зрителей. Зачастую смотрящие платят деньги за то, чтобы увидеть сцены агрессии и насилия в прямом эфире. Толчок к развитию треш-стримеров произошёл в 2014 году. Эфиры с неадекватным поведением блогеров отличались новизной и давали людям возможность превратиться в частичных участников процесса – за их деньги блогеры на экране выполняли порой травмирующие задания: чем жестче задание, тем выше цена за него.

Пока остается загадкой то, почему люди заходят и смотрят треш-стримеров и тем более платят за это деньги. Возможно, главная цель просмотра любых подобных видео – это получение эмоций, приобретение чувственного

опыта. Другое важное ощущение, получаемое при таких стримах, – это чувство власти, контроля и управления, повышающее самооценку. «Я могу влиять на этот мир» — важное ощущение, которое порой необходимо испытывать. Процесс самоутверждения дополняется сравнением себя с условным аутсайдером, с тем, над кем издеваются. Для кого-то просмотры треш-стримов могут становиться способом приобщения к значимым группам, обрядом инициации, возможностью быть на одной волне с одноклассниками, одноклассниками или друзьями. Вариантов возможной мотивации большое количество и это дает толчок для подробного изучения данного явления.

К сожалению, на данный момент не существует способа регуляции треш-стримеров. Ежедневно проходит большое количество трансляций. Конечно, за нарушение правил сайта каналы с треш-контентом блокируют. Однако создаются новые каналы, и все начинается заново. А спрос на треш-трансляции продолжает расти.

Стримы и социальные сети делают подобные унижения безопасными для зрителей. Они создают дистанцию между жертвой и зрителем и позволяют чувствовать себя комфортно, сидя за компьютером и используя ник-нейм.

Таким образом можно сделать вывод, что такие особенности, как анонимность, высокая скорость протекания связей, перегрузка информацией влияют на совершение киберпреступлений, а также создают некий «эффект наблюдателя», который снимает ответственность за участие в агрессивных действиях и просмотр их в онлайн-режиме.

К вопросу о диагностике аутодеструктивного поведения

Кононова Е. Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З. В.

Аутодеструктивное поведение разными исследователями интерпретируется по-разному, как и его классификация и содержание. В связи с этим точная оценка его распространенности представляется затруднительной, и доступные статистические данные позволяют судить лишь о наиболее широко известных и активно изучаемых формах такого поведения. Например, по данным Росстата за 2019 г., в России ежедневно курят 22.5% населения, а 77% в тех или иных количествах употребляют алкоголь.

В данном сообщении под аутодеструктивным поведением мы будем понимать разные формы саморазрушения в диапазоне от намеренного,

осознанного причинения себе вреда до совершения действий, имеющих менее очевидные негативные последствия для человека. Сюда можно отнести суицидальное, аддиктивное, так называемое рискованное поведение, аномальное пищевое поведение и другие варианты авитальной активности.

Современные литературные данные указывают на актуальность изучения связи между аутодеструктивным поведением и самообвинением. Самообвинение является предметом интереса специалистов в области социологии, юриспруденции, психиатрии и, конечно, психологии. С психологической точки зрения этот феномен рассматривают как составную часть структуры самоотношения (Столин В. В., 1985) или Я-концепции индивида (Бернс Р., 1986). Содержательный анализ самообвинения позволяет определить его как установку, направленную на себя и выражающуюся в том, что индивид испытывает чувство вины перед собой за свои поступки, действия или мысли.

Самообвинение может быть выражено в разной степени и, вероятно, имеет смысл говорить об «оптимуме самообвинения», осмысливая это явление в свете представлений о системе моральных ориентиров, ценностей человека. Однако многие авторы трактуют его исключительно в негативном ключе (например, как фактор дестабилизации развития личности или даже одно из проявлений аутодеструктивного поведения) (Польская Н. А., Власова Н. В., 2015; Руженков В. А., Лобов Г. А., Боева А.В., 2008.). Это сталкивает нас с необходимостью прояснения характера взаимосвязи аутодеструктивного поведения и самообвинения. Одним из возможных путей здесь видится определение качественных характеристик самообвинения при различных вариантах аутодеструктивного поведения.

В поисках инструмента, который позволил бы приблизиться к решению этой задачи, мы обратились к опроснику для измерения рискованного, импульсивного и саморазрушающего поведения (RISQ - Risky, impulsive, and self-destructive behavior Questionnaire) (Sadeh, N., Baskin-Sommers, A., 2017). Оригинал включал в себя 38 вопросов, направленных на выявление перечисленных форм поведения, и предполагал их оценку по 8 шкалам. По замыслу разработчиков, опросник должен обеспечивать оценку:

- частоты реализации определенного варианта поведения (за всю жизнь, за последний месяц),
- установление отправной точки, с которой началась его реализация;
- негативные последствия каждого из вариантов поведения;
- причины, по которым испытуемый реализует такое поведение (например: снять напряжение, тревогу, тоску, почувствовать возбуждение, приятные ощущения).

Модификация опросника, выполненная нами, позволила расширить круг исследуемых вариантов аутодеструктивного поведения, а также в некоторой мере изменить саму процедуру диагностики в сторону более широкого и дифференцированного применения субъективного шкалирования. В предлагаемую респондентам систему самооценки поведения было включено разделение действительно совершаемых и лишь представляемых (воображаемых) поступков; предлагая такую дифференциацию, мы учитывали, что каждый респондент имеет риск эскалации своих фантазий и перехода их в сферу реальных поступков. При исследовании представлений испытуемых о последствиях того или иного варианта поведения мы включили в рассмотрение не только негативные, но и позитивные последствия, ведь не каждый акт аутодеструктивного поведения может субъективно восприниматься человеком как вредный, опасный. При оценивании причин, по которым испытуемые совершают то или иное поведение, 5-балльная шкала была заменена на 7-балльную, что позволило более тонко дифференцировать причинно-следственные связи практики аутодеструктивного поведения и существующего у респондентов замысла (или субъективной необходимости). В созданную нами модификацию вошло в итоге 40 вопросов.

Результаты апробации методики позволили определить наиболее распространенные варианты аутодеструктивного поведения в выборке молодых людей, обследованных нами. Были сделаны выводы относительно того, какие варианты в перспективе необходимо исследовать более детально (за счет увеличения числа соответствующих вопросов, изменения инструкции и т.д.). Высоко распространенным оказалось, в частности, аддиктивное поведение, и именно его удалось исследовать наиболее глубоко. Обнаружились и процедурные недостатки модификации. Не все респонденты четко выполняли требования инструкции, поскольку она оказалась громоздкой и сложной для восприятия. Тем не менее, некоторые респонденты оставили обратную связь, утверждая, что опросник оказался для них полезным и интересным, поскольку заставил глубоко задуматься о себе и своем прошлом. Для некоторых респондентов, судя по их отзывам, стимульный материал оказался эмоционально тяжелым, поскольку затрагивал болезненные моменты их жизни.

В результате нам удалось выяснить, что между самообвинением, как частью самоотношения, и аутодеструктивным поведением не наблюдается прямой связи. Члены нашей выборки оказались не склонны к самообвинению даже при наличии стойких паттернов аутодеструктивного поведения. Однако были обнаружены связи между некоторыми проявлениями аутодеструктивного поведения и самообвинением как копинг-стратегией. Такие результаты

открывают перед нами перспективу дальнейшей разработки интересующей нас проблемы.

Опыт модификации RISQ оказался полезным и открыл важные перспективы. Представляется, что после корректировки стимульного материала и инструкции получаемые данные вполне могут быть использованы, как минимум, для детального качественного анализа аутодеструктивного поведения и его механизмов у конкретных испытуемых. Также целесообразно будет использовать данные субъективного шкалирования, заложенного в диагностическую процедуру, для определения факторов, играющих системообразующую роль в генезе отдельных вариантов аутодеструктивного поведения.

Литература

1. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
2. Польская Н. А., Власова Н. В. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте // Консультативная психология и психотерапия. –2015. – Том 23. – № 4. – С. 176–190.
3. Руженков В. А., Лобов Г.А., Боева А.В. К вопросу об уточнении содержания понятия "аутоагрессивное поведение" // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2008. – №32. – С. 20-24.
4. Столин В.В. Познание себя и отношение к себе в структуре самосознания личности: дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1985. – 530 с.
5. Sadeh, N., & Baskin-Sommers, A. (2017). Risky, Impulsive, and Self-Destructive Behavior Questionnaire (RISQ): A validation study. *Assessment*, 24(8), 1080–1094.

Биопсихосоциальные факторы возникновения патологического влечения у лиц, совершивших насильственные действия по отношению к несовершеннолетним лицам

Кривоколиско В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н. В.

Сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних имеют серьезные травматические последствия, которые распространяются на все сферы жизни несовершеннолетнего. Помимо очевидных медицинских последствий в

будущем могут наблюдаться сложности в выстраивании интимно-личностных взаимоотношений, выпадение из системы социальных отношений, а также закрепление полученного негативного опыта в виде сексуальных девиаций (Арутюнян, А.В., 1984; Морозова, Н.Б. 1996). Важным уточнением является тот факт, что не все, кто совершил сексуальное посягательство, являются педофилами. Стоит различать лиц, имеющих расстройство сексуального влечения, и тех, кто его не имеет. В данной работе будет рассмотрена именно первая группа лиц, а именно те, у кого обнаруживается диагноз педофилии. Обращаясь к МКБ-10, в которой понятие педофилии относится к разделу расстройств сексуального предпочтения, оно определяется как устойчивое или преобладающее сексуальное влечение к малолетним обоим полов в допубертатном или в начале пубертатного возраста (МКБ-10).

Целью исследования являлось выявление факторов, лежащих в основе патологического влечения у лиц, совершивших насильственные действия в отношении несовершеннолетних. В рамках исследования были использованы архивные материалы лиц, совершивших сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних, проходивших комплексную судебную психолого-сексолого-психиатрическую экспертизу в ГНЦСС им. Сербского за 2012 год, в количестве 5 человек с расстройством сексуального влечения в виде педофилии. Были использованы методы теоретического анализа, обобщения литературы, а также аналитические методы.

Исследование биологических, социальных и психологических факторов возникновения патологического влечения в анамнезе лиц, совершивших насильственные действия по отношению к несовершеннолетним лицам, выявило следующие особенности:

- для большинства исследуемых лиц общим признаком является наличие преимущественно неврологических заболеваний, в основном проявившихся в детском и подростковом возрасте;

- также для большинства испытуемых характерны проблемы в установлении контактов со сверстниками как в дошкольных учреждениях, так и в школах, то есть у испытуемых либо отсутствовали друзья, либо же они становились изгоями, в отношении которых сверстники могли применять физическую силу или вербальную агрессию;

- стоит отметить сниженную успеваемость в школе, преимущественно в начальных классах, а также повышенную отвлекаемость и утомляемость на школьных уроках;

- также для большинства испытуемых характерен фемининный тип половой идентичности, то есть фемининные черты имеют большую представленность, чем маскулинные, эмоциональное отношение к которым

крайне неоднородно, больше половины испытуемых оценивают образ положительно, остальные же оценивают отрицательно. Также для большинства характерна недостаточная дифференциация образов сексуального партнёра по возрастному признаку. В качестве выделения общих личностных черт можно говорить о высоком уровне социальной желательности, конформности, а также об обидчивости и страхе неудач;

- анализируя отношения в семье, можно выделить такой общий признак, характерный для большинства испытуемых, как дисгармоничные взаимоотношения с отцом. Можно предположить, что ввиду того, что отец не являлся эталоном образа мужчины, лицо не желало идентифицировать себя с ним, что могло повлиять на формирование половой идентичности.

В заключение важно отметить, что ввиду наличия различных взглядов на данную тему, важно развивать и пополнять уже имеющиеся источники знаний, а также исследовать еще не изученные стороны проблематики педофильного расстройства, что может быть использовано для совершенствования диагностики расстройства, а также для осуществления лечебно-реабилитационных мероприятий.

Литература

1. Арутюнян А.В. Сексуальные перверзии у лиц с органической патологией головного мозга в судебно-психиатрической практике: автореф. дисс... канд. мед. наук. – М.:, 1984.
2. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, онлайн версия. Принята 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения С изменениями и дополнениями Всемирной Организации Здравоохранения 1990-2021 гг.
3. Морозова Н.Б. Психические отклонения у детей и подростков жертв сексуального насилия: материалы всероссийской научно-практической конференции Дети и насилие. – Екатеринбург, 1996. – С.78-81.

Восприятие подростками стиля семейного воспитания и склонность к девиантному поведению у подростков

Кузнецова Ю.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический

университет (г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Проблема девиантного поведения является пограничной областью, находящейся на стыке изучения многих научных дисциплин: педагогики, психологии, социологии, права, психиатрии и т.д. Потому до сих пор нет единого определения данного феномена.

И.С. Кон, В.Г. Баженов, А.В. Иванов, Ф.А. Мустаева, В.А. Пятунин говорят о девиантном поведении как о системе поступков, которые могут быть реализованы в совершенно разных сферах человеческой жизнедеятельности, но при девиантном поведении обязательно нарушается хотя бы одна из норм права, культуры, морали или психического здоровья.

А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский и С.А. Беличева, давая определение термину «девиантное поведение», вкладывают в него причинность данного феномена. Они определяют данный феномен как некое социальное отклонение, которое противоречит правовым или моральным нормам и которое происходит из-за неблагоприятного социального развития, нарушений социализации, возникающих на разных возрастных этапах (Узеиров, А.А., 2017).

А.Ю. Егорова, Е.В. Змановская и Г.И. Макарычева говорят о том, что девиантное поведение всегда сопровождается социальной дезадаптацией личности (Змановская, Е. В., 2011).

По мнению многих авторов, семья является ведущим фактором развития личности, формирует представление о нормах и правилах поведения в обществе, закладывает ценности и развивает взгляды человека. На формирование поведения личности оказывают влияние такие факторы, как психологический климат в семье, личности родителей, характер взаимоотношений в семье, стиль семейного воспитания (Апинян, Г. В., 2009).

По мнению Т.В. Андреевой, детско-родительские отношения играют большую роль в процессе формирования личности подростка. Потому очень важно, чтобы они были гармоничными (Андреева, Т.В., 2015).

И.Г. Тимощук и П.С. Гожан отмечают, что отстаивая свои новые права, подросток пытается уйти от родительского контроля, ограждает от них некоторые стороны своей жизни. Во многих семьях такие перемены пугают родителей и вызывают негодование (Тимощук, И.Г., Гожан, П.С., 2016).

Авторы отмечают, что неприятие возрастных изменений в своем ребенке часто приводит к проявлению девиантных форм поведения со стороны подростка. Подростки, старающиеся уйти от постоянной опеки и доказать свою независимость, видя неприятие родителями их взросления, часто прибегают к агрессивным или суицидальным формам поведения.

Многие авторы выявили типы воспитательных ситуаций, которые способствуют формированию девиантного поведения у подростков: отсутствие

сознательного воспитательного воздействия на ребенка; высокий уровень подавления и насилия или хаотичность в воспитании (Реан, А.А., 2015).

Под стилем семейного воспитания обычно понимаются способы взаимодействия родителя со своим ребенком.

Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкис и А.Е. Личко разработали классификацию стилей дисгармоничного родительского воспитания. Она включает в себя следующие стили:

1. Доминирующая гиперпротекция – пристальный контроль за жизнью ребёнка. Родителям свойственна чрезмерная опека и создание системы постоянных запретов. Авторы отмечают, что данный стиль может приводить к двум формам развития: у большинства подростков приводит к открытому бунту против родительских запретов, реже – к развитию нерешительности и неумению постоять за себя.

2. Потворствующая гиперпротекция – стремление освободить ребёнка от любых возможных трудностей и стремление во всём ему угодить. Родители переоценивают заслуги своих детей, формируя у них неадекватно высокую самооценку, что в будущем приводит к отсутствию у ребёнка умений достигать цели, справляться с трудностями.

3. Гипопротекция - отсутствие участия родителей в жизни ребёнка и недостаток контроля. Дети и подростки склонны искать участие в их жизни со стороны других людей, чаще всего сверстников. Подростки склонны попадать под дурное влияние и участвовать в девиантных группировках.

4. Потворствующая гипопротекция - оправдание негативных поступков ребёнка, отсутствие надзора. Это приводит к постоянной жажде внимания, в подростковом возрасте это часто проявляется в девиантных формах поведения.

5. Скрытая гипопротекция - формальный контроль над поведением ребёнка, которого последний со временем научается избегать. В будущем это может приводить к развитию девиантного поведения. Как правило, это побеги из дома, склонность к агрессивному поведению, стремлению вступать в девиантные группировки сверстников.

6. Эмоциональное отвержение. Ребенок, чьи родители избирают данный стиль, чувствует себя лишним, ненужным, чужим в семье (Эйдемиллер, Э.Г., Юстицкис, В.В., 2015).

Как правило, ведущая роль в развитии аддиктивного поведения приписывается семье. Была выявлена связь между поведением родителей и последующим зависимым поведением детей (Апинян, Г. В., 2009).

Исследования семей, в которых у одного из членов была выявлена наркотическая зависимость, показывают, что аддиктивные формы поведения присущи не только пациенту, но и, как правило, одному из родителей.

По мнению Н.И. Кудрявцева, следующие факторы семейной среды оказывают значительное влияние на склонность подростка к делинквентному поведению:

- неудовлетворение потребностей ребенка;
- физическая агрессия, подавление интересов и желаний ребенка, чрезмерность наказаний;
- потворствование ребенку в выполнении его желаний;
- недостаточная требовательность родителей;
- несогласованность требований к ребенку со стороны родителей;
- хронически выраженные конфликты между родителями;
- усвоение ребенком через научение в семье асоциальных ценностей (Змановская, Е. В., 2011).

Члены семьи могут демонстрировать агрессивное поведение или могут подкреплять нежелательные действия ребенка. На становление агрессивного поведения ребенка влияют различные семейные факторы, например низкая степень сплоченности семьи, конфликтность, недостаточная близость между родителями и ребенком, неадекватный стиль семейного воспитания.

Например, родители, применяющие крайне суровые наказания, использующие чрезмерный контроль или, напротив, не контролирующие занятия своих детей, чаще сталкиваются с агрессией и непослушанием своих детей (Казданян С.Ш., 2012)

В этой связи, одним из важнейших аспектов в развитии личности ребёнка и благополучном протекании подросткового кризиса будет правильный выбор родителями стилей воспитания, в особенности их гармоничность, адекватность и устойчивость.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология. Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2015. – 224 с.
2. Апинян Г. В. О понятии «девиация», «девиантность», «девиантное поведение» // Известия Российского государственного университета им А. И. Герцена, 2009. – № 118. – С. 119 – 123.
3. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – СПб: Питер, 2011. (Стандарт третьего поколения) – 352 с.
4. Казданян С.Ш. К вопросу о влиянии стиля семейного воспитания на развитие личности ребенка // Сборники конференций НИЦ СОЦИОСФЕРА. – 2012. – №19. – С. 17-20.

5. Реан А.А. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения // Национальный психологический журнал. – 2015. – № 1(17). – С. 3-8.
6. Тимощук И.Г., Гожан П.С. Типичные проблемы во взаимоотношениях родителей с современными детьми-подростками // Ученые записки крымского инженерно-педагогического университета. – 2016. – №3 (5). – С.118-123.
7. Узеиров, А.А. Девиантные формы поведения личности: учебно-методическое пособие. – Ростов н/Д: Изд-во РостГМУ, 2017. – 30 с.
8. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2015. – 672 с.

Нарушения привязанности и психологические травмы как фактор формирования аддиктивного поведения

Михайлова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящее время вопросы, связанные с проблемой аддиктивного поведения, стоят крайне остро. Согласно докладу Глобальной Комиссии по наркополитике 2017 года (Проблема восприятия наркотиков в мире, 2017), проводимая профилактика зависимостей в большинстве стран мира показывает низкую эффективность. Это связано с тем, что механизм запугивания, использующийся в качестве основной меры профилактики, зачастую не выполняет своей изначальной функции, а только приводит к усугублению ситуации. При этом количество людей, страдающих от аддикций, продолжает расти. Данные ООН свидетельствуют о том, что в 2017 году около 271 миллиона человек в мире употребляли наркотики.

Психологические особенности, способствующие возникновению аддиктивного поведения, все чаще начинают рассматриваться в психологических исследованиях, однако вопрос все еще не изучен в полной мере. В настоящей работе речь идет об аддикции как следствии нарушений привязанности и психологических травм. Таким образом, целью исследования стала систематизация и описание этих факторов формирования зависимостей.

Аддиктивное поведение, согласно Е.В. Змановской, представляет собой форму девиантного поведения, связанную со специфической активностью или с использованием каких-либо веществ с целью адаптации или саморегуляции. Зависимость реализуется через фиксацию человека на определенном

аддиктивном агенте, например, это может быть психоактивное вещество (ПАВ), пища, секс и так далее. При этом важно понимать, что само столкновение с аддиктивным агентом не гарантирует формирование зависимости, поскольку, например, многие люди пьют алкоголь, но далеко не все страдают алкоголизмом. Именно поэтому изучение факторов формирования аддикций представляется необходимым, поскольку более глубокое понимание психологических механизмов возникновения и закрепления зависимостей может способствовать решению этой проблемы в обществе.

Различные психологические направления объясняют аддиктивное поведение следующим образом.

В психоанализе его связывают с нарушениями психосексуального развития. Зависимость в данном случае выступает как искусственное возвращение в детство, попытка компенсации стыда, вины, грусти, беспомощности перед жизненными трудностями и бессилием “Я”.

В бихевиоризме внимание заостряется именно на неустойчивости аддиктов к стрессу, которое восполняется за счет зависимого поведения.

Когнитивное направление делает акцент на том, что аддикция формируется из-за проблем с внутренним контролем и когнитивными процессами, а также с особенностями локуса контроля.

Для гуманистического подхода характерно понимание зависимого поведения как ответа на экзистенциальную фрустрацию.

Таким образом, мы можем сказать, что подходов к изучению этого феномена существует довольно много, однако в большинстве из них признается то, что зависимость в первую очередь выступает в качестве компенсаторного механизма психики, а стремление человека к эскапизму является одной из психологических особенностей, которые значительно повышают риск возникновения аддиктивного поведения.

В данном вопросе нам стоит обратить внимание именно на то, какие жизненные обстоятельства способствуют закреплению таких психологических особенностей.

Одними из самых значительных неблагоприятных условий, с которыми человек может столкнуться во время своего развития, являются психологические травмы и нарушение привязанности, поскольку они могут привести к серьезной дезадаптации индивида.

Понятие “психологическая травма” подразумевает под собой урон, нанесенный психике человека посредством интенсивного влияния внешних неблагоприятных условий (Мазур Е.С., 2003). Она выступает как фактор, препятствующий планомерному развитию личности, поскольку

психотравмирующее событие, особенно пережитое в раннем детстве, мешает развитию психики, и в том числе может приводить к психопатологиям.

Многие психологи подчеркивают, что люди, столкнувшиеся с насилием в своей жизни, имеют большую склонность к аутоагрессивному поведению, которое в том числе может проявляться в злоупотреблении ПАВ.

В исследовании психологических травм раннего возраста у наркозависимых было отмечено, что люди, демонстрирующие аддиктивное поведение, чаще имеют ранний травматический опыт, чем здоровые люди (Железнякова Ю.В., 2014).

Большинство психологических направлений соглашаются с тем, что детство человека имеет решающее значение в формировании психопатологий. Такое сильное влияние обусловлено в первую очередь тем, что семья, выступая в качестве первого агента социализации, оказывает большое воздействие на развивающуюся психику.

В том случае, если мать или иной главный ухаживающий взрослый не способен в полной мере замечать, обеспечивать и своевременно реагировать на эмоциональные потребности ребенка, то, скорее всего у него сформируется ненадежный тип привязанности.

В семьях, в которых имеется ненадежный тип привязанности между взрослым и ребёнком, последний может сталкиваться с неадекватными реакциями на свои эмоции со стороны ухаживающего взрослого, отсутствием близких взаимоотношений, чувством небезопасности, связанным с противоречивыми действиями родителя, отвержением и так далее.

Ребенок вынужден приспособливаться к тем условиям, которые имеются, однако у него закрепляются неадаптивные жизненные стратегии. Например, ребёнок, мать которого не демонстрирует любви и заинтересованности в нём, сам в какой-то момент дистанцируется и учится справляться самостоятельно, однако в будущем эта избегающая стратегия поведения будет только мешать построению близких отношений.

В исследовании, в котором изучался тип привязанности у матерей наркозависимых, было установлено, что ненадежные типы привязанности, которые в результате превалировали у таких матерей, выступают в качестве фактора риска развития аддикций у их детей (Калмыкова Е.С., Гагарина М.А., Падун М.А., 2007).

Таким образом, по результатам проведенного нами теоретического исследования мы пришли к следующим выводам:

Есть основания полагать, что зависимое поведение возникает за счет формирования сложного механизма психики, который изначально направлен на улучшение адаптационных способностей человека в тех случаях, когда

естественные адаптационные возможности были нарушены или недостаточно развиты из-за неблагоприятных условий. Зачастую это происходит из-за нарушений привязанности и психологических травм, полученных в раннем возрасте. Также было выяснено, что последствия нарушений привязанности и психологических травм во многом совпадают с теми особенностями психики, которые различные авторы выделяют как приводящие к аддиктивному поведению: высокий уровень тревоги, неспособность быть в доверительном контакте с другими людьми, низкий уровень самооценки, высокая чувствительность к стрессу и так далее.

Данные из настоящей работы могут лечь в основу профилактики аддиктивного поведения, а также значительно повлиять на эффективность реабилитации зависимых людей.

Литература

1. Железнякова Ю. В. Дисфункциональные семьи как фактор развития аддиктивного поведения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – 2014. – №35-1. – С.48-52.
2. Калмыкова Е.С., Гагарина М.А., Падун М.А. Роль типа привязанности в генезе аддиктивного поведения : постановка проблемы Часть 1 // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. №6. – С.45-54.
3. Мазур Е.С. Психическая травма и психотерапия // Консультативная психология и психотерапия. – 2003. – Том 11. № 1. – С. 31–52.
4. Проблема восприятия наркотиков в мире. Время развеять предрассудки о людях, употребляющих наркотики. Доклад Глобальной комиссии по вопросам наркополитики, 2017. – URL: <https://www.talkingdrugs.org/ru/ot-stigmy-k-advokatsii-otchet-globalnoi-komissii-po-narkopolitike>
<https://www.globalcommissionondrugs.org/2017> (дата обращения: 12.05.2021).

Психологический анализ поведения серийного сексуального преступника при решении задач криминального профайлинга

Мухина Е.О.

Московский государственной психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Серийные преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности считаются чрезвычайно сложными для раскрытия. Трудности в борьбе с ними могут объясняться:

1. Отсутствием единого подразделения, официально занимающегося подготовкой специалистов-профайлеров с междисциплинарным видением проблемы портретирования, которое сочетало бы в себе достижения психологии, криминалистики и иных смежных областей знания. Отсюда проистекает:

- сложность с тем, чтобы посредством составления профиля значительным образом сузить круг подозреваемых и ускорить процесс поиска преступника,
- отсутствие официальной объединенной базы (учета) нераскрытых и раскрытых преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности по всем субъектам РФ, отсутствие глубокого междисциплинарного анализа на ее основе, а также отсутствие профессиональных психологических интерпретаций ряда поведенческих признаков-маркеров преступников, которые могли бы выделиться в ходе формирования базы;

2. Особенности серийных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности со следственной и оперативно-розыскной точек зрения:

- значительный территориальный разброс отдельных эпизодов серии,
- зачастую неочевидное сходство мест преступления, стилей нападений, выбираемых жертв (например, из-за неполноты реализации умысла в каком-либо из эпизодов или изменчивости поведенческой линии преступника ввиду ситуационных, психологических или психиатрических факторов);
- проблематичность установления личности преступника из-за неготовности потерпевших взаимодействовать со следствием (ввиду интимного характера посягательств) либо из-за феномена «маски нормальности» у части серийных преступников и т.д.

Однако, инструмент для решения указанных выше проблем мог бы предоставить психолог, произведя с учетом методики расследования анализ поведения серийного преступника и синтезировав полученные результаты с работой специалистов других научных областей – криминалистики, психиатрии, сексологии и др. Одной из таких попыток и будет являться данное исследование.

Итак, главные цели работы – это выделение типов преступников, совершивших серию половых преступлений, создание их классификации, нацеленной на оптимизацию процесса расследования, а также подготовка предложений по повышению эффективности оперативно-розыскных мероприятий и криминального профайлинга.

В ходе исследования посредством сравнительного метода, обобщения, классификации, реконструкции и анализа поведения, а также кластерного и

дискриминантного анализа будут изучаться преступники, совершившие серию (два и более) преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 131-135 УК РФ; ст. 117-121 УК РСФСР). В качестве источника информации об их личностных и поведенческих особенностях выступят **145** приговоров по эпизодам, реализованным **81** преступником в пределах территории Тамбовской области. Среди обозначенных лиц - **68** вменяемых (т.е. способных осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий или бездействия, а также руководить ими), совершивших в совокупности **115** эпизодов, а также **13 человек**, совершивших в совокупности **30** эпизодов, среди которых есть как (1) вменяемые, но обладающие психическими особенностями (например, органическим расстройством личности, отставанием в психическом развитии в виде снижения интеллектуально-мнестических процессов, алкоголизмом, остаточными явлениями раннего поражения ЦНС с эмоционально-волевой неустойчивостью и т.д.), так и (2) ограниченно вменяемые (например, ввиду органического поражения головного мозга или расстройства сексуальных предпочтений).

Для структурирования информации, содержащейся в приговорах, ее анализа и подготовки к расчетам, нами будут выделены следующие блоки:

1. Личностные характеристики преступника

- 1) Возраст преступника на момент совершения деяния;
- 2) Семейное положение;
- 3) Образование;
- 4) Занятость
- 5) Наличие судимости:
 - За половые преступления,
 - За преступления против жизни и здоровья,
 - За преступления против собственности и др.

2. Поведенческие особенности преступника

- 1) Совершение преступления в соучастии.
- 2) Использование транспорта при совершении преступного деяния.
- 3) Фаза контакта с жертвой непосредственно до нападения
 - 3.1) Отсутствие данной фазы;
 - 3.2) Наличие в формах:
 - Контакт в виде предварительного разговора (расспрашивание потерпевшей о том, как ее зовут, где живет, сколько лет, уточнение подробности интимной жизни либо предложение о распитии спиртного/проведения совместного досуга),
 - Преступник притворяется врачом, милиционером/предлагает что-то посмотреть или помочь,

- Жертва сама инициирует контакт.
- 4) Способ контролирования жертвы в ходе преступных действий:
 - С использованием оружия,
 - Только посредством словесных угроз,
 - Посредством физического усилия и словесных угроз.
- 5) Насилие в ходе преступления:
 - Единичные повреждения либо множественные удары (с локализацией повреждений),
 - Удушение,
 - Укусы и т.д.
- 6) Шаги, предпринимаемые преступником до начала действий сексуального характера:
 - Использование средств контрацепции,
 - Употребление алкоголя/наркотиков.
- 7) Манипуляции, производимые с одеждой жертвы:
 - Преступник заставляет жертву обнажиться самостоятельно,
 - Частично обнажает жертву,
 - Полностью обнажает жертву,
 - Разрывает/разрезает одежду жертвы.
- 8) Манипуляции, производимые преступником со своей одеждой:
 - Частично обнажается,
 - Обнажается полностью.
- 9) Дополнительные действия в ходе преступления:
 - Принуждение жертвы к употреблению алкоголя/наркотиков,
 - Использование лубрикантов,
 - Связывание/сковывание жертвы наручниками,
 - Унижение жертвы в словесной форме,
 - Фотографирование/съемка происходящего на видео,
 - Хищение денег/ценностей.
- 10) Сексуальный контакт:
 - В естественной форме,
 - В иных формах,
 - Введение предметов в половые органы жертвы,
 - Требование преступника стимуляции его половых органов.

3. Информация о жертве

- 1) Пол жертвы,
- 2) Возраст жертвы,
- 3) Знакомство преступника с жертвой до нападения.

4. Общие характеристики преступления

- 1) Место жительства преступника,
- 2) Место работы преступника,
- 3) Место первоначального контакта/нападения (при наличии),
- 4) Расстояние между м/ж преступника и местом преступления; между местом работы преступника и местом преступления (в км),
- 5) Время нападения (дата и время суток),
- 6) Временные интервалы между эпизодами серии; между выходом на свободу после отбывания наказания и совершением нового преступления,
- 8) Общая динамика и «рисунок» серии (частотность эпизодов, соотношение времени эпизодов по половым преступлениям с иными преступлениями и т.д.).

Наконец, предполагается, что после проведения расчетов следующие гипотезы найдут своё подтверждение:

1. Совокупность поведенческих и личностных особенностей преступников, совершивших серию половых преступлений, характеристики их жертв, а также отдельные пространственно-временные характеристики дает возможность отнести насильников к тому или иному виду;
2. Существуют различия в общей динамике и «рисунке» серии у психически здоровых преступников и преступников с патологиями;
3. Существуют такие различия между отдельными эпизодами серии, посредством которых имеется возможность установить приблизительный порядковый номер эпизода во всей серии.

Надеемся, что результаты исследования внесут определенный вклад в оптимизацию работы следственных органов, занимающихся раскрытием сложнейшего вида серийных преступлений.

Литература

1. Анфиногенов А.Л. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис.... канд. психол. наук. – М., 1997. – 183 с.
2. Бухановский А.О., Бухановская О.А. Психические расстройства у серийных сексуальных преступников: аналитический обзор. – Ростов н/Д., 2003. – 42 с.
3. Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., Ткаченко А.А. Судебная сексология. – М., 2020 г. – 648 с.

Особенности копинг-стратегий у женщин с разным типом ролевой виктимности

Мынкина В.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Актуальность данной темы определяется тем, что виктимология является одной из малоизученных областей знания, молодой по сравнению с другими. Также отмечается увеличение количества женщин, ставших жертвами домашнего насилия и рост обращений на горячую линию помощи женщинам, попавшим в ситуацию домашнего насилия. В различных источниках можно наблюдать отличия в виктимности и виктимном поведении мужчин и женщин, что так же дает основание для изучения особенностей конкретного пола. Исследование данной проблемы позволит выявить подход к профилактике виктимного поведения и его коррекции.

Цель исследования – изучение особенностей копинг-стратегий у женщин с разным типом ролевой виктимности.

Задачи исследования:

- 1) Изучить связь копинг-стратегий с типом ролевой виктимности и общим уровнем виктимности.
- 2) Рассмотреть различия по субшкалам методик между группами со средним и высоким уровнем виктимности.
- 3) Сделать вывод о характерных особенностях психологических переменных для разного уровня виктимности и типов ролевой виктимности.

Гипотезы:

- 1) Женщинам с игровой ролью жертвы свойственны такие копинг-стратегии, как бегство-избегание, поиск социальной поддержки, конфронтация. Женщиными с социальной ролью жертвы используются такие стратегии, как бегство-избегание, самоконтроль.
- 2) Копинг-стратегии не зависят от роли жертвы, а являются одинаковыми для обеих ролей, а именно: бегство-избегание, поиск социальной поддержки, конфронтация.

Выборка исследования: 82 женщины, возраст респонденток от 18 до 32 лет. 48 человек из 82 имеют высокий уровень виктимности, 34 человека из 82 имеют средний уровень виктимности. 3 человека с низким уровнем виктимности были исключены из выборки, так как являются недостаточным количеством для

группы сравнения. Занятость – 38 человек неработающие студентки, 35 человек работающие студентки, 12 работающие под руководством. Жертвами преступлений когда-либо были 24 женщины, из них 15 не заявляли о преступлении.

Методики и процедура исследования

Были использованы три методики, а именно – методика «Типы ролевой виктимности» (авторы М.А. Одинцова и Н.П. Радчикова); методика «Способы совладающего поведения» (Р. Лазаруса в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой); методика «Жизнестойкость» (авторы Д.А.Леонтьев и Е.И.Рассказова).

Данные методики были представлены респондентам в виде анкеты, сначала предлагалось указать свой пол, возраст, занятость, а также являлась ли респондентка когда-либо жертвой преступления и если да, то заявляла ли она об этом в полицию. Далее предлагалось ответить на вопросы методики «Тип ролевой виктимности», после этого респондентка сразу перенаправлялась на вопросы методики «Жизнестойкость», а затем на вопросы методики «Способы совладающего поведения».

Исследование проводилось на онлайн платформе GoogleForms. Респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы 3-х методик. Исследование было анонимным и занимало не более 15 минут времени на прохождение. Инструкции, данные в методиках, были отображены на экране перед началом прохождения каждой.

Далее результаты исследования были обработаны с помощью программ Excel 2019 и IBM SPSS Statistics.

Результаты

Результаты нашего исследования показали, что женщинам с разным типом ролевой виктимности свойственна копинг-стратегия «бегство-избегание». При рассмотрении связи копинг-стратегий с общим уровнем виктимности выяснилось, что чем выше уровень виктимности, тем чаще выбирается стратегия избегания решения сложной ситуации.

Выявлены значимые различия между группами с высоким и средним уровнем виктимности, а именно: у женщин со средним уровнем виктимности более высокий уровень жизнестойкости и ее составляющих (вовлеченность, контроль, принятие риска); у женщин с высоким уровнем виктимности более высокие баллы таких копинг-стратегий, как бегство-избегание, конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, принятие ответственности.

Были выделены следующие характерные особенности психологических переменных для высокого и среднего уровня виктимности и разных типов ролевой виктимности: чем ниже уровень социальной роли жертвы тем выше все

составляющие жизнестойкости и ее общий уровень; чем ниже уровень игровой роли жертвы, тем выше только общий балл жизнестойкости; стратегия «бегство-избегание» становится менее выраженной при более высоких уровнях жизнестойкости, вовлеченности и принятии риска; стратегия «планирование решения проблемы» более выражена при повышении уровня контроля. Также выявлены особенности сочетания копинг-стратегий между собой: чем выше уровень стратегии «конфронтация», тем более выражена положительная переоценка ситуации; чем более выражен копинг «дистанцирование», тем более выраженными будут копинги «самоконтроль» и «бегство-избегание»; чем выше уровень стратегии «принятие ответственности», тем выше уровень стратегии «бегство-избегание»; чем более выражен копинг «планирование решения проблемы», тем более выражен копинг «положительная переоценка».

Выводы

Женщинам с разным типом ролевой виктимности свойственна копинг-стратегия «бегство-избегание», так же чем более высокий уровень виктимности, тем более свойственно избегание решения проблемной ситуации.

Чем ниже уровень социальной роли жертвы, тем выше уровень вовлеченности, уровень принятия риска, уровень жизнестойкости. Чем ниже уровень игровой роли жертвы, тем выше общий уровень жизнестойкости.

Чем выше общий уровень виктимности, тем ниже уровень по всем шкалам методики «Жизнестойкость». Это говорит о снижении всех аспектов жизнестойкости с ростом уровня виктимности.

Копинг-стратегия «бегство-избегание» менее выражена при повышении уровня вовлеченности, принятии риска и жизнестойкости в целом. Копинг-стратегия «планирование решения проблемы» более выражена при повышении уровня контроля. Чем более выражен конфронтационный копинг, тем более выражена положительная переоценка ситуации. Чем более выражен копинг «дистанцирование», тем более выраженными будут копинги «самоконтроль» и «бегство-избегание». Чем более выражен копинг «принятие ответственности», тем более выражен копинг «бегство-избегание». Чем более выражен копинг «планирование решения проблемы», тем более выраженным окажется стратегия «положительная переоценка».

Имеются значимые различия между группами с высоким и средним уровнем виктимности по всем шкалам методики «Жизнестойкость», а также по следующим копингам: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, принятие ответственности, бегство-избегание.

Самоповреждающее поведение в период пандемии COVID-19: обзор исследований 11 стран

Недилько Д.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

11 марта 2020 ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19. В течение последующего года было представлено немало данных о психологических трудностях, с которыми столкнулись люди в разных странах в связи с пандемией и сопутствующими ей экономическом кризисе и вынужденной самоизоляции. Среди них рост домашнего насилия, злоупотребление алкоголем, развитие новых и обострение существующих психических расстройств. Целью нашего исследования является анализ того влияния, которое пандемия COVID-19 оказала на динамику самоповреждающего поведения. Нами было проанализировано 15 исследований по данной проблеме в 11 странах.

По результатам опроса британских врачей, работавших с пациентами, обратившимися за помощью в связи с селфхармом, были выделены следующие факторы, связанные с пандемией и самоизоляцией и оказавшие наибольшее влияние на самоповреждающее поведение: (1) ухудшение ментального здоровья; (2) ограниченный доступ к сервисам психологической помощи; (3) одиночество и изоляция; (4) ограниченные контакты с близкими; (5) нарушение привычного распорядка дня; (6) «чувство западни» (восприятие своего дома как ловушки) (Hawton et al, 2021).

США. В Нью-Йорке на 100% возросла частота вызовов неотложной скорой медицинской помощи к детям по причине суицидальных мыслей и попыток, а также селфхарма весной 2020 года по сравнению с аналогичными периодами в 2018 и 2019 годах (Sokoloff et al, 2021). Схожее исследование проведено в Мичигане, но результаты противоположные: зарегистрировано на 40% меньше случаев обращения за неотложной медицинской помощью по сравнению с аналогичными периодами предыдущих лет (Bergmans et al, 2021).

Канада. Онлайн-опрос 6041 респондента с 23 по 30 марта 2020 выявил «пассивное желание умереть» («*passive death wish*») и мысли о селфхарме у 14% канадцев. Авторы сравнивают полученные данные с результатами исследований 2016 года, согласно которым 12% канадцев когда-либо испытывали желание умереть, а 2.5% задумывались о суициде в течение последнего года. Делается

вывод о росте «пассивного желания умереть и мыслей о селфхарме» (Sapara et al, 2021).

Великобритания. Зафиксировано значимое снижение частоты обращений за неотложной медицинской помощью вследствие селфхарма (на 31% в больницы Оксфорда и Дерби; на 40% в «один из крупных британских центров психиатрической помощи») (Hawton et al, 2021; Kapur et al, 2021). При этом результаты широкомасштабного общественного опроса не выявили значимых изменений в уровне самоповреждающего поведения после введения режима самоизоляции. Делается вывод об отсутствии оснований полагать, что пандемия спровоцировала рост самоповреждений в Великобритании (Kapur et al, 2021).

Греция. Анонимный онлайн-опрос 3399 человек выявил увеличение числа суицидальных мыслей у 10% населения, а у 4% – снижение (Fountoulakis et al, 2021).

Россия. Выявлена актуализация суицидальных проявлений и самоповреждающего поведения у пациентов ГБУЗ «Научно-практического центра психического здоровья детей и подростков им. Г.Е. Сухаревой» весной 2020 года (ухудшение было диагностировано у 30% пациентов в апреле и у 26% в мае; тогда как в апреле и мае 2019 года подобные ухудшения были выявлены только у 16% детей; в течение трех предшествующих пандемии месяцев – у 16-17%) (Бибчук и др., 2020). В 2,5 раза выросло количество обращений о самоповреждающем поведении на телефон неотложной психологической помощи Московской службы психологической помощи населению (Герасимова, 2020).

Китай. Установлена значимая корреляция «факторов, связанных с эпидемией» («*epidemic-related factors*»); среди них – наличие заболевших родственников и друзей, страх распространения вируса, готовность работать с COVID-положительными, уверенность в победе над пандемией и т. д.) со склонностью к самоповреждающему поведению среди работников больниц на материале онлайн-опроса 11705 медиков (Xu et al, 2021).

Индия. Индийскими психиатрами описаны два случая селфхарма (оба – с суицидальными намерениями), предпринятые весной 2020 года, вызванные информацией (в том числе и недостоверной) о высокой вероятности мучительной смерти от короновирусной инфекции, распространяемой СМИ (Sahoo et al, 2020).

Непал. Выявлен значимый рост суицидальных и несуйцидальных действий самоповреждающего характера на основе анализа 125 упоминаний данных

действий в электронных историях болезни больницы при Университете Катманду в период самоизоляции (в Непале – с 24 марта по 23 июня 2020): на 44% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года и на 72% по сравнению с предшествующим трехмесячным периодом (с 24 декабря по 23 марта 2020). При этом общее количество обращений за неотложной медицинской помощью, наоборот, сократилось на 53% и 55% соответственно (Shrestha et al, 2021).

Ливан. Не было выявлены корреляции между страхом перед пандемией COVID-19 и склонностью к селфхарму или суицидальными мыслями. При этом обнаружена прямая связь между уровнем дохода и суицидальными мыслями; а также обратная связь между уровнем доверия политическим институтам и самоповреждающим поведением. Авторы интерпретируют полученные данные как сильный вклад социоэкономического компонента в ухудшение ментального здоровья ливанцев в период самоизоляции (Maatouk et al, 2021).

Австралия и Новая Зеландия. В Австралии зафиксирован 9.5%-рост обращений за неотложной медицинской помощью вследствие самоповреждений (среди несовершеннолетних этот же показатель составил 33%) (Kyli, 2021). На 3.5% возросло количество обращений за скорой медицинской помощью по причине селфхарма в Новой Зеландии (Йоусе, 2021).

Таким образом, в большинстве стран установлен рост самоповреждающего поведения в период пандемии и самоизоляции. Более противоречива картина в наиболее экономически развитых странах (США и Великобритания), что может быть связано с хорошо развитой системой оказания психологической помощи (в том числе, дистанционной) населению в период пандемии.

Литература

1. Hawton, K. et al. Self-harm and the COVID-19 pandemic: a study of factors contributing to self-harm during lockdown restrictions // *Journal of psychiatric research*. – 2021. – Vol.137. – P. 437–443.
2. Kapur, N. et al. Effects of the COVID-19 pandemic on self-harm // *The Lancet Psychiatry*. – 2021. – Vol. 8. – no. 2. – P. 4.
3. Sapara, A. et al. COVID-19 pandemic: demographic and clinical correlates of passive death wish and thoughts of self-harm among Canadians // *Journal of Mental Health*. – 2021. – P. 1–9.
4. Sokoloff, W. C. et al. Pediatric emergency department utilization during the COVID-19 pandemic in New York City // *The American Journal of Emergency Medicine*. – 2021. – Vol. 45. – P. 100–104.

Нейрокриминология: анализ аддиктивного поведения серийных сексуальных преступников

Нечесова С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

За последние несколько лет акцент исследования криминального поведения сместился в сторону нейропсихиатрии, нейропсихологии и нейрокриминологии. Все чаще исследователи сталкиваются с фактами, позволяющими отграничить преступное поведение и его проявление от социально приемлемого. Критериями дифференциации, в том числе, становятся переменные нейропсихологических исследований, позволяющие не только обнаружить схожие проявления симптоматики определенных расстройств, но и применить их характерные особенности в такой прикладной отрасли юридической психологии, как криминальный профайлинг.

Автором статьи было проведено исследование нейротопологии аддиктивного поведения, в котором анализу подвергся «modus operandi» серийных сексуальных преступников, страдающих парафилиями/парафильными расстройствами: всего 3 серии по 3-5-13 эпизодов, соответственно – 21 эпизод.

В результате проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1) сексуально аддиктивное поведение выявляет как схожие, так и отличительные признаки нарушений в функциональной деятельности ВПФ. К схожим относятся: нарушения в пределах височных и теменно-затылочных долей. К отличительным относятся:

- 1-я серия (сомнофилия, некрофилия, раптофилия) – лобные отделы + лимбическая система + ретикулярная формация. Эпилептиформное возбуждение в коре;

- 2-я серия (аутоасфиксифилия (скарфинг), вуайеризм) – кора больших полушарий + аммониев рог + мозжечок;

- 3-я серия (сексуальный садизм, BDSM, аутоасфиксифилия (скарфинг), анальный эротизм (римминг или анилингус), флагелляция) - правый височный рог + повышенное содержание тестостерона + дисфункция миндалина (гиперактивность);

2) отличительные признаки нарушений проявлялись при реализации сексуальных сценариев, а значит, при деятельностной активности, которая зависела от вида парафильного расстройства.

Автором исследования на примере указанных выше нарушений были выдвинуты следующие предложения, которые можно включить в профиль:

1) по 1-й серии - компульсивно-импульсивный характер нападений на жертв. В данном случае преобладание дисфункции лобных отделов ведет к нарушениям во взаимодействии корково-подкорковых структур, что влечет снижение уровня бодрствования и способствует нарушению сознания в виде дисбаланса пространственно-временных отношений. Такой человек, попав в деликт, может потерять счет времени, впасть в состояние некой заторможенности. Компенсаторный механизм может способствовать «дистраиванию» реальности в виде сужения сознания и создания состояний измененного сознания. Во время формирования «фаз компульсивного поведения», преступник может полностью терять контроль. Компульсивная реализация сексуального сценария по такому типу сопровождается временными диссоциативными расстройствами. Они, в свою очередь, могут давать эффект множественной личности, либо эффект диссоциативной фуги. Учитывая импульсивность поведения и высокий уровень агрессии, можно предположить, что преступник страдает эпилептиформным возбуждением в коре головного мозга. Можно предположить, что нападения на женщин снимают эпилептические припадки, так как происходит разрядка и торможение пароксизмальной активности в коре;

2) по 2-й серии – насильник в нескольких эпизодах использовал лигатурное удушение и удушение руками. Преступники, использующие лигатурные удушения своих жертв, склонны убивать сотрудников правоохранительных органов, оказывают мощное сопротивление при задержании и бывают хорошо вооружены (Gwinn, С., 2015). При поимке такого преступника все предметы, которые были им взяты с мест преступлений, найдут у него. В профиле можно указать, что такой преступник страдает функциональным снижением работы обоих полушарий мозга, что в поведенческом аспекте будет проявляться в виде снижения внимания, ригидности, заторможенности реакций.

Высока вероятность проявления симптоматики синдрома постгипоксической/постаноксической энцефалопатии (из-за практик лигатурного удушения – прекращения поступления кислорода в мозг на протяжении длительного времени), что в поведенческом аспекте проявится в виде расстройств памяти и сознания, сильных головных болях, головокружениях, шумах в голове, частых депрессивных состояниях на фоне сильной дистрофии участков коры обоих полушарий и некоторых отделов головного мозга. Как следствие – симптомы синдрома Вернике (офтальмоплегия, нистагм; мозжечковая и корковая атаксия, которые будут

выражаться в нарушении динамических произвольных движений конечностями и неустойчивой «пьяной» походке). Корсаковский психоз (неалкогольный) - сочетание антероградной и ретроградной амнезии (потеря памяти на события, предшествовавшие совершению аутоасфиксии, - травматическому для мозга событию, при сохранении рабочей памяти) и синдром помрачения сознания (нарушения восприятия окружающего, расстройство мышления, дезориентировка в людях, местности, времени, собственной личности, амнезия частичная или полная на время помрачения, галлюцинации). Перечисленные симптомы могут проявляться вместе или по одному, в виде сильных проявлений или слабых. Такой преступник, возможно, периодически вынужден обращаться за помощью к врачу-психиатру, неврологу или психотерапевту.

3) 3-я серия - анальный эротизм и особенно анилингус распространен среди лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Поэтому можно предположить, что преступник отбывал наказание в местах лишения свободы. Так же подобное поведение распространено в ЛГБТ сообществах, среди гомосексуалистов и лесбиянок. Возможно, что у него была гомосексуальная связь. При практиках BDSM и сексуального садизма исследования ученых указывают на отклонения в работе правого височного рога и повышенное содержание тестостерона, дисфункцию миндалевидного тела, синдромы мозговой дефицитарности (Janet I. Warren, Robert R. Hazelwood, 1996). В поведенческом аспекте это выражается в эмоциональном дефиците, ригидности, отсутствии эмоционального интеллекта, низком уровне эмпатии. В то же время, в момент активации сексуального сценария, в фазе деликта, сексуальные садисты очень четко «считывают» эмоциональные реакции окружающих. Вне деликта – это интровертированный тип личности, имеющий большие сложности в социализации и проблемы в семейной жизни, чаще - одинокий мужчина.

При виде страданий у сексуальных садистов была обнаружена гиперактивность миндалевидного тела (Harenski C. L., Thornton, 2012), что ведет к гиперсексуальности, невероятной агрессии и возможности получать сексуальное удовлетворение от вида страданий других людей (или животных). Многие пациенты и преступники с гиперактивностью миндалевидного тела страдают шизоидным и биполярным аффективным расстройством (Laura A; Thomas et al, 2012), что дает целый спектр поведенческих характеристик, которые можно внести в профиль.

Таким образом, нейро-топологические особенности пространственных характеристик поведения серийных сексуальных преступников могут быть использованы при составлении профиля преступника. Автором предложено внести в исследовательскую часть экспертного заключения дополнительный пункт «Нейропсихологический анализ поведения преступника».

Литература

1. Harenski, C. L., Thornton, (2012). Increased frontotemporal activation during pain observation in sexual sadism. *Archives of General Psychiatry*, 69(3), 283–292.
2. Janet I. Warren, Robert R. Hazelwood (1996). *The Sexually Sadistic Serial Killer*. Institute of Law Psychiatry and Public Policy.
3. Laura A; Thomas et al. Elevated amygdala responses to emotional faces in youths with chronic irritability or bipolar disorder // *Neuroimage Clinical: journal*. — 2013. — Vol. 2, no. 2. — P. 637—645.
4. Gwinn, C. (2015). Men who strangle women also kill cops. // *Winter 2015*, pp.197-199(3).

Особенности самоотношения у подростков, подвергшихся буллингу в школьной среде

Николаева А. А.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Аникина В.Г.

Явление буллинга распространено в современной школе, но эту проблему по тем или иным причинам замалчивают – не афишируют случаи грубости, агрессии в отношениях между учащимися. С одной стороны, педагогический коллектив, заботясь о собственной репутации, игнорирует ее, а с другой – умалчивают родители, считая ситуацию травли хорошей школой жизни для ребёнка, или, волнуясь за своих детей, переводят их в другое учебное заведение. При таких условиях проблему буллинга не устраняют, а наоборот, она приобретает большие масштабы и жестокость в школе.

Актуальность исследования буллинга в наше время объясняется тем, что, во-первых, увеличивается количество фиксированных случаев данного явления. Ситуация буллинга приводит к ряду педагогических (школьная дезадаптация, академическая неуспеваемость), психологических (психологические расстройства, закрепление в сознании негативных представлений о себе, снижение самооценки, нарушения социализации, социальная дезадаптация), медицинских (травматизация) последствий (Волкова Е.Н., Волкова И.В., Скитневская Л.В., 2017).

Первые публикации на тему школьной травли появились довольно давно, еще в 1905 г. К. Дьюкс опубликовал свою работу, но первые систематические исследования проблемы буллинга, проводившиеся в 70-х годах, принадлежат

скандинавским ученым, среди них: Д. Олвеус, П.П. Хайнеманн, А. Пикас, Е. Роланд. Среди перечисленных исследователей Д. Олвеус и сегодня остается самым авторитетным исследователем проблемы буллинга. Затем интерес возник и в Великобритании, публикации на эту тему появились в работах В.Т. Ортона, Д. А. Лэйна, Д.П. Таттума, Е. Мунте. В США особое внимание к буллингу стали проявлять вначале 90-х гг. (Глазман О.Л., 2009).

В настоящее время проблема буллинга среди подростков остается до сих пор до конца не изученной и мало разработанной в нашей стране. Однако последнее время растет интерес к проблеме буллинга в отечественной психологии и приобретает всё более устойчивый характер. К отечественным исследователям, занимающимся этим вопросом, относятся: В.Р. Петросянц, В.И. Вишневская, Е. Н. Волкова, И.С. Кон, И. В. Волкова, Д.Н. Соловьева, Т. Г. Гришина, О.Д. Маланцева и другие.

Цель нашего исследования – изучить особенности самоотношения и самооценки у подростков, подвергшихся буллингу в школьной среде. Достижение поставленной цели связано с решением ряда задач: осуществить теоретико-методологический анализ исследований подросткового возраста; описать особенности развития когнитивной сферы подростков; провести теоретический обзор исследований самосознания подростков, самооценки и образа Я; осуществить теоретико-методологический анализ исследований буллинга в школьной среде; провести исследование особенностей самоотношения и самооценки у подростков, подвергшихся буллингу в школьной среде; описать коррекционные и профилактические мероприятия с подростками, подвергшимися буллингу.

В ходе нашего исследования мы выявили, что у подростков, подвергшихся буллингу, снижены показатели самоуважения – они видят у себя преимущественно недостатки, они не уверены в себе и не принимают себя. Для них характерна низкая самооценка. Такие подростки ждут от окружающих людей только негативное отношение.

Подростки, не подвергшиеся буллингу, наоборот, в себе уверены, ощущают ценность и веру в собственные силы. Имеют ярко выраженное благоприятное отношение к собственному «Я», одобряют себя в целом и в существенных частностях, доверяют себе и имеют по большей части позитивную самооценку.

Литература

1. Волкова Е.Н., Волкова И.В., Скитневская Л.В. Подростковый буллинг: результаты теоретических и эмпирических исследований: Монография: – Нижний Новгород : Мининский университет, 2017. – С. 94–116.

2. Глазман О.Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – №105. – С. 159–165.

Анализ психологических факторов риска совершения правонарушений несовершеннолетними

Обуховская Д.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет

Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Актуальность. Проблема правонарушений среди несовершеннолетних в нашей стране стоит очень остро. Рост правонарушений среди подростков ведет не только к негативным последствиям для общества, но и для них самих, неся угрозу их физическому и психическому здоровью.

Цель исследования: выявление и анализ психологических факторов риска, влияющих на совершение правонарушений несовершеннолетними.

Задачи:

1. Выявить психологические факторы риска, влияющие на совершение правонарушений несовершеннолетними
2. Выявить типы акцентуаций характера, уровень агрессивности и систему ценностных ориентаций несовершеннолетних
3. Обобщить и описать полученные в ходе исследования данные о типах акцентуации характера, уровне агрессивности и системы ценностных ориентаций несовершеннолетних правонарушителей

Гипотезы:

1. Фактором риска совершения правонарушений являются психологические особенности несовершеннолетних, представленные акцентуациями характера.
2. Высокий уровень агрессии может выступать фактором риска совершения правонарушений несовершеннолетними.
3. Несовершеннолетние, совершившие правонарушение, имеют систему ценностных ориентаций, отличную от ценностей других несовершеннолетних.

Методы и методики исследования: теоретический анализ литературных источников, включающих в себя научные работы, статьи и монографии, и эмпирические методы: «Адаптированный подростковый опросник Леонгарда-Шмишека» (в адаптации И.В. Крук), Опросник уровня агрессивности Басса-Перри (в адаптации С. Н. Ениколопова, Н. П. Цибульского), Методика

«Ценностные ориентации» Ш. Шварца (в адаптации В.Н.Карандашева).

Характеристика выборки исследования. Исследование проводилось на базе ГБОУ г. Москвы Школа № 170 им. А.П.Чехова. Выборку исследования составили 40 несовершеннолетних, в возрасте 15-17 лет. Из них 20 несовершеннолетних, совершивших правонарушения и состоящих на профилактическом учете в КДНиЗП, и 20 несовершеннолетних, не совершавших правонарушений.

Результаты исследования. Исследование позволило выявить наличие возбудимого, гипертимного и эмотивного типов акцентуаций преимущественно в группе подростков-правонарушителей. У большинства испытуемых выявились проблемы в сфере семейных взаимоотношений, большинство испытуемых группы правонарушителей воспитывается в неполной семье. В обеих группах подростки редко общаются со своей семьей, а часть испытуемых живет в конфликтах.

Было выявлено, что системы ценностных ориентаций контрольной группы и группы правонарушителей различны. Ценности контрольной группы направлены на всеобщее благополучие, сохранение целостности природы и общества, тогда как ценности правонарушителей направлены на сохранение благополучия только узкого круга их близких, а благополучие общества в целом является для них наименее значимым. Уровень агрессивности среди группы правонарушителей оказался выше, чем в контрольной группе.

Выводы:

Несовершеннолетние испытуемые из группы правонарушителей имеют большее количество акцентуаций характера, в сравнении с контрольной группой. Преобладающими акцентуациями подростков-правонарушителей являются гипертимный тип (50%), эмотивный тип (50%) и возбудимый тип (35%).

Исследование в области эмоционально-волевой сферы показало, что в контрольной группе идет преобладание низкого и среднего уровня агрессии, а в группе правонарушителей преимущественно высокий уровень (60%).

Исследование в области ценностных ориентаций по первой части методики Ш.Шварца «Обзор ценностей» выявило, что среди групп испытуемых есть различия в системе ценностей по показателям «Конформность», «Универсализм», «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Власть», «Безопасность». То есть подростки-правонарушители больше склонны к риску и достижению социального статуса с помощью любых средств, а также им свойственно желание доминировать над людьми с целью собственной выгоды.

Исследование по второй части методики «Профиль личности» выявило различия по показателям «Традиции» и «Универсализм». Так как в системе

ценностей у контрольной группы универсализм является одной из важных ценностей, а у группы правонарушителей одной из наименее важных ценностей, можно сделать вывод о том, что сохранение благополучия людей, не входящих в близкий круг таких подростков, не является для них значимым.

Были выявлены связи между ценностными ориентациями и акцентуациями характера, а именно положительная связь «Конформность» и «Педантичность», что объясняется тем, что педантичный тип личности стремится к порядку и контролю, а для соблюдения порядка ей необходимо сдерживать свои побуждения и действия; положительная связь показателей «Доброта» и «Эмотивность» объясняется тем, что эмотивный тип отзывчивый, искренний и характеризуется построением близких контактов с окружающими; связь показателей «Власть» и «Демонстративность» объясняется стремлением демонстративной личности к лидерству, признанию, достижении высокого социального статуса, власти.

Была выявлена связь между показателями «Общий уровень агрессии» и «Власть», что объясняется тем, что личности с данной ценностью характерно добиваться социального статуса и престижа любыми средствами, даже агрессивными.

Возможности дименсионального подхода к описанию профиля личности при оценке суицидального риска

Осипова Б.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель - Луковцева З.В.

Несмотря на то, что суицидальное поведение является проблемой мирового масштаба, особенно актуальна данная проблема в Российской Федерации. Согласно последним данным ВОЗ, Россия является одной из ведущих стран по количеству самоубийств (25.1 самоубийство на 100 тыс. человек) (Suicide rate estimates, 2019).

В формировании суицидального риска и поведения участвуют биологические, психологические и социальные факторы. Вовлечение в этот процесс множества переменных делает определение риска самоубийства сложной задачей. Поэтому, несмотря на большое количество исследований, посвященных изучению суицидального риска, актуальной остается проблема эффективности алгоритмов прогнозирования самоубийств (Бовина И.Б., 2014). Улучшение распознавания и понимания психологических факторов, выявление

новых личностных коррелят суицидального поведения могут способствовать разработке наиболее эффективных диагностических и превентивных мер.

Важной задачей психологов-девиантологов является своевременное выявление, профилактика и коррекция дезадаптивных личностных особенностей, предрасполагающих к суицидальному поведению. Нередко такая работа проводится в мультидисциплинарной команде с участием врачей-психиатров.

Дименсиональный подход основан на оценке показателей выраженности особенностей личности (в норме или при субклинических состояниях) или симптомов (при клинически значимых состояниях), регистрируемых с помощью различных психометрических инструментов. Дименсиональный подход к описанию профиля личности нашёл своё отражение в альтернативной диагностической модели, разработанной совместно психологами и психиатрами как для диагностики личностных расстройств, так и для исследования дезадаптивных личностных характеристик (АРА, 2013). В альтернативной модели рассматриваются 25 личностных фасетов. *Фасеты* (границы личности) — это узкие и специфические аспекты описания неадаптивной личности (например, враждебность, тревожность). *Домены* (области нарушений) представляют собой пять более крупных сфер проявления личностных особенностей, объединяющих три основных фасета. Например, домен «негативная аффективность» суммирует различные негативные эмоциональные тенденции, включая в себя такие фасеты, как эмоциональная лабильность, тревожность и сепарационная уязвимость.

Представляется перспективным построение профиля личности человека с суицидальным риском в свете представлений о фасетах и доменах. Это позволит выявить специфические характеристики профиля в зависимости от уровня суицидального риска. Такая практика будет способствовать расширению представлений о личностных характеристиках людей с наличием суицидального риска и сделает оценку последнего более точной, а также, что не менее важно, релевантной задачам междисциплинарного сотрудничества «психолог-психиатр» на современном этапе.

Марша Линехан концептуализировала теорию эмоциональной дисрегуляции при суицидальном поведении и постулировала, что нарушение регуляции эмоций является основным суицидогенным фактором поведенческого уровня (Линехан М., 1987). В соответствии с данной теорией особенно важным в рамках дименсионального подхода, на наш взгляд, является изучение особенностей эмоциональной регуляции при оценке суицидального риска. Несмотря на то, что в отечественной практике широко изучаются особенности эмоциональной регуляции у людей с самоповреждающим поведением (Польская

Н.А., 2018), исследования, направленные на изучение эмоциональной регуляции при суицидальном поведении, отсутствуют.

Исследование особенностей эмоциональной регуляции при оценке суицидального риска представляется нам актуальным еще и в связи с тем, что данные, которые могли бы быть получены, оказались бы полезными в психотерапевтическом отношении. На основе теории эмоциональной дисрегуляции при суицидальном поведении Маршей Линехан была разработана диалектико-поведенческая терапия — один из наиболее эффективных психотерапевтических методов, направленных на превенцию суицидального поведения. Мы предполагаем, что получение систематизированных данных относительно профиля личности людей с суицидальным поведением и осмысление их в свете дименсионального подхода откроет возможности для обоснованного применения диалектико-поведенческой терапии.

Таким образом, суицидальное поведение — проблема всемирного масштаба, изучение и предотвращение которой необходимо производить с учетом личностных особенностей субъектов исследования. Представления о личностных особенностях при оценке суицидального риска могут быть изучены с помощью дименсионального подхода. Такой опыт позволит девиантологам и другим специалистам, работающим с этой формой девиантного поведения, уточнить существующие представления о психологических особенностях, связанных с суицидальностью, и о психотерапевтических мишенях при превенции суицидального поведения.

Литература

1. Бовина И. Б. Проблема диагностики риска суицида и возможности теста имплицитных ассоциаций для ее разрешения // Психолого-педагогические исследования. – 2014. – Том 6. – №. 1. – С. 146-154.
2. Польская Н. А. Эмоциональная дисрегуляция в структуре самоповреждающего поведения // Консультативная психология и психотерапия. – 2018. – Том 26. – №. 4. – С. 65-82.
3. American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders (DSM-5). American Psychiatric Pub, 2013.
4. Linehan M. M. Dialectical behavior therapy for borderline personality disorder: Theory and method // Bulletin of the Menninger Clinic. – 1987. – Т. 51. – №. 3. – P. 261.
5. Suicide rate estimates // World Health Organization URL: <https://apps.who.int/gho/data/view.main.MHSUICIDEv?lang=en> (дата обращения: 05.05.2021).

Формирование навыков саморегуляции в онлайн/оффлайн форматах при проявлениях агрессивности

Питонова А.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Лаврешкин Н.В.

Такой психологический феномен, как агрессивность и агрессивное поведение исследуют учёные из многих научных областей, например, в сфере образования, криминалистики, в сфере семейных отношений. Психологи, социологи и биологи различных стран достаточно давно и тщательно изучали и изучают данный вопрос. Поэтому, благодаря постоянному появлению новых научных исследований и полученных в результате данных, появилось огромное количество разнообразных теорий, концепций и подходов к проблеме агрессивности человека.

В своей работе мы опирались на определение, данное известным российским психологом С.Н.Ениколоповым. По его мнению, под агрессией следует понимать “целенаправленное деструктивное и наступательное поведение”, которое следует характеризовать так: оно нарушает нормы и правила сосуществования людей в обществе, наносит вред объектам нападения (одушевленным либо неодушевленным), причиняет физический ущерб людям или вызывает у них психологический дискомфорт (Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В., 2014). Более того, в своих трудах С.Н. Ениколопов не только отделяет агрессивность от агрессивного поведения, но и называет её причиной последнего.

Проанализировав различные подходы и концепции, мы выделили черты, которые присущи агрессии:

- мотивированность,
- наступательность,
- выход за рамки общепринятых норм,
- нанесение физического и/или морального вреда другому человеку или предмету.

Агрессивное поведение, которое человек проявляет в интернете, получило название кибербуллинга. Г.У.Солдатова, Е.И.Расказова и С.В.Чигарькова в своих трудах классифицируют различные виды киберагрессии и определяют кибербуллинг как “агрессивные, умышленные, продолжительные во времени действия, совершаемые группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта и повторяющиеся неоднократно в отношении

жертвы, которой трудно защитить себя” (Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В., 2020).

Работая с таким явлением, как саморегуляция, мы пользовались определением, данным Н.М.Пейсаховым. Он называет саморегуляцию процессом преобразования собственного поведения, но лишь “в рамках имеющихся правил, норм, стереотипов” (Пейсахов Н. М., Шевцов М. Н., 1991). По сути, она закрепляет то, что человек уже получил в ходе самоуправления. Однако автор не противопоставляет эти явления, а смотрит на них как на два взаимосвязанных компонента личности, которая стремится к сознательному и активному влиянию на своё поведение.

Чтобы решить поставленные нами в ходе исследования задачи, необходимо было:

1. Проанализировать и определить особенности различных теоретических подходов и концепций, объясняющих проблему агрессивности и агрессивного поведения в человеческом поведении, в зарубежной и отечественной научной психологической литературе.
2. Проанализировать и определить особенности различных подходов к проблеме самоконтроля, саморегуляции и самоуправления в научной психологической литературе.
3. Исследовать связь между уровнем агрессивности и агрессивного поведения и уровнем самоконтроля.
4. Составить рекомендации по формированию навыков саморегуляции в онлайн и оффлайн форматах.

В своей исследовательской работе мы провели психодиагностическое тестирование с целью выявления связи между уровнем агрессивного поведения и агрессивности и уровнем самоконтроля у людей в юношеском возрасте. В исследовании приняли участие 30 человек, являющихся студентами различных вузов, в возрасте от 18 до 21 года (23 девушки и 7 юношей). При проведении исследования нами применялись метод контент-анализа и три методики:

1. Методика «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина и П.А. Ковалева. Методика позволяет определить уровень сдержанности-несдержанности, а также установить тип агрессивного поведения.
2. Опросник ВРАQ-24, разработанный А. Бассом и М. Перри для диагностики склонности к агрессии.
3. Методика "Способность к самоуправлению" (тест ССУ) Н.М. Пейсахова

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе проведенной работы мы выявили связь между уровнем агрессивности и уровнем самоконтроля у молодых людей и особенности данной связи. У половины испытуемых имеется высокая (33,3%) или средняя с тенденцией к высокой (16,7%) склонность к агрессии. 13,3%

имеют среднюю склонность к агрессии. Низкая (30%) и средняя с тенденцией к низкой (6,7%) склонность к агрессии выявлена у небольшой части испытуемых. Также результаты исследования показали, что у 33,3% испытуемых уровень самоуправления ниже среднего, у 46,7% - средний, у 10% - выше среднего и ещё у 10% - высокий. Ни у одного из испытуемых не выявлено низкого уровня самоуправления. Важно отметить, что ярко выраженными формами агрессии являются: вербальная агрессия, враждебность и гнев. Наименее – физическая агрессия.

Также данные, которые мы получили при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена, показывают слабую корреляционную связь между уровнем самоконтроля и уровнем агрессии. Следовательно, гипотезы о том, что между агрессивностью и самоконтролем есть определенная связь и что люди с высоким уровнем агрессивности имеют низкий уровень самоконтроля, получили лишь частичную эмпирическую поддержку. Нами также были составлены рекомендации по формированию навыков саморегуляции в онлайн и оффлайн форматах.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе эмпирического исследования, могут быть использованы для составления коррекционного плана и рекомендаций, которые в дальнейшем могут быть использованы при проведении коррекционной работы, например, в учебных заведениях и, что особенно актуально для направления юридической психологии, среди детей и подростков с девиантным и отклоняющимся поведением, а также среди людей, преступивших закон.

Литература

1. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми: Пер.с нем. – М.: Педагогика. 1991. – 144 с.
2. Демко Е.В. Организационно-педагогическая деятельность по профилактике и коррекции агрессивности детей 6–7 лет : дис. ... канд. пед. наук – Армавир, 2005. – 172 с.
3. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни – М. : Политическая энциклопедия, 2014. – 494 с.
4. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
5. Методики диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум / Сост. О.В. Барканова [серия: Библиотека актуальной психологии]. – Вып.2. – Красноярск: Литера-принт, 2009. – 237 с.
6. Пейсахов Н. М., Шевцов М. Н. Практическая психология. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – 120 с.

7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 2(38). – С. 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201
8. Шабалин О. М., Агрессивное отношение к людям и правонарушающее поведение как опосредующие звенья во взаимосвязях психодинамических и личностных характеристик индивидуальности (на материале подростков-правонарушителей): дис.... канд. психол. наук. – Пермь, 2004. – 159 с.

Психологические особенности лиц, вовлечённых в киберпреступления

Рожанская Я.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Согласно статистическим данным МВД России, количество совершённых киберпреступлений (противоправных деяний с использованием высоких технологий) в 2020 году увеличилось на 75%. Общее количество киберпреступлений за 2020 год составляет более 500000. Рост преступности в интернет-пространстве связан прежде всего с тем, что во время пандемии большинство сервисов перешли в электронный формат, что создало благоприятную обстановку для киберпреступников. Наказание за совершение киберпреступления регламентируется главой 28 УК РФ, этой проблеме посвящено три статьи (Уголовный кодекс РФ, 2021). Тем не менее, это является недостаточным для того, чтобы полностью охватить спектр совершаемых киберпреступлений, в связи с чем большое количество данных видов преступлений остаётся безнаказанным.

Ощущение безнаказанности киберпреступлений приводит к популяризации данного вида преступлений. А киберпреступления несут угрозу не только отдельным лицам, организациям, но и национальной безопасности любой страны, которая использует компьютерные технологии.

Каждый пользователь сети интернет ежедневно рискует столкнуться с нежелательными контактами, кибербуллинг, заведомо ложными материалами, киберпреступлениями. Так, И.А. Федоренко выявил факторы, негативно влияющие на пользователя сети интернет. Среди них: приоритет виртуального общения, интерес к проявлению виртуального насилия, компьютерных игр, видео и аудио материалов, содержащих сцены насилия, преобладание виртуального интернет-пространства над реальной социальной

жизнью. Вследствие этого, некоторые пользователи сети интернет могут быть склонны к виктимному поведению в киберпространстве, что может нести угрозу социально-психологическому благополучию личности (Джафарли В. Ф., 2019).

При анализе теоретических воззрений на природу киберпреступности можно однозначно утверждать, что киберпреступностью является совокупность преступлений, которые совершаются в области киберпространства при помощи компьютерных систем, сети интернет а также иных электронных устройств, которые имеют доступ к киберпространству.

Главными особенностями киберпреступности можно считать повышенную скрытность, анонимность при совершении преступления; международный характер преступления; интеллектуальный характер преступной деятельности; множество вариантов противоправных деяний, их сложность, нестандартность, частое обновление способов совершения киберпреступлений; отсутствие физического контакта между жертвой и преступником; отсутствие возможности предупредить большинство видов киберпреступлений (Антонян, Е. А., 2018).

Также, анализируя современные психологические исследования по киберпреступности, можно выделить такие психологические особенности виктимной личности: импульсивность, склонность вступать в конфликты, установка на беспомощность, низкий уровень самооценки, постоянное пребывание в стрессовых ситуациях или внутренних конфликтах, что приводит к неспособности сопротивляться негативным влияниям со стороны, робость, неосмотрительность, преимущественно экстернальный локус контроля, низкий уровень уверенности в себе, чрезмерная доверчивость, высокий уровень тревожности (Жмуров, Д. В., 2020).

В то время как к социально-психологическим факторам воздействия в сфере киберпреступности мы можем отнести такие факторы, как киберзапугивания, киберпреследования, кибербуллинг, склонение пользователей к самоповреждающему и суицидальному поведению, вымогательство, кибервандализм, кибершпионаж, киберугрозы, кибермошенничество. Все эти факторы преследуют, в основном, такие цели, как внушение чувства страха, беспокойства, а также получение личной выгоды (Е.А. Антонян, 2018).

Цель данного исследования – выявить психологические особенности лиц, вовлечённых в киберпреступления.

Объектом данного исследования являются психологические особенности виктимной личности.

Предметом исследования являются психологические особенности лиц, вовлечённых в киберпреступления.

Теоретической базой для изучения психологических особенностей лиц, вовлечённых в киберпреступления, выступают работы Е.А. Антонян, В.Ф. Джафарли, К.В. Першиной, Т.В. Варчук, Д.В. Жмурова, А.В. Аносова.

В процессе эмпирического исследования были использованы следующие методики: 16-факторный личностный опросник Р.Б. Кэттелла (форма С), тест-опросник «Уровень субъективного контроля» (В.Ф.Бажин, Е.А.Голынкина, А.М.Эткинд), Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина).

По результатам проведенного исследования можно сделать выводы, что, лица, вовлечённые в киберпреступления, обладают такими личностными особенностями, как эмоциональная нечувствительность, эгоизм, конформизм, сниженный уровень самоконтроля и высокий уровень личностной тревожности.

Результаты исследования могут быть использованы при реализации профилактических программ для лиц, обладающих виктимными и кибервиктимными качествами, а также психокоррекционных мероприятий для лиц, которые когда-либо вовлекались в киберпреступления.

Литература

1. Антонян, Е. А., Дорошева А.А. Киберпреступность как криминальное явление // Новые формы противодействия киберпреступности: По материалам круглого стола / Под общей редакцией Е.А. Антонян. – М.: Общество с ограниченной ответственностью "Научный консультант", 2018. – С. 4-9.
2. Джафарли, В. Ф. Краткий криминологический анализ причин и условий киберпреступности и методы ее предупреждения / Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2019. – № 2(45). – С. 54-58.
3. Жмуров, Д. В., Ключко Р.Н. Кибервиктимология как новая реальность технотронного общества (гендерное исследование) // BaikalResearchJournal. – 2020. – Том 11. № 1. – С. 19.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021).

Культурная травма как причина совершения противоправных действий адептами тоталитарных сект

Савина К.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

В современной России деятельность тоталитарных религиозных организаций набирает обороты. Это обусловлено тем, что подобные организации очень просто регистрировать, благодаря закону "О свободе совести и религиозных организациях" и такие организации не подвергаются какому-либо особому контролю со стороны государства.

Данные организации представляют значительную опасность для общества. Под видом предоставления «нового знания», «истины», «жизненного предназначения» и т. д. руководители сект осуществляют глубокое психологическое и психическое воздействие на своих адептов.

Данное воздействие может приводить к развитию различных психологических и психических отклонений, которые в свою очередь могут стать причиной совершения противоправных действий адептом тоталитарной секты. Такой комплекс воздействий, используемый в тоталитарных сектах и направленный на изменение сознания индивида, называется культурной травмой.

Также важно понимать, что часть адептов приходит в секты уже с имеющимися психическими отклонениями или предпосылками к развитию таковых, и влияние, осуществляемое в секте, провоцирует дальнейшее развитие уже имеющихся нарушений.

К психопатологическим последствиям пребывания в деструктивной группе относят развитие депрессии, тревожных состояний, страхов, диссоциативных расстройств, в том числе нарушение идентичности и погружение в воспоминания («floating»), ночные кошмары, нарушения сна, посттравматическое стрессовое расстройство, психосоматические симптомы, нарушения пищевого поведения, суицидальные мысли, зависимое поведение (Бондарев Н.В., 2006).

Всеми исследователями отмечаются выраженная глубина, затяжной характер, малая обратимость психических нарушений, а также тяжелая социальная дезадаптация (Волков Е.Н., 1996; Кондратьев Ф.В., 1997).

Важно отметить, что на фоне сверхценных идей "религиозного" содержания в сочетании с ограничением питания, депривации сна, регулярным выполнением специфических физических упражнений в одних случаях может развиваться острое психотическое состояние с аффектом экстаза,

многоречивостью, периодами психомоторного возбуждения, в других случаях может возникать чувство путанности мыслей с аффектом оппозиционной напряженности к "иноверцам", что на высоте психомоторного возбуждения может привести к гетеро- и аутоагрессии (Кондратьев Ф.В., 1997).

Таким образом, можно сделать вывод, что воздействие, осуществляемое в тоталитарных сектах, может приводить к развитию таких состояний, при которых индивид способен осуществлять различные противоправные действия.

В связи с этим возникает серьезная потребность в осуществлении контроля за тоталитарными религиозными организациями, а также создании профильных реабилитационных центров, специалисты которых будут обучены осуществлять специфическую диагностику и реабилитацию людей, вышедших или выходящих из сект.

На данный момент в России отсутствуют подобные реабилитационные центры, а также отсутствует единая схема психодиагностических мероприятий, которые учитывают особенности изменений психики адептов тоталитарных сект, т. к. на данный момент такая диагностика очень затруднена.

Например, когда члену секты постоянно внушают, что уход из секты вызовет необратимые патологические процессы в его организме, которые никто не сможет ни диагностировать, ни вылечить, он "программируется" на такой исход. Оказавшись вне секты, он начинает чувствовать, что "сходит с ума". В психиатрической лечебнице ставят диагноз: "тяжелая форма шизофрении". Это позволяет бывшему члену секты считать такой диагноз доказательством пророческого дара лидера секты. В больнице он начинает яростно биться головой об стену. На него надевают смирительную рубашку и берут под надзор. Но никто не знает на самом деле, почему он это делает (зачастую находятся весьма простые объяснения: последователи одной из восточных сект совершают паломничество в Индию к камню, о который, якобы, бился головой лидер секты, пока не достиг просветления. В попытках повторить духовный опыт лидера, его последователи тоже бьются головой об стену) (Лири Т., Стюарт М., 2002).

Однако, грамотно обученный специалист сможет отличить действительные симптомы нарушения от навязанных установок секты.

Таким образом, грамотно организованный контроль за деятельностью тоталитарных организаций, а также специфическая реабилитация адептов позволит значительно сократить случаи совершения противоправных действий со стороны адептов, а также позволит осуществлять верное лечение для выходящих или вышедших адептов.

Литература

- 1 Бондарев Н.В. Социально-психологические и клинические особенности

- лиц, вовлечённых в нетрадиционные религиозные культы // Психиатрия и религия на стыке тысячелетий: Сб. науч. работ Харьковской областной клинической психиатрической больницы № 3 (Сабуровой дачи) и Харьковской медицинской академии последипломного образования / Под общ. ред. П.Т. Петрюка, Р.Б. Брагина. – Харьков, 2006. – Том 4. – С. 22–24.
- 2 Волков Е.Н. Преступный вызов практической психологии: Феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. – 1996. – № 2. – С. 87–93.
 - 3 Кондратьев Ф.В. Психиатрический аспект последствий деятельности современных культовых образований // Российский психиатрический журнал – 1997. – № 2. – С. 25-30.
 - 4 Лири Т., Стюарт М. и др. Технологии изменения сознания в деструктивных культах. Пер. с англ. / под ред. И. Митрофановой. – СПб.: Экслибрис, 2002. – 224 с.
 - 5 Полищук Ю.Ф. Психические расстройства, возникающие у людей, вовлеченных в деструктивные религиозные секты // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева. – 1995. – № 1. – С. 14-20.

Психологические особенности травли в сети интернет и их последствия в молодёжной среде

Семенченко Н.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

По результатам исследования 2020 года компании We Are Social, около 4,5 миллиарда людей пользуются интернетом. В среднем человек проводит в интернете примерно 6,5-7 часов каждый день. В это огромное число людей входит большая часть подростков. Почти треть дневного времени подросток проводит в виртуальном мире, занимаясь общением в социальных сетях, играет в онлайн-игры, сидят в интернет-форумах и других виртуальных платформах. Если подросток проводит так много времени в интернете, значит часть волнующих его событий из реального мира попадает в виртуальный, в том числе активная коммуникация с людьми, социализация.

Согласно российскому исследованию 2019 года, 71% подростков один или больше раз сталкивались с кибербуллингом, и только 29% никогда не оказывались в ситуации кибертравли. В связи с такой большой

распространенностью этого явления ежегодно проводятся десятки исследований, включающих в себя сбор статистических данных, определение понятий, анализ поведения, выявление ролей и т.д. Для составления эффективных методов профилактики кибербуллинга нужно дать ему определение, выявить его формы, понять мотивы участников и их психологические особенности.

Объект: травля в сети интернет.

Предмет: психологические особенности кибербуллинга и его последствия.

Цель: проанализировать и сравнить случаи разных видов кибербуллинга.

Задачи:

1. Дать определение понятию «кибербуллинг», выявить отличия кибербуллинга от обычного буллинга.
2. Конкретизировать формы кибербуллинга.
3. Обозначить особенности и факторы, способствующие становлению подростков кибербуллерами и жертвами кибербуллинга.
4. Изучить как психологические, так и юридические последствия для участников ситуации кибербуллинга.
5. Проанализировать и сравнить несколько случаев кибербуллинга.

Основная гипотеза: разные виды кибербуллинга могут приводить к разным по степени серьезности последствиям.

Кибербуллинг – это преднамеренные агрессивные действия в виртуальном пространстве, направленные против жертвы и выполняемые лицом или группой лиц, характеризующиеся анонимностью, неравенством сил, круглосуточностью и дистантностью.

В отличие от буллинга, кибербуллингу не характерна повторяемость, так как в киберпространстве агрессору достаточно совершить один враждебный акт, его воздействие не будет ограничено временем или пространством. Для кибербуллинга характерны дистантность и круглосуточность. Стоит также отметить, что свидетели изолированы друг от друга – что воспроизводит «эффект свидетеля» и дает ему определенную специфику.

К условиям, которые способствуют развитию кибербуллинга, можно отнести быстрое развитие современных технологий, постоянно растущая скорость передачи информации, анонимность или иллюзия анонимности, размещение большого количества личной информации подростками в социальных сетях.

А.А. Баранов и С.В. Рожина на основе зарубежных и отечественных исследований сформулировали 10 причин кибербуллинга:

- 1) Стремление к превосходству.
- 2) Комплекс неполноценности.
- 3) Зависть.
- 4) Месть.
- 5) Развлечение.
- 6) Конформизм.
- 7) Проблемы в семейных взаимоотношениях, выражаются в трех пунктах:

1. Кибербуллинг как привлечение к себе внимания из-за нехватки внимания родителей.
2. Кибербуллинг как следствие чрезмерного либерально-попустительского стиля воспитания ребенка.
3. Кибербуллинг как следствие чрезмерно авторитарного стиля воспитания ребенка, тотальный контроль и подавление его воли.

В результате всех трех вариантов у ребенка накапливается аффект, который он выплескивает в интернете.

- 8) Низкий уровень развития эмпатии.
- 9) Отсутствие умения разрешать конфликты.
- 10) Индивидуально-личностные характеристики индивида.

В ситуации кибербуллинга выделяют такие роли, как агрессор, жертва, помощники агрессора, защитники жертвы, пассивные наблюдатели и жертвы-агрессоры.

Признаками подверженности ребенка кибербуллингу могут выступать следующие особенности:

- Замкнутость.
- Повышенная тревожность, низкое настроение, подавленное настроение.
- Полный отказ от гаджетов, или, наоборот, подросток начал почти всё время проводить в сети.
- Резкое снижение работоспособности, ухудшение оценок в школе.
- Ухудшение отношений со сверстниками, избегание социума.

В рамках борьбы с кибербуллингом за рубежом создаются специальные информационные сайты, направленные на повышение интернет-грамотности и обучению корректному (не виктимному или агрессивному) поведению в сети. В России в рамках этой проблемы создаются рекомендации по безопасному поведению в интернете – созданы проекты «Дети онлайн» и «Дружественный Рунет». В основном они содержат информацию о том, как заблокировать агрессора и к кому можно обратиться с проблемой кибербуллинга, но не содержат важной информации о психологических переживаниях участников

кибербуллинга и возможных рекомендаций. Также они делают акцент на важности контроля родителей за деятельностью детей в сети.

Нужно отметить, что не стоит применять жесткий родительский контроль за всей деятельностью подростка в интернете, так как ребенку нужно учиться самостоятельно и осознанно принимать решения, распознавать мотивы людей, уметь защищать себя. Интернет является универсальной подходящей площадкой для этого.

Последствия для подростков, подвергшихся кибербуллингу, являются разнообразными: от отсутствия какого-либо влияния на психику подростка до развития психических расстройств, появления панических атак, высокой тревожности, депрессивных мыслей и суицида. Если обратиться к правовой стороне вопроса, то нужно отметить, что в России нет закона, направленного на регулирование такого вида киберпреступности, как кибербуллинг, но есть список законов, которые позволяют агрессору понести ответственность за свои действия. Это статьи 5.61 и 20.3.1 Административного кодекса РФ и статьи 110, 119 и 128.1 Уголовного кодекса РФ.

Был проведен сравнительный анализ нескольких случаев кибербуллинга, который показал, что тяжесть последствий для жертвы не связана с использованием конкретных способов кибербуллинга. Но было замечено, что тяжесть последствий зависит от количества видов кибертравли, примененных к жертве.

Тема кибербуллинга активно исследуется в западных направлениях психологии и социологии. В России она только набирает популярность. С каждым годом проводится больше исследований, теоретическая база пополняется. На данный момент в России нет одного общего определения кибербуллинга или даже единой классификации его видов, но исследователи активно работают в этом направлении, как в создании теории, так и в практической деятельности. Из этого мы можем сделать вывод, что кибербуллинг – это ещё не разработанная область, которая нуждается в подробном изучении в теории и в практике.

Литература

1. Баранов А.А., Рожина С.В. Копинг-стратегии подростка в ситуации кибербуллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. – №2. – С.37-46.
2. Баранов А.А., Рожина С.В. Психологический анализ причин подросткового кибербуллинга // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2015. – №1. – С.37-41.

3. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. Психология: Журнал ВШЭ. – 2014. – Том 11. № 3. – С. 178–191.
4. Колодезникова М.В., Николаев Е.В. Кибербуллинг и его психологические последствия // The Scientific Heritage. 2020. – №56-5 (56). – С. 52-54.
5. Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. 2019. – №3 (35). – С.17-31.
6. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). – № 2. – С. 276-295. doi: 10.17759/psylaw.2019090219

Факторы формирования расстройств пищевого поведения у девушек

Снисарь Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Проблема расстройств пищевого поведения приобретает все большую актуальность в современном обществе в связи с распространенностью данных заболеваний. Так, например, нервная анорексия встречается примерно у 0,5% женщин в возрасте от 15 до 40 лет, живущих в Европе. Из них 40% – девушки от 15 до 20 лет. Также стоит отметить, что смертность среди людей с этим заболеванием составляет от 5 до 17%, причем 1/5 из них совершает суицид (Бобров А.Е., 2015). «Национальная ассоциация расстройств пищевого поведения» провела исследование в США и Европе, исследование показало, что нервную булимию можно диагностировать у 1% женщин и 0,1% мужчин. Также проводилось лонгитюдное исследование 496 девушек-подростков, которое показало, что в соответствии с DMS-5 у 5,2% девушек была нервная булимия или компульсивное переедание, а с учетом неспецифических расстройств пищевого поведения их число увеличивалось до 13,2% (Hudson J. I, 2007). Особое внимание в данном вопросе следует уделить причинам возникновения этих психических заболеваний.

В наших исследованиях мы постарались подробно и в рамках различных психологических теорий рассмотреть феномен расстройств пищевого поведения, а также проследить взаимосвязь данных расстройств с возможными факторами их формирования.

Наша первая работа была посвящена пережитому насилию как фактору формирования расстройств пищевого поведения. В рамках данной работы мы рассматривали расстройства пищевого поведения как вид психосоматических заболеваний, являющихся последствием ПТСР (Снисарь Е.А., 2018).

В исследовании приняли участие 13 девушек в возрасте от 16 до 24 лет (средний возраст: 22,7). По роду деятельности все испытуемые были студентками колледжа или университета. Все респонденты наблюдали у себя те или иные симптомы расстройств пищевого поведения.

Диагностический аппарат состоял из следующих методик:

1. Тест отношения к приему пищи – EAT-26 (David M.Garner) – методика использовалась для уточнения наличия у респондентов нарушений пищевого поведения.
2. Шкала оценки влияния травматического события – IES-R (Горовиц, Д. Вейс) – данная методика используется для диагностики эмоциональных переживаний людей, которые пережили тяжелые стрессовые ситуации.

Согласно результатам исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Нам удалось подтвердить основную гипотезу и выявить у людей с нарушениями приема пищи повышенный уровень эмоциональных переживаний вследствие актов насилия.
2. Также подтвердилась гипотеза о том, что такой фактор как избегание конверсируется в расстройства пищевого поведения, в результате чего снижается его уровень выраженности при диагностике.
3. Нам не удалось на основе нашего исследования подтвердить гипотезу о том, что существует какая-либо взаимосвязь между выраженностью симптомов нарушения питания и симптомов травматического события.
4. В результате исследования подтвердилась гипотеза, основывающаяся на том, что определенные виды насилия сильнее влияют на степень выраженности симптомов расстройств пищевого поведения.

Следующее исследование было посвящено такому фактору расстройств пищевого поведения, как внутрисемейная ситуация. В данном исследовании были рассмотрены различные типы дисфункциональных семей, а также проведено эмпирическое исследование для установления связи внутрисемейной ситуации и склонности к формированию расстройств пищевого поведения (Снисарь Е.А., 2019).

В исследовании приняли участие 20 девушек в возрасте от 16 до 26 (средний возраст: 22,1), у которых есть расстройства пищевого поведения (нервная анорексия, нервная булимия), а также 20 девушек в возрасте от 16 до 26

лет (средний возраст: 21,2) без расстройств пищевого поведения (условно здоровые). Все респонденты на момент исследования проживали с родителями.

Диагностический аппарат состоял из следующих методик:

1. EAT-26 (David M.Garner) – высокие показатели по данной методике были критерием исключения девушек из контрольной группы нашего исследования.
2. АСТ – Анализ семейной тревоги (Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис) – методика, направленная на диагностику переживаний индивида, которые связаны с его позицией в семье и с его восприятием себя в семье.
3. Шкала семейной адаптации и сплоченности (FACES-3) – теоретической основой данной методики является «циркулярная (круговая) модель» Д.Х. Олсона. В данной модели выделяют четыре уровня семейной сплоченности: разобщенный, разделенный, связанный и сцепленный; два крайних характеризуются как экстремальные, а те, что в середине определяются как умеренные или сбалансированные.

Согласно результатам исследования, можно сделать следующие выводы:

1) Нам удалось подтвердить основную гипотезу и установить причинно-следственную связь между внутрисемейной ситуацией и расстройствами пищевого поведения.

2) Также частично подтвердилась наша гипотеза о том, что у больных с расстройствами пищевого поведения повышены напряженность и вина. Однако уровень тревожности у респондентов с расстройствами пищевого поведения относительно условно здоровых респондентов отличается незначительно.

3) Последняя гипотеза тоже подтвердилась частично. Нам удалось выявить, что в семьях больных расстройствами пищевого поведения уровень сплоченности ниже, чем в здоровых семьях. При этом статистически значимых различий между этими двумя типами семей по критерию адаптации выявлено не было.

В нашей последней работе был отдельно выделен такой психологический фактор формирования расстройств пищевого поведения как самооценка. Помимо выявления взаимосвязи между неадекватно низкой самооценкой и склонностью к расстройствам пищевого поведения нами также была разработана и апробирована коррекционная программа, направленная на формирование адекватной самооценки у лиц со склонностью к расстройствам пищевого поведения.

В исследовании приняло участие 44 девушки в возрасте от 16 до 24 лет (средний возраст – 21,6), которые случайным образом были распределены в

экспериментальную и контрольную группу. Со слов участниц, у всех есть диагноз F50 по МКБ-10.

Диагностический аппарат состоял из следующих методик:

1. ЕАТ-26 (David M.Garner) – методика использовалась для уточнения наличия у респондентов нарушений пищевого поведения.
2. Опросник самооотношения (В.В. Столин и С. Р. Пантилеев) – методика направлена на выявление уровня самооотношения испытуемого.

Согласно результатам исследования, можно сделать следующие выводы:

- 1) Нами была подтверждена первая гипотеза, так как была обнаружена взаимосвязь между склонностью к нарушению пищевого поведения и уровнем самооценки.
- 2) Также нам удалось подтвердить вторую гипотезу, так как полученные в результате повторной диагностики данные говорят о повышении уровня самооценки у респондентов экспериментальной группы, а также о снижении у них склонности к нарушению пищевого поведения.

Полученные результаты дают более глубокие представления о факторах, которые влияют на формирование расстройств пищевого поведения, позволяют расширить теоретическую базу данного направления исследований. Результаты проведенного исследования могут также быть использованы для более успешной профилактики, диагностики и коррекции расстройств пищевого поведения.

Литература

1. Бобров А.Е. Психопатологические аспекты нервной анорексии // Альманах клинической медицины. 2015 – С.13-23.
2. Снисарь Е.А. Внутрисемейные факторы развития расстройств пищевого поведения: курсовая работа, студент: 44.05.01 – М., 2019. – 68 с.
3. Снисарь Е.А. Насилие как фактор появления расстройств пищевого поведения: курсовая работа, студент: 44.05.01. – М., 2018. – 123 с.
4. The prevalence and correlates of eating disorders in the National Comorbidity Survey Replication. / Hudson J. I. [et al.] // Biol. Psychiatry. – 2007 – Vol. 61(3). – P. 348–58.

Абьюзивные отношения как форма девиантного поведения

Сокуренок Е.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Особую популярность в современном обществе приобрел термин «абьюз». Абьюзивные отношения включают в себя как физическое насилие (Ильин Е.П., 2014), так и другие виды абьюзивного поведения, например, психологическое, экономическое или сексуальное насилие. На данный момент в отечественных исследованиях проблематика абьюзивных отношений по данным научной библиотеки рассматривалась в 28 работах (2017-2020 годы). Из них только в одной раскрывалось понимание абьюзивных отношений как формы девиантного поведения.

Цель данного исследования заключается в изучении личностных особенностей субъектов в абьюзивных отношениях.

В качестве **гипотезы** выступает предположение, что существуют психологические особенности жертвы и абьюзера, которые создают основу для формирования абьюзивных отношений и позволяют сохранять их.

Самое распространённое определение девиантного поведения звучит следующим образом: девиантное поведение – поведение, отклоняющееся от социальных норм (Александровский Ю.А., 1976).

«Abuse» – жестокое обращение, притеснение кого-то, использование против его желания, плохое или жестокое обращение, причинение вреда (Садовникова А.Ф., 2019). Абьюзивные отношения – это социальное явление, которое проявляется в вербальных и невербальных действиях агрессивной направленности в адрес близкого человека (Никошова Е.В., 2009).

Абьюзивные отношения являются отклонением от общепринятых социальных норм, носят исторически переходящий характер, абьюзивные отношения носят деструктивный характер для субъектов, наносят ущерб как субъектам, так и окружающим их людям, действия субъектов абьюзивных отношений носят повторяющийся характер и т.д. Следовательно, абьюзивные отношения являются формой девиантного поведения.

Субъекты абьюзивных отношений: абьюзер – человек, который относится к другому жестоко, насильственно или несправедливо, жертва – человек, который является объектом насильственного, дискриминационного или агрессивного поведения другого человека

В соответствии с Матрицей социальных девиаций поведение жертвы – это аутодеструктивное аддиктивное (зависимое), выраженное в нехимической зависимости, социально-нейтральное поведение; в более глубокой стадии - аутодеструктивное парасуицидальное асоциальное поведение, а также наблюдаются внешнедеструктивные коммуникативные девиации, которые носят асоциальный характер по степени социальной одобряемости.

Для абьюзера: аутодеструктивное аддиктивное (зависимое), асоциальное поведение, проявляющееся в нехимической зависимости; а в более глубокой

становится аутодеструктивным парасуицидальным асоциальным, с выраженными внешнедеструктивными коммуникативными девиациями асоциального характера по степени социальной одобряемости.

Психологические особенности девиантной личности. В соответствии с исследованиями Н.Б. Лисовской, выявлены следующие психологические особенности: менее успешная социальная адаптация; гипертимный, эпилептоидный, шизоидный, неустойчивый, истероидный и лабильный типы акцентуации характера, черты мужественности преобладают над женственностью, склонности к зависимостям; есть вероятность формирования психопатии (Лисовская Н.Б., 1999).

Согласно исследованию С.В. Хусаиновой и Р.Н. Хакимянова, значимые отклонения обнаружены в эмоциональном и коммуникативном блоках (Хусаинова С.В., 2019).

Психологические особенности при ролевой позиции жертвы. Р.А. Шархабани-Арзу выявил следующие черты жертвы: самокритика, склонность к беспокойству, низкая самооценка, превалирование чувства вины и ощущение неудачи, а также зависимость, сопровождаемая установками полагаться на других. Жертвы потенциально склонны к психологическим и психическим расстройствам (Sharhabani-Arzu R.A., 2005).

Исследование Э. Франциско и М. К. Херреры выявило следующее. Женщины, состоящие в абьюзивных отношениях, обладают низкой самооценкой, физической и психологической «слабостью», у них меньше экономических и социальных ресурсов, при этом у них множество семейных обязанностей и социальных обязательств (Francisca E., 2009).

Другой важной чертой жертвы становится ее «внутренняя позиция» (Божович Л.И., 1997), которая представлена следующим образом: представление о себе как о притесненном со стороны окружающих субъекте, так как ее интересы, желания и ценности подавляются в угоду другим; выявлен комплекс ощущений беспомощности, бессилия, безысходности и ненужности, с высоким чувством ответственности и желанием получить контроль и т.д. (Андронникова О.О., 2015).

Психологические особенности при ролевой позиции абьюзера.

Согласно исследованию Э. Франциско и М. К. Херреры, абьюзерам присуще типично мужское поведение, нарциссические тенденции, гипермаскулинность, низкие баллы самооценки. Побои воспринимаются как обладание физической и психологической силой, им присущи сексистские идеи. Также им характерна ригидность и стереотипность (Francisca E., 2009).

Г.В. Старшенбаум говорил, что для мужского нарциссизма характерно патологическое обесценивание женщин (Старшенбаум Г.В., 2017).

В исследовании Дж.Э. Принса и И. Ариаса было выявлено следующее: есть два профиля агрессоров: одни обладают низкой самооценкой, низким чувством контроля над своей жизнью, они бурно реагируют на собственную фрустрацию. Другие, наоборот, обладают высокой самооценкой, но низким чувством контроля над своей жизнью, используют насилие, чтобы чувствовать больший контроль над ситуацией (Prince J., 1994).

Выводы

Полученные данные, во-первых, подтверждают гипотезу о наличии особых психологических особенностей, которые потенциально могут привести личность к принятию и закреплению роли «жертвы» или «абыюзера» и, как следствие, существовать в абьюзивных отношениях и поддерживать данную форму союза.

Во-вторых, понимание данных психологических особенностей может помочь в разработке превентивных мер, которые улучшат институт семьи в нашем обществе, статистика разводов и преступлений в семье и в отношениях может быть существенно изменена в сторону уменьшения подобных ситуаций, так как изначально будет предпринята комплексная работа с людьми, которые подходят под данное нами психологическое описание.

Литература

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация: учебное пособие. – М.: Наука, 1976. – 272 с.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – 2-е изд. – М.: Институт практической психологии, 1997. – 350 с.
3. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения: учебное пособие. – СПб.: Питер: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2014. – 368 с.
4. Лисовская Н.Б. Становление ценностных ориентаций в разных условиях развития: дис. ... канд. психол. наук. – СПб, 1999. – 181с.
5. Майсак Н.В. Матрица социальных девиаций: классификация типов и видов девиантного поведения // Современные проблемы науки и образования. Психологические науки. – 2010. – № 4. – С.78-86.
6. Хусаинова С.В., Хакимзянов Р.Н. Исследование психологических особенностей личности, склонной к девиантному поведению // Казанский педагогический журнал. – 2019. – №6. – С. 195-200.
7. Francisca, E., M. del C. Herrera Social Perceptions of violence against women: individual and psychosocial characteristics of victims and abusers // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. -2009.- №1(1). –

P.123-145.

8. Prince, J., Arias, I. The role of perceived control and the desirability of control among abusive and nonabusive husbands / American Journal of Family Therapy. - 1994. - № 22. – P.126-134.
9. Sharhabani-Arzy, R.A. M.y A. Swisa Self-criticism, dependency and posttraumatic stress disorder among a female group of help-seeking victims of domestic violence in Israel. //Personality and Individual Differences. – 2005. – № 38. – P.1231-1240.

Когнитивные особенности и эмоциональный интеллект у несовершеннолетних со склонностью к девиантному поведению

Староверова А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема девиантного поведения среди подростков имеет большое и серьезное общественное значение, так как многие исследователи говорят об увеличении числа несовершеннолетних с отклоняющимся поведением: «наблюдается увеличение числа несовершеннолетних с аддиктивным поведением, которое проявляется в употреблении всевозможных психоактивных веществ: наркомании, токсикомании, алкоголизме, курении, что подтверждает социальную значимость этой проблемы», – как пишет Иванов Д.В. (Иванов Д.В., 2009).

Девиантное поведение — это недопустимое поведение или действие, которое никак не отвечает социальным и культурным нормам. Человек с таким поведением отклоняется от того, что действительно приемлемо в обществе или от того, что ожидается в обычном порядке.

Д. Д. Миронов провел анализ понятия «девиантное поведение подростков» из нескольких источников и сформулировал авторское определение. Он трактует понятие девиантного поведения подростков следующим образом: «Действия подростков, нарушающих моральные и/или правовые нормы, принятые в обществе, приносящие ущерб подростку и/или обществу» (Миронов Д. Д., 2016).

Подростковый возраст – сложный этап развития в жизни каждого человека. Данный возраст характеризуется осмыслением собственной личности, друзей, ценностей и семьи. Подросток часто ищет личное место в жизни, так как его самосознание расширяется. Физические изменения и психологические вызывают кризисный период развития, что делает ребенка уязвимым и

податливым в отношении его близкого круга общения, окружающей его среды. Обстоятельства, которые характеризуют подростковый возраст: ощущение чувства взрослости (Д.Б. Эльконин), противоречивость поведения (С. Холл), реакция эмансипации от родителей (В.В. Ковалев), межличностные отношения с друзьями становятся ведущими в социальной жизни подростка (А.Е. Личко).

Причины девиантного поведения часто взаимосвязаны, так как они могут реализовать отклоняющееся поведение комплексно. Факторы, которые могли повлиять на индивида, могут быть биологическими – генетическая предрасположенность к определенному рода поступкам.

Психологические факторы – совокупность внешних факторов, раздражающих объектов, которые могут оказывать влияние на проявление девиации.

Социальные факторы можно объяснить, если углубиться в теорию Аномии, которая иллюстрирует отторжение социальных норм и ценностей, то есть в обществе формируется некоторый «вакуум», который не наполнен социальными нормами. Социальные факторы включают целый спектр факторов влияния: общественные процессы, социальные группы, микросоциальная среда подростка.

Исследователь Адушкина К.В. отмечает, что именно в данный период подросток формирует эмоциональную сферу, развивает интеллектуальную сферу ввиду сензитивности периода для развития формально-логического мышления. Таким образом, в процессе развития подростка формируется социальный и эмоциональный интеллект. Именно поэтому подростки с девиантным поведением часто страдают от нарушений в отношениях со сверстниками, родителями. «Обладающие высокой склонностью к девиантному поведению подростки, – как пишет А.В. Дегтярев, – отличаются низкими показателями эмоционального интеллекта по сравнению со своими сверстниками» (Адушкина К.В., 2015).

Часто подростки с девиантным поведением страдают от эмоциональной неустойчивости, их эмоциональные состояния изменчивы, им трудно выработать устойчивые формы эмоционального реагирования.

Подросток с девиантным поведением сталкивается не только с положительными и отрицательными эмоциями, но и с «нулевыми» эмоциями. Другими словами, «эмоциональный ноль» – скука. Данное явление в эмоциональной сфере является очень опасным, так как у подростков с девиантным поведением нарушен эмоциональный интеллект.

Девушки и мальчики различаются в эмоциональном развитии: девушки более чувственны, склонны к рефлексии и переживаниям, подростки-юноши более закрыты и скрытны. По мнению Л.А. Регуш, пик эмоциональной

нестабильности у мальчиков происходит в возрасте 11-13 лет, а у девочек – в 13-15 лет.

Психологические комплексы, вызванные физическими данными подростка, могут быть одним из факторов возникновения отклоняющегося поведения.

В развитии подростка важную роль имеет также половое взросление. Половое взросление может негативно влиять на поведение подростка: если созревание происходит рано, то оно может провоцировать эмоциональные переживания, гормональные изменения, есть риск получения нарушения сексуального влечения.

Другой проблемой является задержка полового созревания, так как она также может негативно сказываться на психологическое состояние подростка. Подросток может испытывать эмоциональную неуверенность, трудность в общении, агрессивность.

Девиантное поведение у подростков может также выражаться в вспышках гнева и стремлении к независимости. Данные особенности возникают ввиду нескольких явлений: одним из них является дисбаланс, который испытывает подросток. Дисбаланс темпа и уровня развития личности. Чувство взросления вызывает у подростка критическое отношение к себе, эмоциональность, выявление собственного мнения.

Другой важной составляющей развития подростка является когнитивная сфера: О.В. Заширинская, И.А. Горбунов убедительно доказывают, что у подростков с нарушениями интеллекта «одновременно снижается роль эмотивного и когнитивного компонентов общения» (Заширинская О.В., 2009.).

Низкая социальная компетентность влияет на эмоциональную сферу подростка: появление агрессии, враждебности при реагировании на фрустрирующую ситуацию. Несоциализированное расстройство часто выражается в агрессивном поведении в отношении других участников социальной группы, в которой находится подросток.

Таким образом, подростковый возраст – период повышенной эмоциональности, которая проявляется в изменчивости настроения, в данный период формируются мыслительные, когнитивные способности: внимание, память, скорость обработки, организация, метапознание. Со стороны эмоционального интеллекта формируется умения: идентификация эмоций, использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности, понимание эмоций, управление эмоциями. Известно, что обладающие высокой склонностью к девиантному поведению подростки отличаются низкими показателями эмоционального интеллекта по сравнению со

своими сверстниками, что влияет на повышение их уровня агрессии, сложности в социализации и выстраивании отношений в обществе.

Литература

1. Адушкина К.В. Развитие эмоционального интеллекта подростков в условиях учреждения дополнительного образования средствами музыкальной терапии // Педагогическое образование в России. – 2015. – №9. – С.47-51.
2. Заширинская О.В., Горбунов И. А. Эмоции в контексте невербальной коммуникации нормально развивающихся подростков и их сверстников с нарушением интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2009. – № 3- 2. – С. 174-185.
3. Иванов Д.В. Психолого-педагогическая профилактика употребления подростками психоактивных веществ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – № 4. – С. 263–267.
4. Ловпаче Ф.Г., Мамышева З.З. Особенности эмоциональной сферы подростков с девиантным поведением // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2015. – №4 (169). – С.100-106.
5. Регуш Л.А., Лихтарников А.Л. Подросток в эпоху перемен // Жизненные проблемы подростков Санкт-Петербурга. Психология современного подростка. – СПб.: Питер, 2005. – С. 7-27.
6. Савенков А.И. Эмоциональный и социальный интеллект как предикторы жизненного успеха // Вестник практической психологии образования. – 2006. – №1(6). – С. 30-38.

Особенности агрессивного поведения у старших подростков с никотиновой зависимостью

Чувилина А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет»

(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Проблема агрессивности и агрессивного поведения особенно актуальна в последние годы среди детей старшего подросткового возраста. Особенность старшего подросткового возраста заключается в том, что, являясь переходным этапом от детства к взрослой жизни, он становится определяющим и накладывает отпечаток на всё будущее человека. В этот период подростки

активно стремятся к самореализации, ищут себя в определенной профессиональной области, формируют жизненные принципы и интересы, которые обуславливают их поведение и достижения. Однако те условия, в которых сегодня происходит становление личности подростка, неустойчивая социальная и экономическая обстановка усиливают подростковый кризис и способствуют росту различных отклонений в его психике и поведении. Девиантное поведение же, в свою очередь, включает в себя и аддиктивное поведение, связанное со злоупотреблением психоактивными веществами, в том числе никотина.

Феномены подросткового курения и агрессивного поведения среди молодежи сегодня распространены очень широко, поэтому требует незамедлительной разработки и интеграции серьезных и масштабных профилактических мероприятий, способствующих предотвращению роста аддиктивного поведения. Современный мир диктует науке организацию ряда исследований, посвященных изучению методов и условий, препятствующих никотиновой зависимости у детей и подростков, а также необходимость определения реальных причин и механизмов, способствующих возникновению агрессивности, понимания самого процесса формирования агрессивного поведения, что, в свою очередь, обуславливает актуальность настоящей работы.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей агрессивного поведения старших подростков, страдающих никотиновой зависимостью.

Объект исследования: агрессивное поведение старших подростков.

Предмет исследования: особенности агрессивного поведения у старших подростков с никотиновой зависимостью.

Гипотеза исследования: у подростков с никотиновой зависимостью можно выявить такие формы агрессивного поведения, как: протест в ответ на различные правила и ограничения, желание самоутвердиться и поддерживать свой статус, казаться сильным и независимым, злоба на себя или окружающих ввиду осознания своей зависимости.

Методики исследования: 1) Тест Фагерстрема на оценку степени никотиновой зависимости; 2) Опросник агрессивности А. Басса и М. Перри (Buss-Perry Aggression Questionnaire – ВРАQ-24). Адаптация: С.Н. Ениколопов, Н.П. Цибульский; 3) Тест агрессивности (опросник Л.Г. Почебут).

Выборку составили учащиеся старших классов (9-11) в возрасте 15-18. Среди 9-х классов в исследовании приняли участие 26 человек (15-16 лет), среди 10-х классов (16-17 лет) – 38 учащихся и среди 11-х классов – 36 человек (16-18 лет). Общее количество испытуемых составило 100 человек, из них 48 участников женского пола и 52 – мужского.

Анализ результатов исследования позволил сделать следующие выводы:

- Наибольшее число испытуемых (16 человек, 42%), у которых была выявлена никотиновая зависимость имеют слабый уровень зависимости. Второе место по количеству испытуемых занимает средний уровень зависимости, который был выявлен у 10 респондентов (21%). Далее по количеству ответов – сильный уровень зависимости (7 человек, 18%);

- Наибольшее число курящих подростков сосредоточено в 9-х классов (36%); число курящих в 10 и 11 классах составило 31%;

- Среди курящих подростков преобладают юноши (53%); курящие девушки – 47%;

- Показатели агрессии некурящих подростков старших классов согласно результатам, полученным с помощью опросника агрессивности А. Басса и М. Перри, находятся на среднем уровне и соответствуют норме. Среднее значение уровня физической агрессии учащихся 9-11 классов составило 24 балла; среднее значение гнева – 21 балл; среднее значение враждебности – 21 балл; среднее значение общего уровня агрессии составило 67 баллов;

- У многих из курящих подростков (18 человек, 48%) наблюдается повышенный уровень агрессии, который проявляется в выраженной физической агрессии, враждебности и ярком гнев. Однако, стоит заметить, что наиболее выражено это проявляется у учащихся со средним, высоким и очень высоким уровнем зависимости, что также подтверждает гипотезу о том, что употребление никотина влияет на уровень агрессии и агрессивное поведение подростков;

- Согласно результатам, полученным с помощью теста агрессивности (опросник Л.Г. Почебут), было установлено, что уровень агрессии некурящих подростков соответствует норме, у многих из них наблюдается средний или низкий уровень агрессивности и самоагрессивности, в то время как у курящей группы показатели находились на высоком уровне.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование подтвердило гипотезу о том, что никотиновая зависимость обуславливает агрессивное поведение школьников, выраженное в физической, предметной, эмоциональной, вербальной агрессии, самоагрессии, а также гнев, враждебности.

Результаты исследования могут быть использованы для профилактики аддиктивного поведения подростков, а также для разработки адекватных приемов в работе с их семьями. Материалы исследования могут быть использованы в лекционных курсах по психологии подростка и спецкурсах, посвященных проблемам зависимого и агрессивного поведения.

Понимание буллинга: от научного к обыденному

Шинкаренко Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бовина И.Б.

Проблема буллинга в школе не является новой. Однако сегодня она обретает новый масштаб, поскольку современные технологии позволяют ему выйти за рамки ситуации «лицом к лицу». Мы все чаще слышим о кибербуллинге – травле в сети, о роликах, которые дети и подростки снимают, избивая жертву, выкладывая потом в интернет. Происходят подростковые суициды, являющиеся следствием травли.

Результаты современных исследований (например, Støen, Fandrem, Roland 2018), опровергают взгляд на буллинг, как на стихию, с которой бесполезно и даже не нужно бороться. Буллинг имеет серьезнейшие негативные последствия (Boulton & Smith, 1994; Rigby, 2003; Roland, 2002). Результатом длительного буллинга является депрессия, низкая самооценка, страх социальных контактов, тревожность, соматические заболевания и даже суицид (Björkqvist, Ekman, Lagerspetz, 1982; Roland, 2002a). Буллинг ломает здоровье жертв; преследователи, с которыми вовремя не поработали психологи, рискуют дебютировать в качестве правонарушителей (Garrett, 2003; Olweus, 1993; Sourander et al., 2006); пассивные наблюдатели буллинга получают опыт, в дальнейшем зачастую приводящий к развитию психологических проблем (Roland, 2002a).

Для подросткового возраста характерна ориентация на мнение сверстников. То, что в молодежной среде считается «крутым», представления о том, как достичь популярности, во многом определяют поступки юношей и девушек. Так, если проявления насилия, публичного унижения другого вызывают одобрение окружающих или пользователей в сети, то это способствует закреплению такого поведения, а также формирует соответствующие социальные установки – приемлемость насилия, буллинг – это «забава», «обычное дело», а не серьезное нарушение границ человека, унижение его достоинства. Поэтому необходимо продолжать исследование этого явления в реалиях сегодняшнего дня, выявлять закономерности и проводить анализ факторов, влияющих на формирование толерантности к буллингу.

Одним из важнейших факторов, влияющих на это, являются вырабатываемые в процессе повседневной коммуникации социальные представления (СП). Они служат для того, чтобы объяснять новые явления,

после чего происходит встраивание нового явления в существующие у индивида схемы видения мира. СП являются «кодами социального обмена», они регулируют поведение индивида и оправдывают социальные отношения, что можно назвать одной из важнейшей функций СП. В соответствии с концепцией «фигуративного ядра» эти убеждения организуются в виде ядра и периферии. Функция ядра – смыслообразование, организация и стабилизация социального представления. Попадающие в ядро убеждения являются достаточно стойкими и обычно не многочисленны. Эта стойкость и стабильность обеспечивается благодаря процессу объективации. По сути, ядро является отражением ценностей, которые поддерживаются группой. В отличие от убеждений, попадающих в ядро, убеждения периферии изменчивы и многочисленны. Они отражают конкретный контекст их возникновения, а также являются, своего рода, защитой ядра от изменений, ведь его изменение означает изменение самого СП. Сравнивая убеждения в ядрах, мы имеем возможность исследовать СП той или иной группы о явлении. Таким образом, в рамках концепции СП мы можем исследовать особенности понимания буллинга в молодежной среде, что в свою очередь, дает понимание отношений и действий, направленных на других в ситуации буллинга (Бовина И.Б., Сачкова М.Е., 2020).

Буллинг — комплексное явление, которое разворачивается в определенном социальном контексте. Подход к исследованию этого явления только с точки зрения психологии индивидуальных различий не является эффективным. Представления о буллинге оказывают существенное влияние на всех его участников (жертв, агрессоров, наблюдателей, учителей, родителей) и, соответственно, на сам процесс буллинга. Ведь характер представлений о нем способен повлиять на поведение каждого прямо и косвенно вовлеченного в процесс – пресечь или способствовать его эскалации.

Мы считаем, что нельзя игнорировать тот факт, что в современном обществе высокие технологии и медиакommunikации являются эффективнейшим инструментом воздействия на массы, формируют стереотипы, общественное мнение, воздействуют на сознание человека в самых отдаленных уголках планеты, не оставляют в стороне никого, захватывая всех и каждого. Самобытность стран утрачивается, все больше проступает тенденция к усреднению, универсализации восприятия и взглядов на реальность. И в этой реальности необходимо изучать эффект, который оказывают сформированные представления на все аспекты жизни, возникающие феномены, в особенности, если речь идет о негативном воздействии на детей и подростков, имеющих следствием криминализацию, психические и соматические заболевания, суициды.

Поэтому мы считаем, что сегодня следует пойти дальше и расширить рамки социально-психологического подхода к буллингу — кроме группового контекста, такого, как класс, школа, необходимо учитывать также влияние общества, царящих в нем установок и представлений о действительности.

В отечественной психологии само понятие буллинга все еще недостаточно объяснено и разработано, по сути, оно все еще является относительно новым, и исследования буллинга носят несистематический, фрагментарный характер. Не существует общей, принятой концепции, отдельные исследования затрагивают какой-то определенный аспект буллинга и не дают представление об общей картине.

Одной из возможностей преодолеть эту фрагментарность, понять суть буллинга как явления, разворачивающегося в контексте общества, является исследование того, каковы существующие представления о всех ключевых субъектах ситуации буллинга, а также выявление представлений о буллинге в целом.

Литература

1. Березина Е.Б., Бовина И.Б. Насилие в школе: социально-психологические объяснения и рекомендации // Психологическая наука и образование. – 2013. – Том 18. – № 6. – С. 37–48.
2. Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 4. – С. 76 – 92. doi:10.17759/psylaw.2020100406
3. Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – Том 6. – № 2. – С. 246–256. doi:10.17759/psyedu.2014060221
4. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Том 16. – № 1. – С. 3-18; №2. – С. 3-14.
5. Московичи С. От коллективных представлений - к социальным // Вопросы социологии. – 1992. – № 2. – С. 83-96.
6. Alberti-Espenes, J. (2012). Krenkelse i skolen – mobbingens bakteppe. Oslo: Gyldendal Akademisk.
7. Eriksen, T.H., & Sajjad, T.A. (2011). Kulturforskjeller i praksis: perspektiver på det flerkulturelle Norge. Oslo: Gyldendal akademisk.
8. Roland E. School Influences on Bullying. Stavanger: Rebell forlag, 1999.
9. Roland E., Idsøe T. Aggression and Bullying. Aggressive Behavior. 2001. Vol. 27. P. 446–462.

10. Smith, P. K. (2004). Bullying: Recent Developments. *Child and Adolescent Mental Health*, 9 (3), 98-103.
11. Thornberg R., Schoolchildren's social representations on bullying causes, 2010, *Psychology in the schools*, (47), 4, 311-327.
12. Thornberg R. and Knutsen S., Teenager's Explanations of Bullying, 2011, *CHILD and YOUTH CARE FORUM*, (40), 3, 177-192.

Модификация метода репертуарных ранговых решеток для выявления барьерных смыслов криминального сексуального поведения

Шипицын Д.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Понятие «смысловая реальность» вошло в обиход психологов самых разных областей. Исследование смысловых образований, установок сопровождает психологию с самого начала ее формирования как науки. Разработкам вопросов смыслообразования посвящены работы В.В. Столина, Б.С. Братуся, А.Г. Асмолова, Ф.Е. Василюка, Д.Н. Узнадзе и многих других. Тем не менее, как отмечает в своей монографии Д.А. Леонтьев (Леонтьев Д.А., 2003), с конца 80-х годов вплоть до настоящего времени интерес исследователей к проблематике смысловой сферы несколько снизился. Вместе с тем, разработка понимания структурного, генетического и функционального компонента личностного смысла является крайне актуальным вопросом для криминальной и судебной психологии. В частности, влияние ценностно-смысловой сферы при реализации противоправной деятельности является важнейшим облегчающим либо преграждающим фактором. Исследование смысловых компонентов деятельности необходимо при оценке степени вменяемости подэкспертного, способности к регуляции поведения.

Важным представляется вопрос о барьерных смыслах противоправной деятельности. Вопрос ингибиторов криминальной агрессии, в число которых входят смысловые образования, разработан в работах Ф.С. Сафуанова (Сафуанов Ф.С., 2003), А.С. Калашниковой, Н.В. Дворянчикова (Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г., 2014). Вместе с тем, ингибирующие механизмы аномального и криминального сексуального поведения до сих пор изучены недостаточно. При этом сексуальность, как и агрессия описываются еще Фрейдом как две сопровождающие человечество базовые побудительные силы, часто причудливо сливающиеся либо не дифференцированные в онтогенезе.

Невозможно напрямую перенести изученные преграждающие психические факторы, ингибирующие криминальную агрессию, на компоненты, способные остановить индивида при реализации криминального полового поведения. Так, если ряд факторов, таких, как страх физической боли, будут, вероятно, общими ингибиторами для обоих видов поведения, то «миловидность» жертвы (женщины, ребенка), являющаяся фактором, способным ингибировать криминальную агрессию, в ситуации сексуального насилия будет выступать катализирующим фактором. Это указывает, на необходимость разработки адекватного инструмента, способного сделать смысловые ингибиторы аномального сексуального поведения доступными для психологического анализа.

Актуальным также является вопрос о гендерной специфичности барьерных смыслов аномального сексуального поведения. Согласно исследованиям Л.Н. Ожиговой (Ожигова Л.Н., 2006), А.Д. Швецовой (Швецова А.Д., 2009), гендерная идентичность личности является настолько базовым фактором самосознания, что является, по сути, сквозным по отношению к другим психическим компонентам и встроена в смысловую сферу. Поскольку влияние на регуляцию криминального сексуального поведения гендерных стереотипов и интериоризированной гендерной роли является столь важным (Ткаченко А.А., 1997), конструируемая методика для оценки барьерных смыслов могла бы вскрывать и гендерную специфику смысловой сферы.

На наш взгляд, одной из наиболее удобных и простых методик для оценки барьерных смыслов аномального сексуального поведения могла бы стать модификация методики репертуарных ранговых решеток, описанная Д. Баннистером (1997). Ее методологической базой служит теория личностных конструктов Дж.Келли, которую ряд его последователей прямо называют теорией личностных смыслов. Описанная А.А. Ткаченко и др. (Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В., 2014) методика репертуарных решеток, как отмечают сами авторы, при всех ее удобствах и преимуществах имеет слабое звено – недостаточную защищенность от сознательного искажения результатов. При этом, разрабатываемая нами новая модификация методики значительно преодолевает данный недостаток в силу того, что сама идея выбрать из предложенных испытуемому те или иные ингибиторы неприемлемого поведения является социально желательным для испытуемого действием, что не запускает мотивацию скрыть социально неодобряемое поведение более благовидным. Иными словами, в прежней методике испытуемому было необходимо сопоставить элементы и конструкты, отражавшие до определенной степени осуждаемое обществом поведение (например, элемент: «я испытываю сексуальное влечение» и конструкт «с ребенком», «с матерью»), в случае же

оценки ингибиторов такого поведения, выбор не будет вызывать ощущения стыда, а, следовательно, мотива установочного поведения.

Основой для построения модифицированной методики послужит «интегративная модель влияния психологических факторов на регуляцию поведения» (Ткаченко А.А., 1997). В основе модели четыре уровня способности к прогнозу и регуляции собственного поведения, основанного на восприятии себя и компонентов ситуации. Модель можно рассматривать, по сути, как формирование способности к саморегуляции в онтогенезе, так как каждый ее уровень формируется по мере развития индивида. При формировании смысловых барьерных конструкторов для модифицированной методики предполагается также отразить формирование преградных смыслов, характерных как для более ранних, так и для более поздних стадий развития смысловой сферы, соответствующих представленным в модели. Хотя в вышеуказанной интегративной модели смысловым указан четвертый, наивысший, уровень регуляции, смысловая сфера является многоуровневой психической реальностью, смысловой вертикалью, по выражению Б.С. Братуся, и формируется в онтогенезе с самых ранних этапов развития. Как указывает Д.А. Леонтьев (Леонтьев Д.А., 2003), «задача матери – так реагировать на то, что он [ребенок] делает, чтобы придавать его действиям смысл... Именно интерпретация матерью действий ребенка в терминах смыслов (которая сама во многом определена непосредственным поведенческим контекстом) определяет соответствующую интерпретацию своих действий самим ребенком». Модифицированная методика репертуарных решеток, таким образом, сможет дополнить и углубить описанную интегративную регулятивную модель поведения.

Апробация модифицированной методики репертуарных решеток будет проводиться на материале осужденных к условным и реальным срокам за половые преступления, находящихся на контроле и посещающих уголовно исполнительные инспекции.

Литература

1. Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г. Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (Часть I) // Психология и право. – 2014. Том 4. № 1. – С. 82-99.
2. Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г. Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (часть II) // Психология и право. – 2014. Том 4. № 2. – С. 46–61.

3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии. – М.: Смысл, 2003. – 486 с.
4. Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: дис. ... д-ра психол. наук. – Краснодар, 2006. – 431 с.
5. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. – М.: «Смысл», 2003. – 300 с.
6. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е. Аномальное сексуальное поведение. – М.: ГНЦССП им. В. П. Сербского, 1997. – 615 с.
7. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. – М.: Бином, 2014. 648 с.
8. Швецова А. Д. Различия смысловой сферы мужчин и женщин с разной гендерной идентичностью: дис. ... канд. психол. наук. – Южно-Сахалинск, 2009. – 270 с.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Адаптация к служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы - проблемные вопросы

Борисова Д.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва)

Научный руководитель – Дворянчиков Н.В.

Последние годы особую значимость имеет формирование здорового, законопослушного общества. Для этого необходимо проводить не только профилактическую, воспитательную, образовательную деятельность с населением, но и работать с той его частью, которая уже нарушила нормы и правила поведения, что в некоторых случаях привело к уголовной ответственности. Работают с такой категорией лиц сотрудники уголовно-исполнительной системы. Для качественного выполнения должностных обязанностей, связанных с перевоспитанием осужденных, требуются сотрудники, обладающие высокими интеллектуальными способностями, развитыми моральными качествами и т.д.

Общество заинтересовано в уголовно-исполнительной системе, прежде всего, в качестве института, обеспечивающего защиту от преступности. Поэтому в настоящее время наука уделяет внимание изучению не только личности преступника и аспектов, позволяющих нивелировать преступность, но и непосредственно личности сотрудника, которому необходимо работать с криминально зараженными членами общества и непосредственно выполнять основную цель - перевоспитание, исправление осужденных.

Работа с кадрами с каждым годом становится все актуальнее и занимает одно из основных мест в работе учреждений. Первостепенно это касается подбора специалистов, обладающих необходимыми качествами. Однако на этом работа не останавливается, а продолжается на протяжении всего времени службы, т.к. это позволяет сохранить здоровую, социально активную личность, способную успешно взаимодействовать с социумом вне рабочего пространства.

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы является достаточно специфичной деятельностью. При выполнении служебных обязанностей на сотрудника могут оказывать влияние различные

негативные факторы и стрессовые ситуации. Соответственно, становление личности как профессионала в своей области требует определенного времени и усилий. На результативность освоения и определения своего места и роли в трудовой деятельности оказывают влияние личностные характеристики, в частности развитые адаптивные способности. Соответственно, профессиональная адаптация сотрудника представляет собой социально-психологический процесс включения его в трудовой коллектив, установление с ним доверительных отношений, приспособление к характеру и условиям труда, формирование устойчивого интереса к выполняемой деятельности (Волкова В.В., Трандина Е.Е., Облуков А.А., 2016). Но на этом актуальность адаптационных возможностей не снижается ввиду того, что в трудовой деятельности возможно возникновение различных непредвиденных обстоятельств и стрессовых ситуаций, к которым человек не может быть готов, но дальнейшая его деятельность зависит от способности быстро переключаться и выстраивать ее в новых условиях, вырабатывая новые, отличные от имеющихся формы поведения.

Однако, несмотря на работу, проводимую ответственными сотрудниками, могут возникать трудности на пути приспособления к новой трудовой деятельности. Последние годы исследователи уделяют этому внимание и пытаются выработать различные рекомендации, выполнение которых позволяет избежать сложности в процессе адаптации. К этим трудностям относятся как некоторые внутренние факторы (личностные особенности), так и внешние факторы.

Так, в своей работе Ципилев С.Н. выделяет основные факторы, влияющие на процесс адаптации. К ним относятся: несформированная способность к установлению контакта и налаживанию отношений, трудности в работе в режиме многозадачности или выполнении несвойственных функций, неспособность самостоятельно и оперативно принимать решения, отсутствие специального образования. Помимо этого затруднения могут возникнуть в связи с особенностями службы, так как молодой сотрудник может быть не готов к таким аспектам, как четко регламентированный характер деятельности, несение службы со специальными средствами и огнестрельным оружием; невозможность отвлекаться от несения службы на вверенном посту, постоянное подчинение вышестоящему руководству. На первоначальном этапе это может вызывать стрессовые состояния (Ципилев С.Н., 2019). Поэтому введена практика оказания помощи более опытными сотрудниками - наставниками. От квалификации, опыта и личностных качеств зависит достаточно многое при прохождении начального периода службы молодого сотрудника. Это проявляется в возможности посоветоваться, оказать практическую и моральную поддержку.

Другие аспекты, осложняющие трудовую адаптацию, описанные в исследованиях, представляют собой социальные аспекты: престиж службы в обществе, материальное стимулирование и подобные. Однако данные факторы относятся, на наш взгляд, достаточно условно к процессу адаптации, т.к. поступая на службу или на учебу, сотрудник уже может быть осведомлен об основных гарантиях, и, соответственно, принимал решение опираясь на эти данные.

Стоит отметить, что на службу в уголовно-исполнительную систему поступают не только молодые сотрудники из профильных образовательных организаций, но и из гражданских учебных заведений, а также специалисты из других профессиональных областей, уже имеющие разный опыт работы. В связи с этим процесс адаптации у каждой группы будет отличаться. Поэтому в своей работе Ваторопин А.С. и Апахова В.М. пришли к необходимости выделить группу риска, в которую будут входить сотрудники, с большей вероятностью склонные к затруднениям в процессе адаптации. Авторы включили в эту группу мужчин до 30 лет, принятых на должности младшего начальствующего состава, имеющих среднее профессиональное образование, полученное вне образовательной структуры уголовно-исполнительной системы (Ваторопин А.С., Апахова В.М., 2020).

Исходя из вышеописанных трудностей и ряда иных, не рассмотренных в данной статье, авторы большинства исследований приводят различные рекомендации, позволяющие облегчить процесс адаптации, носящие зачастую комплексный характер. К основным относятся:

- организационно-правовые мероприятия (изучение и использование в профессиональной деятельности требований нормативных правовых актов, методических рекомендаций, передового опыта работы ФСИН России);
- мероприятия, формирующие необходимые личностные качества и навыки сотрудников, включая психолого-педагогические мероприятия;
- мероприятия по обучению молодых сотрудников с участием представителей разных отделов и служб исправительного учреждения;
- индивидуальный подход к каждому новому сотруднику, использование института наставничества (Куркина И.Н., 2020).

Все программы, используемые при сопровождении молодых сотрудников на этапе адаптации, должны включать в себя как развитие общих, универсальных способностей, так и учитывать уникальные личностные особенности. Такой подход позволяет безболезненно внедрять нового сотрудника одновременно и в функционирование конкретного учреждения, и в закрытую профессиональную группу. Именно поэтому грамотное внедрение нового сотрудника должно проводиться с помощью мероприятий, которые отвечают организационным,

методическим и психологическим требованиям (Ваторопин А.С., Апахова В.М., 2020).

Литература

1. Ваторопин А.С., Апахова В.М. Адресность трудовой адаптации как фактор сокращения группы риска среди сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (68). – С. 152-157.
2. Волкова В.В., Трандина Е.Е., Облуков А.А. Актуальные проблемы системы трудовой адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Наука: исследования, результаты, достижения. – 2016. – № 1 (2). – С. 34–37.
3. Куркина И.Н. Особенности профессиональной адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительной практике. – 2020. – №2 (24). – С. 18-23.
4. Ципилев С.Н. О проблемах адаптации молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы к службе в исправительных учреждениях // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы. Сборник научных трудов. / Под общ. ред. А.А. Середина. – Вологда, 2019. – С. 167-172.

Роль сенсомоторных периферических асимметрий в формировании стрессоустойчивости человека

Голованова Е. Е., Сорокина Е.С.

Российский университет транспорта (г. Москва)

Научный руководитель - Стерлигова О.П.

В условиях динамичного изменения мира и различных стрессогенных факторов, таких, как пандемия COVID-19, возрастающий объем информационной нагрузки на когнитивные системы, скорость изменений социокультурных стандартов, стоит выделить важность формирования стрессоустойчивости. Её значимость заключается, в первую очередь, в создании должного уровня стрессоустойчивости в общественно необходимых видах деятельности, в частности, связанных с исполнением служебных обязанностей сотрудников силовых структур, а также в повышении адаптационных возможностей субъектов в контексте эффективности совладания, саморегуляции. В свою очередь, формирование стрессоустойчивости зависит от функциональной организации индивидуального мозга, которая определяется как его природными свойствами, так и влиянием на него средовых факторов. Кроме

того, молодой возраст является сензитивным периодом для развития основных социогенных потенций человека, поэтому для представителей данного возраста особенно важно изучать эти явления с целью обеспечения качества формирования активной, здоровой, конкурентоспособной личности.

Особенности межполушарной асимметрии в контексте проблем стресса изучаются редко, а результаты, полученные в различных исследованиях, неоднозначны. В зависимости от конкретных условий может развиваться относительное преобладание мышления левого или правого полушария, что во многом определяет психологические характеристики индивида, в том числе стрессоустойчивость. Физиологические и психофизиологические особенности человека действительно влияют на возникновение и стадии стресса (Бодров В.А., 2000).

При проведении данного исследования была высказана гипотеза о том, что характеристики сенсомоторной асимметрии существенно влияют на интегральные особенности адаптивных возможностей индивида. Выборку исследования составили 10 респондентов в возрасте 20–22 лет, из которых 8 девушек и 2 юношей. Выборка отвечала критерию однородности, репрезентативности, поскольку все респонденты являлись студентами третьего курса гуманитарных специальностей, стратегия отбора которых являлась случайной.

Психофизиологическая асимметрия и уровень стрессоустойчивости изучались в рамках дисциплины «Основы нейропсихологии и патопсихологии». Исследование было проведено в апреле-мае 2021 года.

Для исследования особенностей сенсомоторной асимметрии первоначально студентам предлагалось пройти ряд проб (А.Р. Лурия, Т.П. Доброхотова, Н.Н. Брагина, Б.Г. Ананьев и др.), включая тест на определение ведущей руки – тест М. Аннет (Москвин В.А., 2011). По результатам обследования особенностей моторной асимметрии у студентов было установлено, что ведущая правая рука наблюдается у 80% респондентов, ведущая левая рука – у 20% опрошенных, ведущая правая нога обнаружена у 90%, а левая нога – у 10%. Средний суммарный индекс моторной декстральности по выборке составил $I_{мд}=3,2$, что демонстрирует преобладание правой стороны у большинства опрошенных. Исходя из оценки сенсорной асимметрии, было выявлено, что 70% студентов отдают предпочтение правому уху, а 30% – левому, 60% испытуемых выбрали правый глаз, 40% – левый. Средний суммарный индекс сенсорной декстральности по выборке составил $I_{сд}=2,9$, что показывает доминирование правой стороны у большей части респондентов при оценке сенсорной асимметрии.

По классификации латеральной организации П. Деннисона были описаны характеристики стрессоустойчивости (Сиротюк А.Л., 2003). У 60% студентов выявлен левополушарный правосторонний латеральный профиль, для 10% респондентов был установлен правополушарный левосторонний латеральный профиль, при этом стрессоустойчивость составила 100%. Левополушарные парциальные латеральные профили выявлены у 20% опрошенных, стрессоустойчивость – 50%. Функционирование ведущего глаза и ведущего уха при восприятии не скоординировано у респондентов с профилем ЛП-ПР-ЛГ-ПУ-ПН, поэтому стрессоустойчивость достигала 75%. Правополушарный парциальный латеральный профиль преобладает у 10%, при этом стрессоустойчивость составила 75%.

В результате обработки данных по тесту М. Аннет был сделан вывод о том, что доля респондентов с ведущей правой рукой составила 80%, левшей оказалось всего 10%, также как и амбидекстров.

Для исследования уровня стрессоустойчивости и адаптивных возможностей человека, с учетом некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, применялся Многоуровневый личностный опросник (МЛО) «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермянина (Райгородский Д.Я., 2001). По данным опроса было выяснено, что данная группа обладает сниженной адаптацией, низкой нервно-психической устойчивостью, большинство респондентов может переживать срывы, длительные нарушения функционального состояния, психотические реакции, низкая поведенческая регуляция и коммуникативный потенциал. При этом различий в показателях стрессоустойчивости между людьми с разными особенностями периферических сенсомоторных асимметрий по данному опроснику не зафиксировано.

В результате проведенного корреляционного анализа по методу Ч. Спирмена была установлена статистически значимая взаимосвязь ($r_s = - 0,655$, $p \leq 0,05$) между количественными показателями равнозначных выборов органов $A_{пл}$ по различным пробам и показателями по шкале «Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)» Многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность». Анализ показал, что лица, использующие правую и левую сторону при выполнении моторных и сенсорных действий, более стрессоустойчивы и легко адаптируются к новым условиям деятельности, ориентируются в новой ситуации, вырабатывая при этом адекватную, неконфликтную стратегию поведения и сохраняя высокую работоспособность. Следует предположить, что подобные тенденции происходят из-за того, что левое и правое полушария связаны с разными психическими функциями, именно такое разделение задач помогает мозгу экономить энергию и быстрее обрабатывать информацию, адаптируясь в новых условиях.

Таким образом, для выявления уровня стрессоустойчивости необходимо учитывать характеристики сенсомоторных асимметрий и особенности функционирования полушарий. Полученные в ходе исследования выводы необходимы при реализации психолого-педагогических технологий развития позитивного отношения студентов, чья будущая профессия связана с правоохранительной деятельностью, к учебе путем повышения уровня их стрессоустойчивости и здоровья. В современном мире работа психологической службы вуза должна быть направлена на повышение стрессоустойчивости личности студентов посредством развития структур интегральной индивидуальности и разработку систем психологических упражнений для развития у студентов стрессоустойчивости в образовательном пространстве.

Литература

1. Бодров В.А. Информационный стресс: Учебное пособие для вузов – М.: ПЕР СЭ, 2000. – 352 с.
2. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека – М.: Смысл, 2011. – 368 с.
3. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие – Самара: Бахрах-М, 2001. – 672 с.
4. Сиротюк А.Л. Психофизиологическое и нейропсихологическое сопровождение обучения. – М.: Сфера, 2003. – 288 с.

Связь виктимного поведения и эмпатических способностей у студентов-психологов

Горюнова Е.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Богданович Н. В.

В современном мире существует множество профессий, в специфику некоторых из них входит высокий уровень виктимности. Считается, что к одной из таких профессий можно отнести профессию психолога. Для изучения данной темы важно понять, что является предиктором виктимности, поэтому одним из наших предположений является то, что это может быть связано с эмпатическими способностями личности.

Объект исследования - психологические аспекты виктимного поведения и эмпатических способностей.

Предмет исследования - виктимное поведение и его связь с эмпатическими способностями у студентов-психологов.

Целью нашего исследования являлось установление связи виктимного поведения и эмпатических способностей у студентов-психологов.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить понятие “виктимное поведение”, описать основные виды виктимного поведения;
2. Раскрыть понятие “эмпатические способности”, изложить основные компоненты эмпатических способностей;
3. Выделить профессионально значимые качества психолога;
4. Описать психологические особенности юношеского возраста;
5. Установить степень проявления виктимного поведения у студентов-психологов;
6. Определить уровень эмпатических способностей у студентов-психологов;
7. Выявить связь виктимного поведения и эмпатических способностей у студентов-психологов.

Нами были выдвинуты две гипотезы. Мы предположили, что, во-первых, у студентов психологов присутствует высокая склонность к виктимному поведению, а во-вторых, что уровень виктимного поведения прямо коррелирует с уровнем эмпатических способностей.

Выборка составила 20 человек, которыми являлись студенты 4 курса факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета в возрасте от 21 до 25 лет.

Для того, чтобы изучить виктимное поведение студентов-психологов, мы выбрали “Методику исследования склонности к виктимному поведению” О.О. Андронниковой. Данная методика позволила нам выявить и рассмотреть не только общую склонность к реализации виктимного поведения, но и преобладание склонностей к различным видам виктимного поведения.

Также мы использовали “Методику диагностики уровня эмпатических способностей” В. В. Бойко, которая позволила нам определить, как общий уровень эмпатических способностей, так и проявление их отдельных компонентов.

Также для более углубленного понимания опыта виктимного поведения студентов-психологов нами был составлен опросник, содержащий 12 вопросов открытого типа. Вопросы были направлены на выявление таких характеристик, как опыт столкновения с криминальной ситуацией и действия, предпринимаемые после этого столкновения; определение понятия “осторожное поведение”; описание причин попадания в криминальную ситуацию; опыт

переживания позиции жертвы; опыт физического и психологического насилия, а также действия, предпринимаемые после подобного опыта; копинг-стратегии; опыт обращения за помощью; применение психологических знаний.

В результате нашего исследования были сделаны следующие выводы.

Под понятием “виктимное поведение” мы понимаем отражение в действиях и поступках индивидуальных свойств человека, которые обуславливают реальную или же потенциальную подверженность индивида становиться жертвой.

Основываясь на работе Д.В. Ривмана, можно выделить типологию жертв по характеру их поведения, обозначив такие виды виктимного поведения, как: агрессивное виктимное поведение, активное поведение, пассивное поведение, инициативное поведение, некритичное поведение, нейтральное поведение (Ривман Д.В., 2002).

Также мы пришли к выводу, что под определением эмпатических способностей будем подразумевать способность личности понимать эмоциональное состояние другого человека, посредством совокупности эмоциональных, когнитивных и поведенческих характеристик, а также способность сопереживать и выражать это в поведении.

Опираясь на подход В.В. Бойко, нами выделена суть таких компонентов эмпатических способностей, как: рациональный канал эмпатии, эмоциональный канал, интуитивный канал, установки личности, проникающая способность личности, идентификация (Бойко В.В., 1996).

Кроме того, мы описали такие блоки профессионально значимых качеств психолога, как: когнитивный, рефлексивно-перцептивный, блок профессиональной компетентности, волевой, ценностно-смысловой блок, поведенческий, эмоциональный, блок психологической культуры, коммуникативный, блок профессиональной идентичности (Быкова Е.А., 2015).

Из психологических особенностей юношеского возраста нами были выделены такие ключевые компоненты, как: формирование самоидентичности, самоопределение, развитие самосознания и активное формирование мировоззрения.

В ходе нашего исследования было выявлено, что у студентов-психологов преобладает низкий уровень реализованной виктимности и средний уровень эмпатических способностей.

Для обработки результатов мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. В результате не было выявлено связи между степенью реализованности виктимного поведения и уровнем эмпатических способностей.

Однако были получены следующие данные о наличии связей между определенными видами виктимного поведения и компонентами эмпатических способностей:

1. Степень склонности к инициативному виктимному поведению прямо коррелирует с уровнем установок, которые способствуют или препятствуют эмпатии. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). Следовательно, чем меньше установок, которые блокируют эмпатические способности, тем выше склонность к гиперсоциальному виктимному поведению, и наоборот.

2. Степень склонности к пассивному виктимному поведению прямо коррелирует с уровнем эмоционального канала эмпатии. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя). Следовательно, чем выше уровень эмоционального канала эмпатии, тем выше склонность к пассивному виктимному поведению, и наоборот.

Основываясь на результатах контент-анализа, приведем основные полученные выводы. Во-первых, было выявлено, что 90% участников сталкивались с криминальными ситуациями. Стоит отметить, что подавляющее большинство криминальных ситуаций (у 55% участников) произошло в интернет пространстве, посредством интернет-мошенничества. А 40% отметили наличие криминальных ситуаций в реальной жизни. Во-вторых, мы спрашивали у участников, что, по их мнению, стало причиной попадания в криминальную ситуацию. Итак, 55% участников дали ответы с ориентацией на собственное состояние и личностные особенности, 25% отметили в качестве причины случайное стечение обстоятельств, 20% отметили наличие ориентации на социальные условия, а 10% участников указали на особенности внешних условий среды. В-третьих, было выявлено, что 45% участников подвергались физическому насилию и 90% подвергались психологическому насилию.

В итоге можно сделать вывод о том, что обе наши гипотезы не подтвердились. Мы предполагаем, что это может быть связано с особенностями опыта испытуемых, связанным с виктимным поведением.

Также мы считаем, что в перспективе следует исследовать иные возможные области и предикторы виктимного поведения. Результаты опроса показали достаточно большой процент тех, кто столкнулся с преступлениями в онлайн среде, что доказывает актуальность исследования онлайн-виктимности. А также, учитывая результаты, указывающие на очень осторожное поведение участников, следует изучить связь реализованности виктимного поведения и тревожности.

Литература

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других – М.: Филинь, 1996. – 472с.
2. Быкова Е.А. Особенности профессионально важных качеств психолога. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3(27). – С. 112-119.
3. Ривман Д. В. Криминальная виктимология – СПб: Питер, – 2002. – 304 с.

Профессиональная позиция студентов-медиков по отношению к абортам, ЭКО и суррогатному материнству

Дадашова С. М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З. В.

Этико-правовые проблемы репродукции человека были предметом изучения на протяжении многих лет: начиная с древних времен и вплоть до XXI века. Развитие представлений о половой системе человека, подходов к диагностике, профилактике беременности, появление вспомогательных репродуктивных технологий привели к появлению не только новых специализаций в акушерстве и гинекологии, но и вопросов этико-правовых проблем в области изучения сферы репродукции человека. Будущая профессия медика предъявляет высокие требования и к знаниям, и к личности студента. Профессиональная позиция является одной из важнейших характеристик личности будущего медика. И. С. Бегидова и Т. Н. Поддубная считают, что ключевой составляющей профессионального развития специалиста является профессиональная позиция. Именно она направляет человека на его творческое развитие и самореализацию (Бегидова И. С., Поддубная Т. Н., 2012). Авторы работ, исследующих содержание, особенности профессиональной позиции студентов-медиков по отношению к абортам, ЭКО и суррогатному материнству, было найдено немного. Это позволяет сделать вывод о том, что данная проблема недостаточно исследована.

В 2020 году нами было проведено исследование, целью которого являлось определить особенности профессиональной позиции студентов-медиков по отношению к абортам, ЭКО, суррогатному материнству. Мы предположили, что профессиональные позиции студентов-медиков по отношению к абортам, ЭКО и суррогатному материнству будут различаться: доля сторонников ЭКО и суррогатного материнства будет наибольшей, а

сторонников аборта – наименьшей. Была выдвинута гипотеза, что основной сферой, в которой проявляются различия в профессиональных позициях по отношению к абортам, ЭКО и суррогатному материнству студентов-медиков, является правосознание. Исследование проводилось на базе Сеченовского Университета. В исследовании приняли участие 15 студентов: двенадцать девушек и три юноши, обучающихся на пятом курсе по специальности 31.05.02 «Педиатрия». Средний возраст испытуемых составил 22 года. В качестве методов исследования были использованы: опросник ДУМЭОЛП — диагностика уровня морально-этической ответственности личности И.Г. Тимощука; методика оценки эмоциональной составляющей установки Крита, Фабригара, Петти; модифицированная анкета Т. Г. Светличной «Адаптивность концепций биоэтики в современной медицине».

Студенты единогласно отметили, что их религиозные взгляды не влияют на мнение относительно вопросов, связанных с оказанием медицинских услуг. Также все респонденты считают, что религия вмешиваться в вопросы медицины не должна. Получается, студенты отделяют свои религиозные убеждения от медицинских профессиональных знаний. На вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что медицинский профессионализм включает моральные качества врача и предполагает приобретение этического знания?» абсолютное большинство ответили согласием.

Большинство студентов (2/3) дали неоднозначный ответ относительно того, как они относятся к абортам, отметив, что все зависит от обстоятельств. Остальные относятся к проведению абортов положительно. Отвечая на вопрос, с какого момента начинается жизнь, 2/3 студентов считают, что жизнь человека начинается с момента рождения. Остальные ответили, что жизнь человека начинается с момента зачатия. Абсолютное большинство уверено в том, что право на проведение аборта является исключительным правом женщины. В то же время около половины опрошенных считают, что каждый зачатый ребенок имеет право родиться на свет. Вероятно, такое несоответствие обусловлено следующим: студенты уверены, что тело женщины принадлежит исключительно ей, и она имеет полное право поступать с ним так, как посчитает нужным. Однако студенты признают высокую ценность жизни даже ещё не родившегося ребенка. 9 студентов считают, что врач не имеет права отказаться от проведения искусственного прерывания беременности, а остальные придерживаются противоположного мнения. Большинство респондентов отрицают обязанность матери родить зачатого ребенка. Абсолютное большинство студентов считают, что аборт – это не убийство.

1/3 опрошенных положительно относятся к суррогатному материнству, 7 человек не имеют четко сформированной позиции. Вместе эти две группы

сходятся во мнении о том, что суррогатное материнство дает возможность бездетным семьям получить ребенка. Двое испытуемых считают, что суррогатное материнство – это торговля детьми.

Среди студентов нет ни одного отрицательно высказавшегося об ЭКО, при этом все едины во мнении о том, что оно позволяет бездетным семьям получить ребенка. Абсолютное большинство считают, что дети, родившиеся в результате ЭКО, точно такие же, как и зачатые естественным путем.

Рассмотрим гипотезу о том, что среди студентов доля сторонников ЭКО и суррогатного материнства будет наибольшей, а сторонников аборт – наименьшей. В результате исследования установлено: к ЭКО все испытуемые относятся положительно, и всего 2 человека высказались отрицательно по отношению к суррогатному материнству. Противников аборта среди опрошенных студентов нет. Выходит, выдвинутая гипотеза нашла лишь частичное подтверждение. Оказалось, что респонденты относятся более терпимо к искусственному прерыванию беременности, чем это ожидалось.

По результатам методики измерения эмоциональной составляющей социальной установки было выяснено, что эмоциональная установка на правомерное поведение в выборке скорее слабая (или даже вовсе не выраженная), причем её значения особенно низкие у тех, кто относится к ЭКО и суррогатному материнству положительно (нейтрально). Вычисляя значение дисперсии по степени выраженности эмоционального отношения к правомерному поведению, получаем $\sigma_{\text{прав.}}^2 = 6,7$.

Большинство студентов-медиков обладают средним значением морально-этической ответственности. Полученное значение дисперсии по уровню МЭО составляет $\sigma_{\text{мэо}}^2 = 7,15$.

Гипотеза о том, что основной сферой, в которой проявляются различия в профессиональных позициях по отношению к абортам, ЭКО и суррогатному материнству студентов-медиков, является правосознание не подтвердилась. Выходит, что разброс значений по результатам МЭО больше, чем по результатам эмоциональной установки на правомерное поведение.

Таким образом, у многих студентов-медиков ни религия, ни приверженность к правомерному поведению не являются ключевыми элементами в формировании их профессиональной позиции. Получается, что студенты-медики при ответе на вопросы о жизни и смерти руководствуются не только профессиональными взглядами, но и нормами этики и морали. Вероятно, этим и обусловлены некоторые противоречия, полученные в ходе исследования. С одной стороны, почти все студенты признают исключительное право женщины на аборт, с другой – практически половина студентов считает, что каждый зачатый ребенок имеет право родиться на свет.

Полученные в ходе работы результаты раскрывают перспективу дальнейших исследований в этом направлении. Одним из важных направлений дальнейшего исследования, на наш взгляд, является изучение сферы «личность», которое будет направлено на выявление уровня эмпатии, сформированности представлений о смысле жизни или его отсутствии, самооценки личности, уровня притязаний. Еще одним важным направлением дальнейшего исследования, по нашему мнению, является изучение динамики профессиональной позиции по отношению к абортам, суррогатному материнству и ЭКО.

Литература

1. Бегидова С. Н., Поддубная Т. Н. Профессиональная субъектная позиция как составляющая профессионального развития студента // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2012. №2. С. 17 — 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-subektnaya-pozitsiya-kak-sostavlyayuschaya-professionalnogo-razvitiya-studenta> (дата обращения: 09.04.2021).

Особенности мотивации молодежи к поступлению на службу в правоохранительные органы

Кочнова П.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И.Н.

В настоящее время социально-экономические условия современного мира претерпевают большие изменения. Перед органами государственной власти ставятся новые цели и задачи, по своему объему и сложности несопоставимые с задачами государства вековой давности. Для разрешения данных проблем необходимо выработать пути их разрешения. Субъекты государственного управления вынуждены пересматривать привычные, традиционные методы управления, а также не стоит забывать о регулярном повышении эффективности своей работы. В представлении гражданского человека, государственный служащий является представительным лицом государства. Поэтому можно с уверенностью сказать, что только по ходу очного взаимодействия с представителями органов исполнительной власти люди могут оценить его эффективность.

Профессионально подготовленные государственные служащие, по сути, обеспечивают успех государственного управления в целом, своевременность и эффективность проводимых в государстве реформ. Современные социально-экономические и политические условия, в которых находится наша страна, диктующие необходимость регулярных преобразований, требуют качественных изменений и внутри государственного аппарата. Это значит, что актуальной является потребность совершенствования управленческих инструментов и технологий, используемых в работе государственной гражданской службы. Речь идет о важности решения вопросов, связанных с формированием и развитием кадрового потенциала государственных служащих. Ведь его использование является одним из факторов, укрепляющих государственность нашей страны, обеспечивающих положительное решение стоящих перед государством задач и реализацию функций органов государственной власти.

Именно актуальность проблемы реформирования российской государственной службы стала причиной появления работ, освещающих основные критерии под разным углом, такие как: система кадровой политики, компетентность служащих, управленческий потенциал нормативной базы, на основе которой функционирует госслужба, поиск новых теорий государственного управления и государственной службы и т.д. Это работы таких авторов, как С.В. Алиева, И. В. Меньшикова, А. И. Турчинов, А.В. Понеделков, Е. В. Охотский, Ф.А. Корнийчук, С. Г. Кузнецов Б.Т. Пономаренко, и др.

Объектом исследования является система мотивации молодых сотрудников при поступлении на службу.

Предметом исследования являются факторы возникновения и формирования стимулов в системе мотивации молодых сотрудников при поступлении на службу.

Цель исследования заключается в исследовании особенностей и проблем, связанных с построением эффективной системы методов мотивации молодых сотрудников при поступлении на службу и разработкой возможных вариантов их решения.

Теоретико-методологической основой работы выступили школа человеческих отношений Элтона Мэйо, административная школа научного менеджмента Анри Файоля; процессуальные теория ожиданий В. Врума и теория справедливости Д. Адамса.

Применение данных подходов, концепций и теорий помогло разобраться в проблематике трудовой мотивации у российских государственных служащих. Также большую роль сыграл накопленный опыт – как прикладной, так и теоретический. При изучении системы российской государственной службы сохранилось много информации из работ исследователей, таких, как Г. В.

Атаманчук, Г. П. Зинченко, А. И. Турчинов, А. М. Старостин, В. Г. Игнатов А.Б. Оболонский, В.Е. Бойков М.К. Горшков О.И. Долгополов И.П. Лотов и др.

Благодаря развитию материальных и нематериальных факторов происходит повышение мотивации трудовой деятельности. Большое влияние имеют госслужащие, поскольку им, согласно своей профессии, приходится решать вопросы, касаемые работы многих организаций, и конечно, воздействовать на данные решения. Престижность государственной службы велика, поскольку от служащих (в особенности тех, кто обладают высокой должностью), многое зависит. Для высококвалифицированных, повышающих свою квалификацию, амбициозных, инициативных и, конечно же, желающих продвигаться по карьерной лестнице сотрудников государство всегда предоставляет такую возможность. В иных структурах тоже есть такие возможности, однако, не во всех. Также стоит отметить, что вопросы карьеры в частных структурах не всегда решаются заслугами претендента, зачастую это напрямую зависит от желания и решения собственника.

Государство, предоставляющее собой «организацию» из немотивированных работников, и, как следствие, неудовлетворенную клиентскую базу, не в состоянии эффективно функционировать.

Что должна представлять собой эффективная система мотивации при службе государству? Очевидно, должны быть особые черты, отличные от мотивации частного сектора.

В наши дни проблема мотивации сотрудников правоохранительных органов подробно рассматривается в публицистических и научных изданиях. Стоит отметить, что предложение о соотнесении классических теорий мотивации с современной реальностью во многом неоднозначно, что приостанавливает использование техник и методов мотивации на практике. Большую роль в понимании мотивов и стимулов работников в деятельности руководства, относительно особенностей и тенденций развития мотивационной сферы профессиональной деятельности, играют проводимые в этой сфере социологические исследования.

Сегодня не существует однозначных методов мотивации работников. Однако любая деятельность руководителя, имеющая отношение к методам мотивации, должна быть основана на принципах организационной стратегии управления человеческими возможностями как ресурсами.

Это свидетельствует о том, что сотрудник адаптируется к стратегиям задач и целей организации путем профессиональной деятельности. Выбор определенного метода мотивации, проходящего при помощи наблюдения за сотрудником, зависит от способностей, активности, компетентности, навыков

самореализации и постоянного самосовершенствования, что служит образованию крепких профессиональных детерминантов.

Психологические защитные механизмы и копинг-стратегии медицинских работников психоневрологических интернатов

Литвинова А.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет
Научный руководитель – Коноплева И.Н.

Актуальность. Условия работы в психоневрологических интернатах обладают определенными особенностями: особая регламентация деятельности медицинских работников, иногда ненормированный рабочий день, постоянная и интенсивная работа с людьми, личностные, интеллектуальные и поведенческие нарушения у получателей социальных услуг, конфликты в коллективе – все эти факторы влияют на выбор сотрудниками психоневрологического интерната предпочитаемых копинг-стратегий. В ситуации постоянного стресса важным вопросом является то, как медицинские работники преодолевают его в своей профессиональной деятельности, ведь некоторые стратегии совладания могут иметь негативный эффект как для личности, так и для окружающих.

Цели и задачи научной работы. Цель научной работы: выявить копинг-стратегии и механизмы психологической защиты медицинских работников в психоневрологических интернатах.

Задачи:

1. Раскрыть понятие и сущность защитных механизмов психики и копинг-стратегий;
2. Выявить условия развития копинг-стратегий;
3. Выделить факторы профессиональной деятельности сотрудников психоневрологических интернатов, влияющих на копинг-стратегии;
4. Описать особенности копинг-стратегий и защитных механизмов сотрудников психоневрологических интернатов.

Гипотезы:

1. Медицинские работники с выраженной агрессией в стрессовой ситуации используют такие защитные механизмы, как гиперкомпенсация и регрессия.
2. Медицинские работники с выраженной агрессией в стрессовой ситуации используют такую копинг-стратегию, как конфронтация.

Методы, организация исследования. Применялись: теоретические методы анализа данных (изучение и анализ научно-психологической

литературы, монографий и периодики); эмпирические методы (Опросник Плутчика–Келлермана–Конте (Методика Индекс жизненного стиля); Опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса; Опросник Басса–Перри); количественный и статистический методы анализа данных.

Характеристика выборки исследования. Исследование проводилось на базах ГБУ Психоневрологический интернат № 23, ГБУ Психоневрологический интернат № 22, Психоневрологический интернат № 25. Общая выборка испытуемых составила 50 человек – медицинские сестры в возрастном диапазоне 30-50 лет.

Анализ литературы показал, что в стрессовой ситуации у медицинских работников более выражена копинг-стратегия «положительная переоценка» и «дистанцирование». Медицинские работники используют малопродуктивные варианты копинг-поведения. Более конструктивными вариантами копинга отличаются врачи по сравнению со средним медицинским персоналом (Домрачева Е.И., 2016).

При этом средний медицинский персонал чаще и более интенсивно взаимодействует с проживающими, испытывая больший стресс, чем врачи. «Находясь на переднем фронте работы с пациентами, затрачивая значительные эмоциональные ресурсы, не запрашивая социальной поддержки, они фактически лишают сами себя источника восполнения, самовосстановления» (Виноградов С.В., 2012).

Результаты исследования. Полученные нами результаты по критерию корреляции Спирмена отражают связь между защитными механизмами и выраженной агрессией. По ним можно судить о том, что существует прямая достоверная взаимосвязь между выбором защитного механизма и выраженной агрессией. В частности, такие механизмы, как «Гиперкомпенсация» с коэффициентом корреляции 0,603, «Регрессия» с коэффициентом корреляции 0,654 и «Замещение» с коэффициентом корреляции 0,550, значимо связаны на уровне $p \leq 0,01$.

Нами выявлена прямая значимая достоверная связь между копинг-стратегией «Конфронтация» и выраженной агрессией: коэффициент корреляции 0,597 на уровне значимости $p \leq 0,01$. Также существует прямая достоверная связь между копинг-стратегиями «Дистанцирование» и «Поиск социальной поддержки» и выраженной агрессией – коэффициенты корреляции соответственно 0,253 и 0,309 ($p \leq 0,05$). С другими копинг-стратегиями связь слабая.

Выводы. Две выявленные копинг-стратегии у сотрудников, склонных к агрессивному поведению, являются малопродуктивными. Это может быть связано с тем, что для подобной работы характерны частые эмоциональные перегрузки, тяжелые условия труда, конфликты с получателями социальных услуг и коллегами, эмоциональное выгорание наступает быстро.

Самой часто встречающейся копинг-стратегией является «Конфронтация». Если эта стратегия ярко выражена, то у специалиста может наблюдаться импульсивность, необдуманные поступки, враждебность. Теряется целенаправленность действий, в фокусе оказывается эмоциональная разрядка. При умеренном проявлении конфронтации сотруднику копинг-стратегия обеспечивает энергичность, предприимчивость, ему легче справляться с трудными ситуациями, выражено умение отстаивать свои интересы, может справиться с тревогой в стрессовых ситуациях. У медицинских работников также обнаруживается копинг дистанцирования, то есть сознательное психологическое отдаление от проблемной ситуации и преуменьшение ее значения. Данная стратегия может быть эффективна при работе со сложными пациентами и их родственниками, в конфликтах с руководством. Стратегия «Поиск социальной поддержки» проявляется в стремлении сотрудника решить свою проблему с помощью внешних ресурсов. Для такой копинг-стратегии характерны поиск сочувствия, потребность во взаимодействии с другими людьми, ожидание внимания, поддержки и совета. Плюсы заключаются в возможности привлечения дополнительных сил к решению проблем, минусы – в перекладывании ответственности на окружающих и представление себя как слабого человека.

Среди защитных механизмов, связанных с склонностью к агрессивному поведению, оказались «Гиперкомпенсация», «Регрессия» и «Замещение». При замещении специалист переносит свою реакцию с недостижимого объекта на доступный. При таком выраженном механизме агрессия и негативные эмоции могут быть направлены на тех людей, на которых их можно перенаправить. При слабой выраженности эта защита помогает распределить, перенаправить чувства в безопасное русло, тем самым помогая человеку. При гиперкомпенсации имеет место утрированное проявление качества, вызывающего чувство неполноценности и позволяющее превозноситься над другими. При этом механизме специалист стремится выразить себя через других, это может заключаться в агрессивном поведении, неуважении окружающих. Характерен эгоцентризм и высокомерное поведение. Гиперкомпенсация не дает личности развиваться и расти. При регрессии сотрудник приспосабливается к конфликтной или тревожной ситуации, прибегая к ранним, но менее зрелым моделям поведения. Все проблемы стремится решить наиболее легким путем.

Сопровождается часто инфантилизацией личности, примитивизацией поведения.

Подводя итог, можно сказать о том, что значимость представленной работы заключается в возможности применять результаты исследования для профилактики и коррекции эмоционального выгорания медицинских работников психоневрологических интернатов через консультационную и тренинговую работу. Результаты исследования позволят сохранить психологическое здоровье и благополучие сотрудников медицинской сферы, сталкивающихся в своей работе с регулярными стрессами.

Литература

1. Виноградов С.В. Сестринское дело в психиатрии и состояние психиатрической службы: актуальные вопросы и пути решения. // Материалы всеросс. форума мед. сестер «Будущее профессии создадим вместе: открытость, доступность, информированность» 11-13 октября 2012 г. – СПб., 2012. – С.163-166.
2. Домрачева Е.И. Особенности копинг-стратегий у медицинских работников // Педагогика и психология в XXI веке: современное состояние и тенденции исследования. Сборник материалов III Всероссийской (заочной) научно-практической конференции с международным участием. – 2016. – Киров, 2015. – С. 277-283.

Структура темперамента у лиц, проходящих психофизиологическое исследование с применением полиграфа

Никитин В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Сафуанов Ф.С.

В настоящее время психофизиологическое исследование с применением полиграфа (далее – ПФИ) широко применяется во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе в правоохранительных органах.

На современном этапе существует ряд теоретических обоснований, с различной степенью успешности объясняющих возникновение реакций в ходе ПФИ. Несмотря на широкую практику применения данного метода, существуют еще множество проблем и невыясненных моментов теоретических основ ПФИ

(Холодный Ю.И., 2000; Оглоблин С.И., Молчанов А.Ю., 2004; Варламов В.А., 2004; Журин С.И., 2004; Алексеев Л.Г., 2011).

В настоящее время имеются ряд исследований по изучению взаимосвязей индивидуальных особенностей с психофизиологическими реакциями, полученными в ходе ПФИ (Евсеева О.Е., Николаев А.Ю., 2020), (Попов С.А., Щербакова Е.Е., Родина Н.А., 2017). Актуальной задачей является исследование в ходе ПФИ взаимосвязей физиологических процессов, происходящих на уровне вегетативной нервной системы, с темпераментом человека и его характеристиками: энергетическими (выносливость), динамическими (скорость интеграции акта – мобильность, темп), а также эмоциональностью.

Целью исследования являлось выявление взаимосвязи между особенностями физиологического реагирования при ПФИ и темперамента при помощи опросника структуры темперамента В.М. Русалова.

Задачи исследования: определить темперамент участвующих в исследовании лиц с точки зрения концепции диагностики свойств «предметно-деятельностного» и «коммуникативных» аспектов темперамента, разработанной В.М. Русаловым; зафиксировать психофизиологические показатели участвующих в обследовании лиц с применением полиграфа; проанализировать взаимосвязь особенностей психофизиологического реагирования с выявленными темпераментами.

В исследовании приняли участие кандидаты, поступающие на службу в систему СК РФ (50 чел.) и обвиняемые по расследуемым уголовным делам (50 чел.), в возрасте от 18 до 65 лет. Тестирование на полиграфе проводилось с использованием компьютерного полиграфа модели «Диана» с программным обеспечением «Диана. Версия 6.2». В ходе исследования применялись следующие методы статистического анализа: метод ранговой корреляции Спирмена; U-критерий Манна –Уитни.

По результатам проведенного статистического анализа получены следующие результаты: физиологические показатели, полученные в ходе ПФИ, взаимосвязаны со шкалами структуры темперамента опросника В.М. Русалова (наблюдается прямая и обратная зависимость); наблюдается загруженность определенных шкал опросника структуры темперамента физиологическими показателями, а также несхожая взаимосвязь между исследуемыми группами (кадровые проверки и проверки по уголовным делам). Исходя из полученных результатов, можно предположить, что у лиц с одинаковыми индивидуальными характеристиками личности в ходе прохождения ПФИ будут наблюдаться идентичные значимые психофизиологические реакции. Также установлены значимые различия между исследуемыми группами. По семи из девяти показателей между участниками уголовного процесса и кадровыми

обследуемыми существует значимые различия, разницы нет только между шкалами социальной пластичности и контрольной шкалой. Можно полагать, что отсутствие существенных различий в социальной пластичности между группами связано с тем, что лица, проходящие ПФИ, готовы к легкому переключению в процессе общения, легко вступают в социальный контакт. Имеются существенные различия в шкалах «пластичность», «темп или скорость», «социальный темп», «эмоциональность», «социальная эмоциональность». Кадровые обследуемые более пластичны, у них высокий темп поведения, высокая скорость выполнения операций при осуществлении предметной деятельности, моторно-двигательная, речедвигательная быстрота, и т.д., нежели у участников уголовного процесса.

В то же время между группами имеются различия в шкалах «эмоциональность» и «социальная эмоциональность». Участники уголовного процесса больше ощущают неуверенность, тревогу, неполноценность, чувствительность к неудачам, к несовпадению между задуманным, ожидаемым, планируемым и результатами реального действия, высокая эмоциональность в коммуникативной сфере, высокая чувствительность к неудачам в общении, нежели кадровые респонденты.

Исходя из полученных результатов, можно предположить, что ПФИ – это тоже своего рода поведенческий акт, совмещающий в себе процедуру исследования (беседа, тестирование), а также мотивацию (желание пройти тестирование). В связи с этим процедуру ПФИ можно рассматривать с точки зрения теории функциональных систем П.К. Анохина. Доминирующей функциональной системой в данном случае будет являться возможность благоприятного прохождения тестирования на полиграфе, а систематизирующим фактором поведения обследуемого является планируемый положительный для него результат.

Мотивационным возбуждением (потребность) в данном случае является желание пройти полиграфное тестирование. При этом мотивация сопровождается эмоциональной окраской, которая влияет на ПФИ в целом. Эта потребность удовлетворяется в том случае, если ее сила преобладает над другими потребностями. Это сопровождается извлечением из памяти значимой информации. Опыт, сохраненный в памяти, дает обследуемому преимущество, так как для организации ПФИ большое значение имеют ранее приобретённые и отточенные навыки человека. Кроме того, на поведение обследуемого оказывает влияние информация о внешней среде, поступающая в мозг в процессе прохождения исследования.

Совокупность мотивации, эмоционального состояния и настроения, наличие информации и жизненного опыта создает у обследуемого определенную

установку на достижение результата, который был им запланирован. В данном случае большую роль играет полиграфолог, советы которого дают обследуемому возможность правильно выполнить определенную последовательность действий и сформулировать установку на достижение положительного результата. Таким образом мы перешли к стадии принятия решения, на которой происходит формирование акцептора будущего результата, состоящего из представлений о предполагаемом результате и физиологических параметрах, которые необходимы для его достижения и тех, которые имеются у обследуемого.

Следующий этап, собственно, – сам уже сформировавшийся акцептор действия. На этом этапе во время процедуры тестирования происходит сравнение предполагаемого (желаемого) результата и результата, имеющегося на данный момент. На этом этапе происходит эмоциональная оценка. Если результаты совпадают, то эта оценка имеет положительный характер. Если же не совпадают и реальные результаты отличаются, то отрицательный. Оценка должна заставить полиграфолога проанализировать процесс тестирования и по возможно откорректировать его.

Результаты эксперимента могут свидетельствовать о том, что показания параметров важны для определения функционального состояния, а, соответственно, и функциональных систем человека в данный момент времени.

Резюмируя сказанное, хотелось бы отметить, что в ходе ПФИ функциональные системы обследуемого зависят от его функционального состояния и при его изменении тоже меняются.

Исходя из полученных результатов, необходимо подчеркнуть, что в работе полиграфолога также имеют большое практическое значение предметно-деятельностные и коммуникативные аспекты структуры темперамента.

По нашему мнению, в дальнейшем перспективным является исследование особенностей динамики психофизиологических процессов, которые управляют поведением человека, определяющих его организованность, направленность, устойчивость и активность.

Литература

1. Евсева О.Е., Николаев А.Ю. Выявление скрываемой информации у акцентуированных личностей как проблема прикладной психофизиологии // Психология и право. – 2020. – Том 10. №1. – С. 73-83.
2. Попов С.А., Щербакова Е.Е., Родина Н.А. Физиологические корреляты психотипов // Международный научный журнал «Вестник психофизиологии». – 2017. – №2. – С. 92.

3. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. Дифференциально-психофизиологические и психологические исследования: монография – М., 2012. – 528 с.

**Особенности эмоционального выгорания у военнослужащих
с разным стажем военной службы**

Пихута П. Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Щеткина Е. И.

Эмоциональное выгорание – это отдельный синдром, связанный с накоплением хронического стресса (Rioli L., 2014). В соответствии с результатами исследования, проведенного американским институтом общественного мнения Gallup, 76% работников когда-либо были подвержены выгоранию, из них 28% утверждают, что испытывают выгорание очень часто, а некоторые постоянно (Wigert B., 2020). В 2019 году эмоциональное выгорание вошло в международную классификацию болезней МКБ-11, где определяется как синдром, признаваемый результатом хронического стресса на рабочем месте.

К. Маслач выделяет три основных симптома эмоционального выгорания: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личностных достижений (Водопьянова Н.Е., 2008). Она определяет выгорание как синдром, который вызван продолжительной ответной реакцией на хронические эмоциональные и межличностные стрессовые факторы в профессиональной среде. В. В. Бойко в свою очередь называет выгоранием механизм психологической защиты, который проявляется в частичном или полном дистанцировании от эмоционального реагирования на психотравмирующее воздействие (Водопьянова Н.Е., 2008). В.В. Бойко, как и К. Маслач, делит выгорание на три компонента: фаза “Напряжение”, фаза “Резистенции” и фаза “Истощение”.

В нашей работе рассматривались особенности эмоционального выгорания у военнослужащих. К особенностям их профессиональной деятельности можно отнести: высокий уровень ответственности, достаточно жесткие условия осуществления своей деятельности, а также повышенный уровень напряжения. Военнослужащие имеют свой специфический режим работы, который влияет на постоянство среды и таким образом усиливает риск стресса и может подорвать физическое здоровье. Также служба в определенных местах может быть связана с риском и непосредственной опасностью смерти, что держит военнослужащего в состоянии постоянной готовности и требует сильной концентрации и внимания.

Часто военнослужащие сталкиваются с ограничениями, которые могут касаться как выбора дальнейшей деятельности, так и особенностей персональной жизни служащего, например, наличие подписки о невыезде (Байтмирова А.А., Коноплева И.Н., 2020).

Таким образом, можно наблюдать как ограничения и иные отягчающие обстоятельства могут усиливать риск проявления синдрома эмоционального выгорания у военнослужащих. М. Е. Зеленова и А. В. Захаров пишут, что связь выгорания и стажа службы неоднозначна, так как есть ряд факторов, которые могут влиять как на увеличение степени выгорания, так и наоборот (Зеленова М.Е., Захаров А.В., 2014). Нами было проведено исследование с целью выявления связи эмоционального выгорания со стажем военной службы.

Целью исследования является изучение и выявление особенностей эмоционального выгорания у военнослужащих с разным стажем военной службы.

Объектом исследования является эмоциональная сфера, а **предметом** – особенности эмоционального выгорания.

Задачами являются:

1. Исследовать особенности эмоциональной сферы военнослужащих
2. Выявить статистически значимые различия между уровнями и структурными компонентами эмоционального выгорания у военнослужащих с разным стажем военной службы

Гипотезой исследования является предположение о том, что эмоциональное выгорание военнослужащих связано со стажем военной службы.

В выборку вошли слушатели и служащие Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая ордена Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации», а также слушатели Военного университета. Всего в опросе приняли участие 42 человека, из которых 8 женщин и 34 мужчины в возрасте от 20 до 42 лет. Стаж службы испытуемых варьируется от 3,5 лет до 25 лет. Выборка представлена группой со стажем от 3,5 до 11 лет службы, группой со стажем от 15 до 18 лет и группой со стажем от 19 до 25 лет.

Исследование осуществлялось с помощью теоретических, эмпирических и статистических методов.

Были использованы следующие методики:

1. Диагностика уровня эмоционального выгорания В. В. Бойко.
2. Профессиональное выгорание К. Маслач (в адаптации Н.Е. Водопьяновой, вариант для служащих).
3. Определение нервно-психического напряжения Т. Немчин.
4. Определение психического выгорания А. А. Рукавишников.

Сбор данных был осуществлен через гугл-формы, а также через очное заполнение анкет.

По результатам проведения методики В.В. Бойко можно говорить о том, что фаза “Резистенция” и фаза “Истощение” находятся на стадии формирования, при том что у группы с меньшим стажем проявление симптомов более явные, чем у группы с большим стажем ($p < 0,05$).

Если же обратиться к результатам методики К. Маслач, то можно говорить о том, что у всей выборки средний уровень эмоционального выгорания, а также все симптомы, т.е. эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений, находятся на среднем уровне, однако у военнослужащих с меньшим стажем, также как по результатам предыдущей методики, в большей степени проявляются все симптомы, чем у военнослужащих с меньшим стажем службы ($p < 0,05$).

По результатам методики “Определение психического выгорания” А.А. Рукавишникова наблюдаются средние результаты по шкале “Психоэмоциональное истощение” и “Личностное отдаление”, а по шкале “Профессиональная мотивация” значения крайне высокие. Важно также отметить, что у служащих с большим стажем значения ниже, чем у служащих с маленьким стажем ($p < 0,05$).

После применения коэффициента корреляции Спирмена были выявлены значимые связи между шкалами. Необходимо отметить особенности связи некоторых шкал, а именно шкалы “Редукция личностных достижений” с фазами “Напряжение”, “Резистенция” и “Истощение” методики В.В. Бойко, а также с нервно-психическим напряжением Т. Немчина и психоэмоциональным истощением К. Маслач ($r < 0,05$). Между этими шкалами была обнаружена обратная связь.

Таким образом, в среднем у всей выборки средний уровень эмоционального выгорания, однако у военнослужащих с меньшим сроком службы оно проявляется в большей степени, чем у военнослужащих с большим стажем службы. То же самое можно говорить и о проявлениях симптомов эмоционального выгорания. Важно отметить также то, что у всей выборки наблюдается высокий уровень значений по шкале “Профессиональная мотивация”, что может говорить о пониженном стремлении к выполнению своих профессиональных обязанностей качественно, потере интереса к работе, сомнениях в своей компетенции и в целом отрицательном восприятии своей деятельности.

Также была обнаружена обратная связь шкалы “Редукция личностных достижений” с другими шкалами, т.е. с повышением редукции личностных достижений понижается напряжение, психоэмоциональное истощение и резистенция. Такая специфическая взаимосвязь, а также тот факт, что все симптомы выгорания проявляются в большей степени у служащих с меньшим стажем, являются основаниями для того, чтобы в дальнейшем исследовать этот вопрос и

причины того, почему результаты оказались такими, и какие еще факторы могут оказывать влияние.

Литература

1. Байтимилова А.А., Коноплева И.Н. Особенности эмоционального выгорания у офицеров силовых структур с различным сроком службы [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. – Том 10. № 4. – С. 2–17. doi:10.17759/psylaw.2020100401
2. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания диагностика и профилактика. 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 336 с.
3. Зеленова М.Е., Захаров А.В. Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих // Социальная психология и общество. – 2014. Том 5. № 2. – С. 50–70.
4. Rioli L., & Savicki V. Environmentally Initiated, Self-Confirming Alienation in the Workplace. Open Journal of Depression, 2014, 164-171. <http://dx.doi.org/10.4236/ojd.2014.34020>
5. Wigert B. Employee Burnout: The Biggest Myth. Workplace Management, at Gallup, 2020. URL: <https://www.gallup.com/workplace/288539/employee-burnout-biggest-myth.aspx>

Рефлексивность и отношение к нравственным нормам при оценке нормативных ситуаций

Хвалева А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И.Н.

Современное состояние нормотворческой деятельности законодательных и исполнительных органов государственной власти в России имеет устойчивую тенденцию к ежегодному увеличению числа нормативно-правовых актов (НПА). К примеру, динамика законотворческого процесса Государственной Думы РФ следующая: за период с 2004 по 2007 гг. включительно (4-й созыв) принято 1087 законов; с 2008 по 2011 гг. включительно (5-й созыв) – 1608 законов; с 2012 по 2016 гг. включительно (6-й созыв) – 2200 законов. Государственной Думой РФ действующего 7-го созыва – 2309 законов (Государственная Дума РФ. Официальный сайт). Тематика принимаемых законов широка настолько, насколько широк перечень существующих отраслей знаний. Количество

нормативных актов, принимаемых федеральными органами исполнительной власти, в разы больше.

При этом разработчики проектов нормативно-правовых актов, а также законодательные и исполнительные органы, их принимающие, не просчитывают возможные негативные последствия влияния законов и подзаконных актов на психологию личности, не учитывают, что общество зачастую не подготовлено к предлагаемым ему законодательным новеллам. Эти требования обусловлены необходимостью не только усиления и соблюдения правовых и психологических принципов в процессе законотворчества, но и необходимостью привлечения специалистов различных отраслей знаний к законопроектной работе. Эта идея в юриспруденции отстаивается на протяжении уже многих лет.

Основанием для нашего исследования стали работы И.А. Кибака, Н.Н. Черногора, М.В. Залоило и М.Е. Литвака. Они рассматривали в своих работах важность привлечения психолога к экспертизам нормотворчества. Понятия рефлексивности и нравственных норм были изучены в работах А.В. Карпова, В. Франкла, Д.А. Леонтьева. Про нормативные ситуации в своих работах говорили Э.В. Ильенков и Н.Е. Веракса.

Цель исследования: изучить рефлексивность и отношение к нравственным нормам при оценке нормативных ситуаций.

Объект нашего исследования – оценка нормативных ситуаций; предмет – рефлексивность и отношение к нравственным нормам при оценке нормативных ситуаций.

Нашими задачами является анализ нормотворческого процесса; источников, в которых уже поднимался вопрос об участии психологов в экспертизе; изучение и систематизация данных о рефлексивности и отношении к соблюдению нравственных норм законодателями.

Мы предположили, что:

1. Психологи обладают большей рефлексивностью, в отличие от юристов и депутатов.

2. Психологи обладают более высоким отношением к соблюдению нравственных норм, в отличие от юристов и депутатов.

Полагаем, что рефлексивность и соблюдение нравственных норм позволяют повысить жизнеотзывчивость законопроектов, их соответствие человеческой природе, в связи с чем целесообразно привлечение специалистов-психологов к научной экспертизе проектов правовых норм. Право создается обществом и служит его интересам, оно исходит из рефлексии и развивается

вместе с ней. Нравственные нормы имеют тенденцию к изменению, а право – это малая часть нравственности, следовательно, оно тоже должно меняться.

Выборка исследования: для проверки нашей гипотезы мы провели исследование, в котором приняли участие 90 человек – 30 юристов, 30 психологов (участники обеих групп не имели отношения к депутатской деятельности) и 30 депутатов.

Методы и методики исследования.

Теоретический анализ литературы и соответствующих норм для большего понимания нынешнего положения экспертизы, структуры, механизмов и функционирования. Проведение опроса с использованием ситуаций (взятых из реальных дел), а также двух методик: методика диагностики уровня развития рефлексивности А.В. Карпова и экспресс-методика «Отношение к соблюдению нравственных норм» А. Б. Купрейченко. Созданный нами опрос по кейсам.

После проведенного исследования, включающего анализ результатов опроса, подготовленного нами по нормативным ситуациям, а также двух методик, направленных на изучение уровня рефлексивности и отношения к соблюдению нравственных норм, было установлено:

1. Психологам легче принимать какие-то новшества, они с удовольствием пробуют себя в новых ролях, менее консервативны. Быстрее и проще прогнозируют последствия и реакцию людей. Они выдают значительное количество идей. Юристы оказались более консервативными, депутаты «занятыми».
2. Уровень рефлексивности у большинства представителей трех групп на среднем уровне, значимых различий нет. Что дает основания отклонить первую гипотезу. Но основания для неучастия в экспертизе оно за собой не влечет. Так как одинаковые результаты – это тоже результаты, и подтверждение того, что все три группы могли бы сработаться.
3. По шкале терпимость психологи лидируют. Как следует из названия шкалы, они более терпимы к чужому мнению, особенностям и к слабостям других. Депутаты заняли нишу как средние по терпимости, а юристы как самая нетерпимая группа.
4. По шкале принципиальность психологи имеют высокие показатели по среднему уровню, они здесь более гибкие. Юристы имеют ниже показатели по среднему уровню, но больший показатель по высокому, это говорит о том, что они более принципиальные в отличии от других групп. Эта группа высока по требовательности к себе и другим независимо от обстоятельств. Депутаты

получили показатели самой непринципиальной группы, могут подчиняться авторитету, даже если уверены в своей правоте.

5. По шкале справедливости снова являются лидерами психологи, они принимают решения с точки зрения равенства прав, а не с точки зрения законности правдивости, реже ставят свои интересы выше других. Юристы здесь получили низкие показатели, чаще уходят в пассивную сторону перед авторитетом, силой, законом. Среди депутатов средние значения по этим показателям.
6. По шкале правдивости можно увидеть, что у всех групп показатели средние и высокие (с небольшим отрывом лидируют психологи). Для них всех сложнее солгать или совершить нечестный поступок ради других.
7. По шкале ответственности также у всех трех групп очень маленькие показатели по низкому уровню. Для всех групп больше свойственно принимать ответственность за дело и за других людей, всегда готовы протянуть руку помощи. По этой шкале лидируют депутаты.
8. Так как по шкалам терпимость, справедливость и правдивость психологи получили большие баллы, чем юристы, по оставшимся шкалам баллы одинаковы, а по шкалам терпимости и принципиальности выше, чем депутаты (и по двум шкалам еще одинаковые результаты), можно сказать что по этим шкалам у психологов отношение к соблюдению нравственных норм выше, а, следовательно, вторая гипотеза подтверждается.

Роль психологов может быть значительнее, если бы экспертиза носила комплексный характер. Вместе специалисты разных областей имеют возможность повысить качество проводимых экспертиз НПА.

Литература

1. Государственная Дума РФ. Официальный сайт // URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=convocation&c=7> (дата обращения: 10.04.2021).

Особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов-психологов

Шаповалова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Куприянова Е.А.

Навыки понимания своих эмоций и развитый контроль над ними, способность сохранять эффективность при фрустрирующих ситуациях и в состоянии утомления – все это входит в перечень профессионально важных качеств юридического психолога (Лаврешкин Н.В., 2017) и отражает содержание понятий эмоционального интеллекта и копинг-стратегий, что подтверждает актуальность исследования данных компонентов у будущих психологов.

Целью нашего исследования является выявление особенностей эмоционального интеллекта и копинг-стратегий у студентов-психологов.

Для оценки полученных результатов были выдвинуты следующие гипотезы:

1. У студентов-психологов четвертого курса преобладает более высокий уровень эмоционального интеллекта, чем у студентов-психологов первого курса;
2. Чем выше уровень эмоционального интеллекта, тем больше использование продуктивных копинг-стратегий.

В качестве объекта в данной работе выступают эмоциональный интеллект и копинг-стратегии. Предметом являются особенности эмоционального интеллекта и копинг-стратегий студентов-психологов.

Выборка: 44 человека, среди них студенты-психологи первого курса – 24 девушки; студенты-психологи четвертого курса – 20 человек, среди которых 16 девушек и 4 юноши. Средний возраст 18,1 и 21,4 соответственно.

База исследования: МГППУ, факультет Юридической психологии.

В данном исследовании мы использовали тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина и опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса, а также методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Полученные данные показали, что студенты 1 курса предпочитают использовать копинг-стратегии «бегство-избегание», «конфронтация» и «положительная переоценка». У студентов 4 курса преобладают «конфронтация», «бегство-избегание» и «поиск социальной поддержки».

У студентов-психологов 1 курса выявлен средний уровень развития эмоционального интеллекта по всем шкалам. У студентов-психологов 4 курса наблюдается: средний уровень развития межличностного эмоционального интеллекта и способности понимать эмоции; незначительно ниже среднего уровень развития внутриличностного эмоционального интеллекта и способности управлять эмоциями.

Проведя анализ полученных результатов с помощью расчета U-критерия Манна-Уитни, значимых различий между результатами 1 и 4 курсов по

опроснику Р. Лазаруса и тесту Д.В. Люсина выявлено не было – выборки равнозначны.

Анализ данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал следующее:

1. Чем у студентов-психологов выше показатели по субшкалам эмоционального интеллекта «понимание своих эмоций», «управление своими эмоциями», «контроль экспрессии» и шкалам «внутриличностный эмоциональный интеллект», «управление эмоциями» и «общий уровень эмоционального интеллекта», тем они реже прибегают к непродуктивной копинг-стратегии «бегство-избегание» и продуктивному копингу «принятие ответственности». Помимо этого, чем выше результат по субшкале «понимание эмоций», тем реже использование непродуктивного копинга «бегство-избегание».

Можно предположить, что наличие обратной связи между некоторыми шкалами эмоционального интеллекта и продуктивной копинг-стратегией «принятие ответственности», обусловлено содержанием и характером высказываний, которые в опроснике Р. Лазаруса относятся к данному копингу. Например, два из четырех звучат следующим образом: «критиковал и укорял себя», «давал обещание, что в следующий раз все будет по-другому». Возможно, студенты относили эти высказывания к чрезмерной и деструктивной самокритике, нежели к признанию своей роли в возникновении проблемы.

2. Чем у студентов-психологов выше показатели по субшкалам эмоционального интеллекта «понимание своих эмоций», «контроль экспрессии» и шкале «внутриличностный эмоциональный интеллект», тем они чаще используют продуктивную копинг-стратегию «планирование решения проблемы»;
3. Чем у студентов-психологов выше показатели по шкале «межличностный эмоциональный интеллект», тем они чаще прибегают к продуктивному копингу «положительная переоценка»;
4. Чем у студентов-психологов с высоким уровнем эмоционального интеллекта выше показатели по субшкале «контроль экспрессии», тем они реже используют непродуктивный копинг «конфронтация»;
5. Чем у студентов-психологов с низким уровнем эмоционального интеллекта выше показатели по субшкале «понимание своих эмоций» и шкале «общий уровень эмоционального интеллекта», тем они реже используют непродуктивный копинг «дистанцирование».

Первая гипотеза нашего исследования не подтвердилась: различий в результатах эмоционального интеллекта у 1 и 4 курсов не выявлено.

Вторая же гипотеза подтвердилась частично: чем выше у студентов-психологов развит эмоциональный интеллект, тем чаще они используют продуктивные и реже непродуктивные копинг-стратегии.

Полученные эмпирические данные подтверждают актуальность нашего исследования и необходимость развития эмоционального интеллекта у студентов-психологов в период их обучения в высших учебных заведениях.

Литература

1. Дегтярев А.В., Дегтярева Д.И. Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношение в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 92–105. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88674.shtml> (дата обращения: 14.02.2021).
2. Лаврешкин Н.В. Групповой тренинг как метод развития профессионально важных качеств юридического психолога [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 1. С. 250–263. – URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n1/85447_full.shtml (дата обращения: 22.02.2021)
3. Маркер А.В., Хандархаев А.М. Особенности и взаимосвязь копинг-стратегий у студентов-психологов [Электронный ресурс] // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2017. – Том 20. – С. 32-38. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-vzaimosvyaz-koping-strategiy-u-studentov-psiologov/viewer> (дата обращения: 12.02.2021).

Особенности выбора стратегии поведения в конфликте и акцентуаций характера среди курсантов МВД

Щербакова Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Коноплева И.Н.

Актуальность выбранной темы обуславливается особенностями профессиональной деятельности сотрудников МВД, которые определяются наиболее трудным в социальном отношении контингентом, для которого характерно наличие асоциальных установок, неуправляемость, агрессивность, скрытый характер преступной деятельности. Именно поэтому изучение факторов, влияющих на выбор оптимальной стратегии поведения в конфликтной ситуации, является на данный момент актуальным.

Целью нашего исследования является изучение особенностей выбора стратегии поведения в конфликте и акцентуаций характера среди курсантов МВД. **Объектом** выступает поведение в конфликте, а **предметом** - стратегии поведения в конфликте и акцентуации характера среди курсантов МВД.

Выборка исследования: на первом этапе исследования была проведена диагностика студентов 2 и 5 курсов института МВД России. Все студенты обучаются по направлению “Правоохранительная деятельность”. Курсанты 5 года обучения прошли курсы психологической подготовки, студенты второго года – нет. Всего было обследовано 74 человека, студентов, обучающихся на втором курсе, – 45 человек, на пятом – 29. По результатам диагностики акцентуированности характера, была выделена основная группа студентов, имеющих акцентуацию/-ии характера (45 человек) и контрольная группа – студентов без акцентуации характера – 29 человек.

Методики и процедура исследования. В исследовании были использованы три методики, а именно – опросник Леонгарда-Шмишека, опросник «Самооценка конфликтности» С.М. Емельянова, опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса.

Данные методики были представлены респондентам в виде анкеты, сначала предлагалось указать свой пол, возраст, курс обучения, направление подготовки, далее респондент переходил к каждому опроснику.

Далее результаты исследования были обработаны с помощью Excel, программы IBM SPSS Statistics.

Результаты. Студенты 5 курса, имеющие выраженный тип акцентуации по эмотивному типу выбирают преимущественно адаптивную стратегию поведения. Людей, имеющих выраженную акцентуацию характера по эмотивному типу, отличает глубина переживаемых эмоций, сострадание другим людям, умение сопереживать. Данный тип акцентуации характера может в какой-то степени объяснить выбор адаптации/приспособления как ведущей стратегии, но, безусловно, должны быть и внешние факторы, влияющие на такой выбор. Это может быть определенная модель воспитания, прошлый опыт человека. Также стоит сказать, что такой выбор стратегии и наличия именно этой акцентуации чаще наблюдается у студентов 5 года обучения. Возможно, это обусловлено профессиональной подготовкой или предыдущим опытом выхода из конфликтных ситуаций.

Студенты второго курса, имеющие выраженную акцентуацию по неуравновешенному типу, преимущественно выбирают ведущей стратегию адаптации. Людей, имеющих выраженную акцентуацию по неуравновешенному типу, будет отличать наличие таких черт, как стойкость эмоциональных переживаний, необоснованность или спонтанность их возникновения, а также

подозрительность по отношению к другим людям, мстительность. Кроме того, им присуще стремление к достижению высоких результатов. Выбор адаптации как ведущей стратегии не очевиден для данного типа акцентуации, поэтому можно предположить в данном случае влияние средового фактора, такого, как, например, модель воспитания, а также прошлый опыт выхода из конфликтных ситуаций.

Студенты второго курса с выраженной акцентуацией по экзальтированному типу преимущественно выбирают ведущей стратегией адаптации. Выбор адаптации как ведущей стратегии у респондентов с экзальтированным типом акцентуации характера может быть обусловлен такими чертами личности при данном типе акцентуации, как очень яркое переживание эмоций. Люди с таким выраженным типом акцентуации намного ярче переживают, например, и радость, и гнев, и сострадание. Такие личностные особенности могут в какой-то части объяснить выбор адаптации как ведущей стратегии поведения, ведь сопереживание, защита интересов другого человека проявляются у таких респондентов более выражено.

Студенты, имеющие выраженную акцентуацию по возбудимому типу, преимущественно обладают высоким уровнем конфликтности. Курсантам с выраженным типом акцентуации по возбудимому типу свойственно иметь взрывной характер. Поведение чаще всего такое же взрывное и неуправляемое, импульсивное. Такой набор черт может в некоторой мере объяснять наличие высокого уровня конфликтности у респондентов с данным типом акцентуации.

Выбор стратегии избегания как ведущей характерен для студентов со средним уровнем конфликтности. Выбор стратегии избегания как ведущей говорит о том, что человек игнорирует конфликт, не хочет или боится его решать. Невысокий уровень конфликтности в данном случае говорит также о том, что человеку не свойственно инициировать конфликты,

Выбор стратегии компромисс как ведущей характерен для студентов со средним уровнем конфликтности. Средний уровень конфликтности говорит о стремлении человека либо решить конфликт, либо избежать его, но в меньшей степени инициировать. Выбор стратегии поведения компромисс подразумевает стремление человека удовлетворить интересы обеих сторон.

Выбор стратегии соперничество как ведущей характерен для студентов с высоким уровнем конфликтности. Соперничество как стратегия поведения в конфликте предполагает тенденцию ориентироваться на собственные интересы и цели, а также достигать их любой ценой, чаще всего игнорируя при этом интересы другой стороны. Поэтому выбор данной стратегии можно в какой-то степени объяснить высоким уровнем конфликтности личности.

Кроме того, можно предположить, что, имея акцентуацию характера по возбудимому типу, респондент будет обладать с большей вероятностью высоким уровнем конфликтности, а следовательно чаще выбирать ведущей стратегию сопротивления. Не стоит забывать и о внешних факторах, которые могут влиять на выбор респондента.

Выводы. По результатам исследования гипотезы подтвердились частично. Согласно первой гипотезе, подтвердилось то, что для респондента с выраженным типом акцентуации по возбудимому типу будет характерно иметь высокую конфликтность, а, следовательно, выбирать чаще ведущей стратегию соперничества, а для студентов с выраженной акцентуацией по эмотивному типу будет более свойственно выбирать стратегию адаптации. Вторая гипотеза не подтвердилась, т.е. не было подтверждено, что студенты 5 курса будут реже выбирать такие стратегии поведения, как соперничество, адаптация и избегание. Подтвердилась гипотеза о том, что, обладая высоким уровнем конфликтности, респонденты будут чаще выбирать стратегию поведения соперничество.

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Оценка мотивации социальной желательности при исследовании установочного поведения у лиц с зависимостью от ПАВ

Бек А.В.

Наркологический центр «Клиника Маршака» (г. Москва)

Научный руководитель – Булыгина В.Г.

Для лиц с зависимостью от ПАВ характерны различные варианты установочного поведения (Зенцова Н.И., Федорова С.С., 2013; Деменко Е.Г. и др., 2018; Рассказова Е.И., 2019), которые зачастую выступают на первый план при решении психодиагностических и реабилитационных задач в отношении них (Матанова В. и др., 2014; Сафуанов Ф.С., 2018). На характер и выраженность установочного поведения помимо личностных особенностей (Деменко, Е.Г. и др., 2018; Рассказова Е.И., 2019), оказывают влияние и ситуационные факторы, такие, как риски продления госпитализации или применения мер дисциплинирующего воздействия, отношение к специалисту и т. д. При самостоятельном обращении в медицинские учреждения у пациентов также отмечается установочное поведение.

Оценка установочного поведения, как правило, осуществляется с помощью таких психодиагностических инструментов, как: ММРІ, СМІЛ, ІТО, которые содержат проверочные шкалы, отражающие выраженность лжи, аггравации или неискренности (Собчик Л.Н., 2000). При этом, как само заболевание, так и лечебно-реабилитационные интервенции обуславливают изменения выраженности и характера установочного поведения. Оценка этой динамики является самостоятельной диагностической задачей в наркологической практике, необходимость решения которой определяет потребность в расширении диагностического инструментария.

В 2007 году на российской выборке был апробирован «Опросник социальной желательности VIDR» (Paulhus, 1988 в адаптации Е.Н. Осина, 2007). Данная методика предназначена для оценки влияния мотивации социальной желательности ответов при психологическом дистрессе. Опросник состоит из 60 утверждений и включает три шкалы: «Самообман», «Управление впечатлениями», «Защитное отрицание».

Для обоснования адекватности и проверки эффективности применения опросника в диагностической и реабилитационной практике было проведено

соотнесение шкал опросника VIDR с проверочными шкалами опросника СМИЛ-375. Критериями констатации установочного поведения в данном исследовании были следующие: приверженность лечению, признание пациентом своей болезни, самостоятельное обращение за помощью в лечебное учреждение, сотрудничество с медперсоналом, ориентированность на результат лечения.

Выборку составили 47 стационарных пациентов наркологической клиники в возрасте от 35 до 65 лет, имеющих зависимость от ПАВ и алкоголя, которые были разделены на две группы. В первую группу входили 18 пациентов (13 мужчин и 5 женщин, средний возраст которых +47 лет), самостоятельно инициировавшие госпитализацию, заинтересованные в лечебных процедурах и мероприятиях, сотрудничающие с медперсоналом. Во вторую группу вошло 29 пациентов (19 мужчин и 10 женщин, средний возраст которых +39 лет), госпитализацию которых инициировали родственники или третьи лица. Эти пациенты в ходе лечения не были ориентированы на сотрудничество с медперсоналом.

С каждым пациентом проводилось анкетирование и тестирование. Диагностический комплекс включал «Стандартизированный метод исследования личности» (СМИЛ-375, Психодиагностический комплекс «Люнисо», Л.Н. Собчик, 2020) и «Опросник социальной желательности VIDR» (Paulhus, 1988 в адаптации Е.Н. Осина, 2007). Соотносились значения проверочных шкал L, F, K и Индекса Уэлша (=F-K) методики СМИЛ-375 и значения шкал «Самообман», «Управление впечатлениями», «Защитное отрицание» методики VIDR. Статистическая обработка данных включала кластерный анализ методом k-средних, анализ таблиц сопряженности, t-критерий Стьюдента для независимых выборок, описательные статистики. Анализ эмпирических данных проводился в программных пакетах SPSS v.20 и Excel-2019.

С помощью кластерного анализа методом k-средних результатов методики VIDR было выделено две группы пациентов. Первая отличалась низкими баллами по методике VIDR и высокими показателями «защитного отрицания». Вторая – высокими значениями всех показателей VIDR и максимальными значениями по шкале «произведение впечатления».

Анализ таблиц сопряженности показал, что среди лиц (в первом кластере) с защитным отрицанием значимо большее число лиц с низкой приверженностью лечению, госпитализацию которых инициировали родственники. В кластере пациентов с выраженной установкой произведения впечатления значимо больше лиц, которые самостоятельно госпитализировались и отличались высокой приверженностью лечению.

Между лицами, вошедшими в выделенные кластеры, (с помощью t-критерия Стьюдента) было выявлено значимое различие по шкале L методики СМЛ-375 ($p=0,024$). Так среднее значение шкалы L (лжи) было выше в кластере с защитным отрицанием (50,14 и 43,1 T-баллов в 1-м и 2-м кластере соответственно), в этой же группе была выявлена тенденция к снижению по шкале K ($p=0,075$) (53,5 и 51,8 T-баллов в 1-м и 2-м кластере соответственно). Значимой разницы между группами с нормативным и повышенным значением Индекса Уэлша методики СМЛ-375 и по показателям методики VIDR обнаружено не было.

Таким образом, результаты методики VIDR соотносятся с результатами проверочных шкал методики СМЛ-375. Обнаружена связь между высокими баллами по шкале «защитное отрицание» методики VIDR и высоким значением шкалы «лжи», а также с тенденцией к понижению по шкале «коррекции». Предварительные результаты говорят об целесообразности дальнейшего изучения валидности методики VIDR для оценки установочного поведения у наркологических пациентов.

Литература

1. Зенцова Н.И., Федорова С.С. Склонность к манипулятивному поведению как одна из составляющих синдрома комплекса психологических нарушений при зависимостях от психоактивных веществ // Экспериментальная психология. – 2013. – Том 6. № 2. – С. 84–90.
2. Деменко Е.Г., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. и др. Психологическая диагностика факторов риска вовлечения подростков в употребление наркотических веществ: разработка методического комплекса часть 1. Структура шкал и психометрические характеристики // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2018. – № 3. – С. 32-39.
3. Матанова В., Куков К., Вырбанов С., Маринов П., Джорджанова А., Петрова А. Клинико-психологическая оценка и психологическая диагностика защитного поведения как проблема судебно-экспертной практики // Психология. Психофизиология. – 2014. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kliniko-psihologicheskaya-otsenka-i-psihologicheskaya-diagnostika-zaschitnogo-povedeniya-kak-problema-sudebno-ekspertnoy-praktiki> (дата обращения: 27.04.2021).
4. Рассказова Е. И. Латентные личностные профили при психических заболеваниях: анализ реструктурированных клинических шкал ММПИ-2 // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 2019. – № 1. – С. 52-60. doi: 10.31363/2313-7053-2019-1-52-60

5. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. — ИПП-ИСП, 2000. – 512 с.
6. Сафуанов Ф.С. Симуляция психического расстройства: социально-психологический аспект // Российский психиатрический журнал. –2018. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simulyatsiya-psihičeskogo-rasstroystva-sotsialno-psihiologičeskij-aspekt> (дата обращения: 26.04.2021).

Стандартизированная оценка интеллекта у детей, проживающих в детском доме-интернате для детей с умственной отсталостью

Куныкина К.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Русаковская О.А.

Дети являются наиболее уязвимой социальной группой, а дети, растущие вне семьи, являются наименее защищенными в социальном и психологическом плане. Отдельную группу среди таких детей составляют дети, являющиеся инвалидами вследствие психического расстройства или нарушения развития. В Российской Федерации есть две формы интернатных учреждений: в системе образования и в системе министерства труда и социальной защиты. К последним относятся детские дома-интернаты для детей с умственной отсталостью, где оказываются дети, которые по заключению психолого-медико-педагогической комиссии не способны к обучению по программе VIII вида.

Цель настоящего исследования, выполненного в 2021 году в рамках курсовой работы на факультете юридической психологии МГППУ, – оценить с формальной точки зрения адекватность образовательного маршрута детей и подростков, воспитывающихся в детских домах-интернатах для детей с умственной отсталостью.

В 2019 г. в рамках скринингового персонального осмотра детей, проживающих в ДДИ Красноярского края, 134 детям было рекомендовано углубленное обследование, уточнение диагноза и 88 детям смена образовательного маршрута (Русаковская О.А, Володенкова Е.А. с соавт., 2019). В продолжение этого осмотра специалистами Красноярского края с участием главного детского психиатра Е.А. Володенковой было обследовано 35 воспитанников от 7 до 17 лет: 26 юношей и 9 девушек. Из них 17 детей имели диагноз умеренная умственная отсталость без нарушений в поведении, 17 детей – умеренная умственная отсталость с нарушениями в поведении, 1 ребенок –

ранний детский аутизм на органически неблагоприятном фоне. Все испытуемые проходили диагностику с помощью теста интеллекта Д. Векслера. Согласно полученным результатам, у 15 детей (43%) показатель интеллекта был выше 69. Таким образом, при оценке стандартизированной методикой их уровень интеллектуального развития находится либо в пограничной зоне, либо относится к норме. В нашем конкретном случае это означает, что 15 детей из 35 не должны проживать в детском доме-интернате для детей с умственной отсталостью, поскольку, при таком серьезном диагнозе образовательный маршрут детей становится довольно скудным, это снижает потенциал их дальнейшего развития. Дополнительные занятия с различными специалистами (дефектологами, логопедами, тифлопедагогами, сурдопедагогами и т.д.), развитие социально-педагогической деятельности и перевод их в детские дома-интернаты для детей с нормальным развитием может в разы улучшить их интеллектуальные способности и качество жизни в целом.

В целом, средний показатель интеллекта в группе равен 69, минимальный – 50, максимальный – 98. Также в данной группе детей мы обнаружили, что невербальный интеллект выше вербального. Сниженный вербальный интеллект среди детей может быть связан с тем, что в детский дом-интернат для детей с умственной отсталостью попадают не только дети с умственной отсталостью, но и речевыми нарушениями вследствие расстройств аутистического спектра или различных нейропсихологических нарушений (дисграфия, дислексия и т.д.).

Литература

1. Кекелидзе З.И., Харитоновна Н.К., Русаковская О.А., Печенкина О.И. Сплошной персональный осмотр получателей стационарных социальных услуг: организация и оценка гражданско-правового статуса // Российский психиатрический журнал. – 2020. – № 6. – С. 13-20. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10602
2. Русаковская О.А., Володенкова Е.А. с соавт. Результаты сплошного осмотра детей, проживающих в ДДИ Красноярского края // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Будущее детей с особенностями психического развития» (г. Москва, 28-29 ноября 2019 года). [Электронный ресурс]. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2019. – С.222-225.

Психологические механизмы поведения родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, приводящего к нарушению прав и интересов ребёнка

Курганская Е.Г.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Бородина Л.Г.

Актуальность данного исследования связана с недостаточной разработанностью такого подхода к проблеме нарушения прав ребенка со стороны родителей, который учитывал бы психологические механизмы поведения родителей в ситуации воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Общая гипотеза: Психологические механизмы поведения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья, связанные с возможным нарушением прав ребенка, будут отличаться от психологических механизмов поведения родителей здоровых детей в звене представлений о ребенке в настоящем и будущем времени, в исследуемых группах будут отличаться защитные механизмы личности родителя и копинг-стратегии совладания со стрессом.

Объект: особенности поведения родителей детей с ограниченными возможностями здоровья.

Предмет: психологические механизмы поведения родителей детей с ОВЗ, возможно, приводящего к нарушению прав ребёнка.

Цель: выявление особенностей психологических механизмов поведения родителей детей с ОВЗ, возможно, приводящего к нарушению прав ребёнка.

Методы исследования:

- Психодиагностические методы: полустандартизированное интервью (анкета); методика СОРЕ (Расказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н., 2013); опросник Плутчика-Келлермана-Конте (Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б., 2005); метод субъективного шкалирования (частный семантический дифференциал).
- Статистико-математические методы обработки экспериментальных данных: описательная статистика, критерий Манна-Уитни, факторный анализ.

В исследовании приняли участие родители детей с РАС и родители здоровых детей. Испытуемые были объединены в две группы по критерию наличия инвалидности хотя бы у одного ребенка в семье.

Исследование проводилось в два этапа. В опросе первого этапа приняли участие 53 респондента: матери детей с РАС в возрасте от 25 до 56 лет. Во втором этапе участвовали матери детей с РАС – 32 человека, и матери здоровых детей – 26 человек.

Проведенный опрос родителей детей с РАС показал, что 93% родителей отвечали утвердительно хотя бы на один из вопросов о нарушении прав ребенка. Самое большое количество положительных ответов (более 70% родителей) касалось установления инвалидности: родители считали, что инвалидность приводит к стигматизации и ограничивает права ребенка. Около половины опрошенных родителей (44,8%) считали, что образовательные учреждения не готовы к обучению детей с РАС или отмечали, что их ребенку «было плохо» в ОУ. Также почти половина родителей, участвовавших в опросе, имели разногласия с ОУ по поводу программы обучения для своего ребенка. Таким образом, можно заключить, что нарушения прав ребенка–инвалида со стороны их родителей в данном исследовании было практически тотальным явлением. Предпосылками такого рода поведения родителей могли служить как психологические особенности личности, так и объективные условия лечения, обучения детей с ОВЗ, а также отношение общества к детям-инвалидам.

На втором этапе исследования был проведен анализ копинг-стратегий родителей детей с ОВЗ и здоровых детей, который показал, что ведущими стратегиями совладания со стрессом в обеих группах являлись планирование, активное совладание, позитивное переформулирование и личностный рост. Статистически значимые различия получены только по стратегии «принятие», которое больше выражено у родителей детей-инвалидов, но не является ведущей копинг-стратегией.

Таким образом, можно сделать вывод, что у родителей детей-инвалидов по сравнению с родителями здоровых детей не была снижена адаптивность процессов совладания со стрессом. При этом у родителей детей-инвалидов, нарушающих права ребенка, по сравнению с родителями детей-инвалидов, не нарушающих права, меньше ведущих стратегий совладания, но они носили более адаптивный характер для приспособления личности к ситуации хронического стресса.

Анализ защитных механизмов личности родителей детей-инвалидов в сравнении с родителями здоровых детей показал, что в обеих группах преобладало сочетание примитивной защиты «отрицание» и более зрелой защиты «интеллектуализация». При сравнении защитных механизмов у родителей детей-инвалидов, нарушающих права ребенка, и родителей, не нарушающих права своих детей, можно было говорить лишь о намечающихся тенденциях родителей, нарушающих права ребенка, иметь меньше защитных

механизмов, но более психологически зрелых, идентичных защитным механизмам родителей здоровых детей.

При исследовании представлений родителей, имеющих детей с ОВЗ, был сделан акцент на анализе искажений в представлениях о здоровом и больном ребенке. Были получены следующие отличия: родители детей с ОВЗ в своих представлениях о здоровых детях склонны к идеализации образа здорового ребенка. Представления родителей о своем ребенке с ОВЗ в настоящем времени по сравнению с представлениями о своем ребенке родителем здорового ребенка отличались меньшим учетом субъектности ребенка. Представления родителей о своем ребенке с ОВЗ в будущем времени, так же как представления о своем ребенке родителем здорового ребенка, статистически значимо чаще содержали характеристики, повышающие субъектность ребенка по сравнению с настоящим временем.

Изученные представления родителей из основной группы и группы сравнения о себе в детстве позволяют говорить о том, что родители детей с РАС выражено преувеличивают степень своей развитости в детстве по сравнению с родителями здоровых детей. Представления родителей детей с РАС и здоровых детей о себе во взрослом состоянии отличаются в сторону выраженной депрессивности первых.

Таким образом, нарушение прав ребенка-инвалида со стороны их родителей носило в нашем исследовании почти тотальный характер. Из проведенного на первом этапе опроса родителей следовало, что практически все родители не доверяли государственному здравоохранению и образованию, обесценивали положительные моменты, проецировали свои агрессивные чувства на специалистов, идеализировали альтернативные методы лечения и обучения. Было обнаружено, что у родителей детей-инвалидов проявляют свое действие примитивные защитные механизмы, в нашем исследовании в основном в виде отрицания, направленные против угрозы, воспринимаемой от реального положения вещей, хотя и катастрофизированной. В то же время работают и достаточно зрелые защитные механизмы, такие, как интеллектуализация, позволяющая родителям справляться со стрессовыми ситуациями. Искажение представлений, в частности, о здоровом ребенке и о себе в детстве, предположительно, также служат для того, чтобы родители могли приспособиться к сложной ситуации их жизни с ребенком-инвалидом, при этом представления родителей о своем ребенке становятся более объективными. Это позволяет родителю оправдывать свое отношение к ребенку и принимать решение вместо ребенка. Родители проецируют свои негативные переживания на ребенка и принимают решение, которое будет минимизировать их собственные переживания. То же самое можно сказать и о копинг-стратегиях,

применяемых родителями ребенка-инвалида, которые в целом направлены на эмоциональное совладание с ситуацией. Поведение, которое ведет к нарушению прав ребенка, детерминируется всеми описанными психологическими механизмами, и, чаще всего, является наиболее приемлемым в объективно сложной ситуации воспитания ребенка с выраженными нарушениями развития.

Литература

1. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. – СПб.: Издательство: СПбНИПНИ им. В.М.Бехтерева, 2005. – 50 с.
2. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. Том 10, № 1. – С. 82–118.

Особенности ценностных ориентаций созависимых молодых взрослых

Пантелеева В.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Созависимость как вид аддикции в обществе стала серьезной и актуальной проблемой, зачастую созависимые женщины повторно строят браки с зависимыми от алкоголя мужчинами, несмотря на неудачу в прошлом подобном браке. Статистика показывает, что бывшие жёны алкоголиков в семи случаях из десяти вновь выходят замуж за человека с алкогольной болезнью (Зайцев С.Н., 2016). Согласно авторам книги «Освобождение от созависимости» Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд, примерно 98% американцев страдают от созависимости. При этом менее 1% знают о последствиях такого деструктивного поведения (Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж., 2002).

Созависимость представляет собой патологическое состояние, характеризующееся глубокой поглощённостью и сильной эмоциональной, социальной или даже физической зависимостью от другого человека, как правило, страдающего каким-либо видом зависимости (Шорохова О. А., 2002). Созависимость мешает построению близких здоровых взаимоотношений между людьми и представляет большую опасность в виде большого количества факторов риска, в том числе суицида.

Целью проведенного исследования являлось выявление особенностей ценностных ориентаций молодых взрослых, склонных к созависимости.

Гипотезу исследования составило предположение о том, что ценностные ориентации и ценности созависимых имеют свои отличительные особенности, а именно: более значимые альтруистические ценностные ориентации.

В исследовании приняли участие молодые взрослые в возрасте 18-24 лет, проживающие в г. Москве, имеющие высшее и неоконченное высшее образование – 68 человек, 41 женщина и 27 мужчин. Объектом исследования послужили ценностные ориентации склонных к созависимости молодых взрослых, а предметом – особенности ценностных ориентаций молодых взрослых, склонных к созависимости.

В исследовании были использованы следующие методики: опросник “Шкала созависимости” Дж. Фишер в модификации А.А. Бердичевского и соавт., опросник М. Рокича Ценностные ориентации (адаптация А. Гоштаутас, А. Семенов и В. Ядов), Ценностный опросник Ш. Шварца.

По итогам сравнительного анализа и статистической обработки данных с использованием критериев Манна-Уитни и Хи-Квадрат были обнаружены: тенденция к отвержению ценностей Здоровья и Безопасности (абстрактный уровень), а также тенденция к принятию ценностей Терпимости и Конформности у лиц с высокой склонностью к созависимости в отличие от лиц с низкой склонностью к созависимости.

Также по результатам сравнительного анализа были обнаружены значимые различия по следующим показателям: лица с высокой склонностью к созависимости в отличие от лиц с низкой склонностью к созависимости склонны воспринимать ценность Доброты ($\alpha=0,04$ при $p<0,05$) как значимую и отвергать ценности: Безопасность (на личном уровне) ($\alpha=0,04$ при $p<0,05$) и Достижения ($\alpha=0,04$ при $p<0,05$).

Полученные эмпирические результаты в некоторой степени свидетельствуют об альтруистической направленности ценностно-смысловой сферы созависимых личностей (ценности доброты, терпимости), а также можно предполагать, что потребность “спасать” аддикта воспринимается созависимыми как весьма субъективное понимание созависимым собственной доброты и терпимости.

Ценность Достижения по Ш.Шварцу соотносится с мотивацией, связанной с достижением личного успеха, влекущего за собой социальное одобрение. Результаты исследования показали низкую значимость данной ценности у созависимых, что, вероятно, связано с их чрезвычайной вовлеченностью в жизнь аддикта и соответствующим этому сверхконтролем, мешающим собственному личностному развитию.

Ценность Безопасности в понимании Ш.Шварца связана с ощущением гармонии, стабильности общества, взаимоотношений и самого себя. Она производна от базовых индивидуальных и групповых потребностей. Ш.Шварц считал, что ценность Безопасности не делима и имеет обобщенное значение как для индивидуального, так и группового уровня принятия.

В свою очередь, под ценностью Здоровья понимается и психическое, и физическое здоровье. Результаты исследования показали, что ценность Безопасности так же, как и ценность Здоровья, не являются значимыми для созависимых. Это может быть связано с тем, что созависимые перенимают ценности аддикта, пренебрегая собственным здоровьем и безопасностью, и преувеличением значимости здоровья аддикта.

Ценность Терпимости М. Рокич относил к альтруистическим ценностям. Следовательно, полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что данная ценность может быть связана с личностными особенностями созависимых. Таким образом, можно предположить, что для созависимых личностей терпимость является не только одной из ценностей, но и важным качеством для совместной жизни с партнером-аддиктом, подразумевающей необходимую адаптацию к постоянным условиям стресса.

Ценность Конформности Ш. Шварц связывал с мотивацией соответствовать социальным ожиданиям, сдерживать действия, которые могут нарушить порядок и принести вред окружающим. Результаты исследования показали тенденцию к отвержению данной ценности в сочетании с предрасположенностью к созависимости. То есть, для созависимых может быть важно приспособливаться к партнеру-аддикту, примиряться с его недостатками в ущерб себе и даже подчиняться, попадая под его влияние, что может быть связано, например, со страхом изменений, свойственным созависимым.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась частично. Удалось выявить тенденцию к значимости для созависимых такой альтруистической ценности, как терпимость и склонность к принятию альтруистической ценности Доброта у лиц с высокой склонностью к созависимости. А также можно констатировать наличие тенденции к принятию конформности как ценности и отвержения ценностей здоровья, безопасности и достижения у лиц, склонных к созависимости. Данные результаты позволяют сделать вывод о наличии особенностей ценностных ориентаций у людей, склонных к созависимому поведению.

Полученные результаты позволят определить значимые ценностные ориентации для психокоррекционного воздействия и проведения более эффективной консультативной помощи и профилактики созависимого

поведения, что определяет практическую значимость проведенного исследования.

Литература

1. Зайцев С.Н. Созависимость – умение любить: Пособие для родных и близких наркомана, алкоголика. – Н. Новгород, 2004. – 90 с.
2. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Перевод с англ. А.Г. Чеславской – М.: Независимая фирма «Класс», 2002. – 224 с.
3. Шорохова, О. А. Созависимость // Жизненные ловушки зависимости и созависимости – СПб.: Речь, 2002 – 57 с.

Особенности онлайн-самопрезентации в контексте суицидального риска

Пономарева Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

В настоящее время проблема поведения в Интернете становится все более актуальной, что отражается в росте связанных с ней публикаций за последние 10 лет, отмечаемом в соответствии с данными электронного ресурса Web of Science Core Collection. Если в указанном контексте рассматривать тему самопрезентации, а также особенности онлайн-поведения, связанные с пресуицидальным состоянием, становится видно, что это направление недостаточно разработано. Так, по данным того же электронного ресурса, по запросу «Internet behavior» присутствует информация о 27718 публикациях; с уточнением «suicide» – о 399 публикациях; с уточнением «self-presentation» – о 143 публикациях; с обоими уточнениями публикации не обнаруживаются.

В качестве **цели** статьи определяется раскрытие особенностей самопрезентации в Интернете в связи со спецификой пресуицидального состояния.

Согласно О.А. Пикулевой, самопрезентация – это «постоянный процесс предъявления Я-информации в межличностном взаимодействии, независимо от осознанности субъектом самопрезентации своих поведенческих действий» (Пикулева О.А., 2013). К изучению феномена самопрезентации существует достаточно много подходов, в рамках которых определяется место и роль самопрезентации во взаимодействии людей. Рассматривается вопрос о том, насколько это осознаваемый процесс: с одной стороны действия субъекта самопрезентации подчинены цели создания желаемого образа себя путем

намеренного управления и видоизменения фактов о себе, с другой стороны, самопрезентация зависит от реальных установок субъекта по поводу актуальной ситуации. Здесь укажем на точку зрения М. Snyder, согласно которой самопрезентация может контролироваться в разной степени. В своих работах он использует понятие самомониторинга. Человек, у которого уровень самомониторинга высокий, старается подстроить свой образ под ситуацию и в зависимости от контекста может легко его изменить. При низком уровне самомониторинга человек ведет себя в соответствии со своими актуальными состояниями и установками, на особенностях своей самопрезентации он внимание не акцентирует. В отечественных подходах существует тенденция рассматривать самопрезентацию как многоаспектный феномен, каждый компонент которого является самостоятельным конструктом и иллюстрирует цели, а также степень сознательного контроля самопрезентационного поведения. Еще одна сторона, которая часто рассматривается в контексте самопрезентации – это стратегии и тактики самопрезентации, в соответствии с которыми выстраивается взаимодействие с людьми (Snyder M., 1979). Например, J.T. Tedeschi выделял 2 стратегии: ассертивную – направленную на конструирование образов себя, и защитную – используемую в сферах реабилитации своего образа. Внутри этих стратегий автор выделял 13 тактик: 8 и 5, соответственно (Lee S.J., 1999). Подчеркнем такие значимые компоненты самопрезентации, как степень ее осознанности субъектом, а также использование различных стратегий и тактик.

В отношении особенностей самопрезентации в Интернете следует отметить, что она становится более гибкой, так как онлайн-среда предлагает большое количество возможностей для самопрезентации, которые продиктованы спецификой виртуального пространства. И в этом контексте следует обратить внимание на факторы, отличающие онлайн-поведение от поведения в реальности. Например, J. Suler выделяет следующие факторы: диссоциативную анонимность, невидимость, асинхронность, солипсическую интроекцию, диссоциативное воображение, минимизацию власти – и указывает, что они являются механизмами, провоцирующими эффект растормаживания, при котором люди сообщают больше личной информации в Сети, становятся более отзывчивыми, либо демонстрируют осуждаемое в обществе поведение (Suler J., 2004). Схожие факторы перечислены в работах А.Е. Войскунского: условная анонимность, распределенность, репутационная прокачка, мобильность, гибридное поведение, погружение – он также отмечает опосредованность онлайн-поведения, что также отражается на его специфике, электронными устройствами и знаковыми системами (Войскунский А.Е., 2017). Следовательно, под возможностями онлайн-самопрезентации стоит понимать практически

свободное манипулирование виртуальными идентичностями, выражающееся в легкости их создания и уничтожения, а также высокую степень вариативности инструментов для их изменения и управления ими. Этот момент также обозначен в работах Т.А. Бочаровой (Бочарова Т.А., 2019), А.И. Лучинкиной и И.С. Лучинкиной (Лучинкина А.И., 2017).

Рассматривая пресуицидальное состояние, важно обратить внимание на то, что оно имеет внешние проявления, описанные различными авторами. Например, перечень таких признаков приводит Э. Шнайдман, выделяя среди них прямые (высказывания о намерении совершить суицид и т. п.) и косвенные (приведение в порядок документов, раздача вещей, завершение дел и т. д.) (Шнейдман Э., 2001). Также П. Хьюит в контексте пресуицидального состояния рассматривает перфекционистскую самопрезентацию, направленную на то, чтобы показать себя совершенным во всех сферах и скрыть свои недостатки. Отмечается, что такая самопрезентация дезадаптивна, так как субъект самопрезентации может предполагать, что окружающие догадываются о его несовершенствах, что приводит к усилению его негативных чувств и представлений о себе (Chen C., 2019). Соответственно, пресуицидальное состояние может выражаться через самопрезентативное поведение достаточно разнообразно: в форме предоставления реальной информации о себе и в форме ее искажения. Можно предположить, что это связано со степенью осознанности самопрезентации и, вероятно, зависит от тяжести суицидального кризиса. Кроме того, самопрезентация, отражающая пресуицидальное состояние, может реализовываться в Интернете – указанный аспект получил эмпирическую поддержку и, следовательно, может разрабатываться в дальнейшем (Лучинкина А.И., 2017).

Таким образом, были рассмотрены феномены самопрезентации, онлайн-поведения и пресуицидального состояния в соотношении, что позволяет предполагать наличие связей между ними.

Литература

1. Бочарова Т.А. Особенности цифровой самопрезентации // Научное мнение. – 2019. – № 12. – С. 43–47. doi: 10.25807/PBH.22224378.2019.12.43.47
2. Войскунский А.Е. Направления исследований опосредствованной Интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 1. – С. 51–66. doi: 10.11621/vsp.2017.01.52
3. Лучинкина А.И. Суицидальная личность в интернет-пространстве // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2017. – № 1. – С. 109–113.
4. Пикулева О.А. Профессиональные особенности самопрезентации личности

- // Актуальные проблемы психологического знания. – 2013. – № 2(27). – С. 80–92.
5. Шнейдман Э. Душа самоубийцы /Пер. с англ. О.Ю. Донец. – М.: Смысл, 2001. – 315 с.
 6. Chen C. Adverse childhood experiences and multidimensional perfectionism in young adults / C. Chen, P.L. Hewitt, G.L. Flett // Personality and Individual Differences. – 2019. – Vol. 146. – P. 53–57. – doi: 10.1016/j.paid.2019.03.042.
 7. Development of a self-presentation tactics scale / S.J. Lee et al. // Personality and Individual Differences. – 1999. – Vol. 26. – № 4. – P. 701–722. doi: 10.1016/S0191-8869(98)00178-0
 8. Snyder, M. Self-monitoring processes // Advances in experimental social psychology. – 1979. – Vol. 12. – P. 85–128. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60260-9
 9. Suler, J. The online disinhibition effect // Cyberpsychology & behavior. – 2004. – Vol. 7. – № 3. – P. 321–326. doi: 10.1089/10949

Произвольная и непроизвольная саморегуляция: нейропсихологические механизмы

Потапов А.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Луковцева З.В.

С общепсихологической точки зрения произвольная саморегуляция – это возможность управлять своими действиями и эмоциями, умение моделировать и приводить в соответствие свои чувства, мысли, желания и возможности, способность поддерживать в гармонии физическую и душевную жизнь (Конопкин О.А., 1995). Непроизвольная же саморегуляция понимается как способность организма к поддержанию гомеостаза (например, на уровне кровяного давления, температуры тела и т.д.) за счет внутренних ресурсов организма (Анохин П.К., 1980). Важным отличием одного механизма от другого выступает, таким образом, возможность контролировать себя, свое состояние и поведение на сознательном уровне.

Саморегуляция является предметом изучения многих психологических дисциплин, в частности, клинической и юридической психологии. Эту способность рассматривают как важный фактор обеспечения психологической безопасности при неблагоприятных психологических состояниях (Рябова М.Г., 2016). Наличие развитых навыков саморегуляции выделяется как один из

элементов индивидуально-личностной психологической защиты сотрудников ОВД (Виноградов М.В., Ульянина О.А., 2020). В юридической психологии большее внимание уделяется произвольной саморегуляции, поскольку в случае её нарушения возрастает риск девиантного или делинквентного поведения. Изучение непроизвольной саморегуляции также может быть полезно в практическом отношении, так как этот механизм является одним из важных компонентов нейропсихологического статуса человека. Соответственно, учет непроизвольной саморегуляции позволяет более точно диагностировать уровень развития и сохранности различных мозговых структур, а также проследить динамику их состояния.

Описывая нейропсихологические механизмы произвольной и непроизвольной саморегуляции, будем ориентироваться на классическую луриевскую структурно-функциональную модель организации мозга. Эта модель предполагает, что различные этапы произвольной и осознанной психической деятельности, опосредованной речью, осуществляются с обязательным участием трех блоков мозга (Хомская Е.Д., 2011). Говоря об онтогенетическом аспекте проблемы, необходимо принимать во внимание тот факт, что способность и возможность операционального функционирования формируются у человека по мере взросления и инвариантно зависят от окружающей среды (Семенович А.В., 2013). Это утверждение справедливо и для регуляции, особенно – произвольной.

Если изложить кратко регуляторную роль подкорково-корковой организации психических процессов, получается следующее. Субстратом непроизвольной регуляции выступают структуры субкортикального уровня, относящиеся к первому функциональному блоку мозга. Они обеспечивают жесткие, рефлекторные, генетически зафиксированные программы, с которыми ребенок входит в мир. Произвольная саморегуляция обеспечивается префронтальной конвекситальной корой, входящей в состав третьего блока мозга. Становление этого уровня регуляции зависит в основном от социально-средовых факторов, в частности, от обучения и воспитания ребенка.

Первый функциональный блок мозга, или блок регуляции тонуса и бодрствования, обеспечивает энергетическую составляющую и пластичность протекания любого психического процесса за счет актуализации широкого круга коадаптационных феноменов. Данный блок включает в себя субкортикальные, срединные и кортикальные медиобазальные морфофункциональные системы мозга, образующие систему интегративных подкорковых и спинально-подкорковых петель и сетей. По своему назначению эти структуры могут быть обозначены также как несущая вертикальная ось нейросоматической организации. Такая организация реализуется центральной и периферической

нервными системами через совокупность нервных, нейроэндокринных, нейрогуморальных и физико-химических механизмов. Также здесь находится центр интеграции нервно-соединительнотканной энергоинформационной актуализации человека (Семенович А.В., 2017).

Второй функциональный блок выполняет функции приема, переработки и хранения информации, что обеспечивается благодаря задним конвекситальным отделам коры больших полушарий. Частично к нему также примыкают премоторные отделы, поскольку отреагирование является необходимым условием для переработки и дальнейшего хранения информации.

Третий функциональный блок отвечает за произвольную регуляцию, а также за активное программирование, прогнозирование результатов протекания любого психического процесса или собственных действий и своего поведения в целом. Он включает в себя конвекситальную кору лобных долей, которую принято разделять на моторную, премоторную и префронтальную области. Моторная кора по своей организации является первичной и составляет центральный отдел двигательного анализатора. Премоторная область выполняет функцию, аналогичную вторичным полям зрительного или слухового анализаторов, объединяя активность отдельных групп мышц в единое движение (Баулина М. Е., 2018). Префронтальная же кора участвует в планировании и регуляции собственного поведения, в принятии решений, она позволяет человеку направлять действия в сторону достижения какой-либо цели.

Взаимодействие уровня непроизвольной регуляции в части базальных эмоций, удовлетворения физиологических потребностей, сенсомоторного контроля, этологических пусковых механизмов и т.п. (“я хочу”) с уровнем произвольной саморегуляции, обеспечиваемый когнитивными, в первую очередь речевыми процессами (“я должен”), способствует развитию среднего звена навыков. Эти навыки образуют исполнительный, операциональный уровень активности, приобретаются по мере взросления и позволяют актуализироваться в окружающем мире без привлечения дополнительных осознаваемых средств (“я могу”).

Таким образом, особенностью любой саморегуляции (как произвольной, так и непроизвольной) является то, что преимущественную роль в её обеспечении играют модально-неспецифические структуры мозга, относящиеся к первому и третьему блокам. За непроизвольную саморегуляцию и опосредование иерархии регуляторных уровней поведения человека отвечает первый блок, а за произвольную – третий. Учет онтогенетических закономерностей и конкретных мозговых механизмов, характеризующих развитие и работу названных блоков мозга, необходим как для диагностики, так и для коррекции/восстановления регуляторных возможностей человека.

Литература

1. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы – М.: Наука, 1980. – 196 с.
2. Баулина М. Е. Нейропсихология: учебник для вузов – М.: ВЛАДОС, 2018. С. 79 - 224.
3. Конопкин О. А. Психологическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. – 1995, № 1. – С. 5–12.
4. Семенович А. В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: Учебное пособие. 6-е изд. – М.: Генезис, 2013. – 474 с.
5. Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие. – 321 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=571242> (дата обращения: 07.04.2021).
6. Хомская Е. Д. Нейропсихология: Учебник для вузов. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 496 с.

Психологические аспекты отношения к императивным галлюцинациям при шизофрении

Румянцев С.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бородина Л.Г.

Слуховые галлюцинации являются одним из распространенных психиатрических симптомов, они встречаются при различных расстройствах, чаще всего при шизофрении (до трех четвертей пациентов со слуховыми галлюцинациями) (Ali S., 2011). Хронические пациенты, которые продолжают слышать «голоса», развивают определенные убеждения, связанные с их «голосами», и даже могут иметь с ними межличностные отношения (Woods A., 2014). Хотя исследования показывают, что наличие командных (побуждающих действовать определенным образом) галлюцинаций в целом не повышает риск насилия, некоторые пациенты могут совершать агрессивные акты под воздействием приказов своих «голосов» (Rogers R., 1990). Для учета разнообразных факторов риска насилия со стороны психиатрических пациентов существуют специальные шкалы, такие как Historical Clinical Risk (HCR-20), Violence Risk Appraisal Guide (VRAG) и V-RISK-10. Данные инструменты не

оценивают факторы, связанные с галлюцинациями, отдельно от общей тяжести состояния пациента (Альфарнес С.А., Булыгина В.Г., 2009). Когнитивный подход подразумевает, что, в общем случае, решение пациента подчиниться или не подчиниться команде «голоса», прежде всего, зависит от его убеждений относительно «голоса» (Strauss С, 2018). Целью нашего исследования является установление психологических факторов подчинения командам «голосов» при шизофрении.

Исследование проводилось онлайн. В исследовании приняли участие 35 человек с галлюцинациями, в числе которых были 25 испытуемых женского пола и 10 испытуемых мужского пола. Все участники имели в числе других расстройств установленный диагноз шизофрении (20 человек, 60%), шизоаффективного (12 человек, 34%) или шизотипического расстройства (3 человека, 9%). Для исследования убеждений о «голосах» был использован опросник BAVQ-R (Beliefs About Voices Questionnaire – Revised).

В нашем исследовании были установлены следующие психологические факторы, связанные с подчинением командам «голосов»: а) содержание команды голоса – социально приемлемым командам испытуемые подчинялись чаще, б) убеждения о намерениях «голоса» – благонамеренным (стремящимся помогать и поддерживать) «голосам» испытуемые подчинялись чаще, в) убеждения об уровне субъективного контроля над «голосами» – чем больше был субъективный контроль над «голосами», тем реже им подчинялись, г) локализация «голоса» (интернальная или экстернальная) была связана с частотой подчинения командам, но конкретный эффект не установлен из-за малого объема выборки. Для длительности заболевания, а также наличия коморбидных расстройств не было найдено связи с частотой подчинения командам «голосов».

Литература

1. Альфарнес С.А., Булыгина В. Г. Структурно-динамические процедуры оценки риска насилия с помощью hcr-20 и v-risk-10 // Российский психиатрический журнал. – 2009. – №6. – С.12–18.
2. Ali S. и др. Hallucinations: Common features and causes // Curr. Psychiatr. 2011. Vol. 10. P. 22–29.
3. Rogers R. и др. The clinical presentation of command hallucinations in a forensic population // Am. J. Psychiatry. 1990. Vol. 147. No 10. P. 1304–1307.
4. Strauss С. и др. The Beliefs about Voices Questionnaire - Revised: A factor structure from 450 participants // Psychiatry Res. 2018. Vol. 259. P. 95–103.
5. Woods A. и др. Interdisciplinary Approaches to the Phenomenology of Auditory Verbal Hallucinations // Schizophr. Bull. 2014. Vol.40. no Suppl 4. P. 246–254.

Особенности личности при зависимом поведении

Савченкова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

Современное общество нуждается в здоровых, образованных людях, имеющих цели в жизни и способных их осуществлять. Проблема заключается в том, что у значительной части людей, которые сталкиваются с различными трудностями – личностными, семейными, финансовыми и т.п., – развиваются поведенческие отклонения от нормы. Одним из вариантов такого отклонения является формирование зависимости от определенного фактора, позволяющего совладать с неблагоприятной жизненной ситуацией.

Важность проблемы трудно переоценить, исследования на тему аддиктивного поведения проводили и продолжают проводить ученые с именами мировой величины. Проблемы коррекции аддиктивного поведения личности раскрыты в трудах таких российских ученых, как А.В. Гоголева (Гоголева А.В., 2003), Е.В. Змановская (Змановская Е.В., 2004), В.Д. Менделевич (Менделевич В.Д., 2007), Е.А. Николаева (Николаева Е.А., 2007) и это далеко не полный список.

Мы провели исследование индивидуальных проявлений зависимого поведения у юношей от 18 до 22 лет в реабилитационном центре для людей, страдающих от химической зависимости. Для выявления характеристик личности, которые свойственны лицам, имеющими признаки зависимого поведения, были применены 3 методики: методика диагностики частичных позиций интернальности-экстернальности личности (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голипкина, А. М. Эткинд); опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А. А. Реан); методика «Самооценка личности» (С. А. Будасси). Задачей исследования было выявить основные особенности личности при зависимом поведении.

Проведенное исследование позволило установить, что у всех участников тестирования недостаточный уровень интернальности, что свидетельствует о том, что люди с аддиктивным поведением не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями жизни, уверены, что большинство событий является результатом случая, действий окружающих или обстоятельств.

Также у всех участников тестирования была обнаружена негативная мотивация, что говорит о том, что среди лиц с зависимым поведением преобладают люди, в мотивационной сфере которых боязнь неудачи преобладает над стремлением к успеху.

Универсальной чертой у лиц с зависимым поведением является неадекватная завышенная самооценка. Полученные результаты свидетельствуют, что значительное количество исследуемых имеют неадекватно высокую самооценку. Неадекватно высокая самооценка своих возможностей обуславливает чрезмерную самоуверенность и может привести к неудачам в преодолении психологических проблем.

В целом, у всех респондентов отмечается характерное стремление к контролю, эгоцентризм, желание произвести ложное впечатление отсутствия проблем и благополучия, ригидность, задержка духовного развития. Им свойственны подозрительность и обидчивость, тревожность, в основе которой лежат глубокие комплексы и страхи, а также желание получить поддержку.

Литература

1. Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. – 2-е издание. – М.: МПСИ Воронеж: МОДЭК, 2003. – 240 с.
2. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Академия, 2004. – 288 с.
3. Менделевич В.Д. Руководство по аддиктологии. – СПб : Речь, 2007. – 768 с.
4. Николаева Е.А., Каменская В.Г. Аддиктология. Теоретические и экспериментальные исследования формирования аддикции. – М.: Форум, 2011. – 208 с.

Психологические аспекты тактики допроса потерпевшей от сексуального насилия

Уханова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Луковцева З.В.

Специфика расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности заключается в том, что основным источником доказательств по уголовному делу зачастую выступают полученные в ходе допроса показания потерпевших. Допрос является наиболее распространенным способом получения доказательств и в то же время достаточно сложным следственным действием, поскольку помимо основной юридической цели – получения показаний – он преследует цель минимизации вторичной психической травматизации потерпевшей самой процедурой проведения данного следственного действия (Васкэ Е. В., 2012).

Отдельные психологические аспекты процедуры допроса лиц, переживших сексуальное насилие, освещены в работах Е.В. Васькэ (Васькэ Е.В., 2012), Ф.С. Сафуанова (Сафуанов Ф.С., 2011), М.М. Коченова (Коченов М.М., 2010), Н.Р. Осиповой (Коченов М.М., Осипова Н.Р., 1984). Психологические последствия насилия, травматический стресс и постстрессовые реакции изучались такими авторами, как Е.В. Нуцкова (Нуцкова Е.В., 2017), Т.Д. Азарных (Азарных Т.Д., 2012).

Запросы практики диктуют необходимость особенно тщательного рассмотрения психологических аспектов потерпевших женского пола, ведь сексуальные преступления в отношении этой категории лиц наиболее распространены. Допрос потерпевшей по делу о сексуальном насилии должен сопровождаться установлением психологического контакта между следователем и потерпевшей (Антонян Ю.М., 2017).

В том случае, если допрос проводится непосредственно после посягательства, следователю необходимо принять меры по оказанию потерпевшей необходимой медицинской помощи, психологической поддержки, предоставить возможность успокоиться, проявить чуткость к ее эмоциональным реакциям.

Основная трудность коммуникации следователя и потерпевшей связана с тем, что следователь далеко не всегда бывает осведомлен о временных рамках стрессовых и постстрессовых расстройств, может не ориентироваться в спектре и механизмах возможных психологических реакций на случившееся. Не владея данными сведениями, он может принимать постстрессовые состояния женщин, переживших насилие, за проявления устойчивых личностных особенностей, что зачастую является ошибочным и допускать иные неверные толкования происходящего.

Следователю важно уметь определять основные психологические особенности потерпевшей, поскольку от них зависят способность и готовность потерпевшей давать показания, а значит, и методика допроса. Выделяют два типа потерпевших в зависимости от избранной модели поведения после посягательства. К первому типу относят потерпевших, которые непосредственно после совершенного посягательства находятся в возбужденном, эмоционально неустойчивом психическом состоянии, плачут, поведение их отличается гиперактивностью, внимание легко рассеивается. Такой потерпевшей крайне трудно верно изложить события, ее показания приобретают сбивчивый, фрагментарный характер с акцентами на несущественных деталях. Второй тип потерпевших характеризуется угнетенностью психических процессов. Их отличают подавленность, стремление «уйти в себя», сосредоточенность на преступлении и его последствиях. Данное состояние замедляет процессы

мышления и зачастую приводит к неспособности прилагать усилия для припоминания важных обстоятельств преступления (Дерягин Г.Б., 2012).

Общие закономерности, присущие показаниям потерпевших от сексуального насилия:

потерпевшим трудно говорить о насилии конкретизировано, с какими-то уточнениями;

может иметь место преувеличенное представление об определённых моментах преступления;

вероятны пробелы при описании некоторых значимых элементов преступления;

потерпевшие могут заблуждаться относительно этапов развития событий (Гайнуллина С.А., Стуколова Л.С., 2019).

Важное психологическое значение в процессе допроса потерпевшей имеет указание следователя на то, что выяснение сведений об обстоятельствах ее личной и интимной жизни и совершенного на нее посягательства обусловлено исключительно необходимостью установления факта события преступления, изобличения виновного и правильной квалификации совершенных им действий. Необходимо разъяснить, что все полученные сведения о совершенном преступлении и его последствиях будут известны только профессиональным участникам судопроизводства по данному делу, а само дело будет рассматриваться в закрытом судебном заседании.

Вместе с тем, внимательность и вежливость в обращении с потерпевшим должны сочетаться с настойчивостью в получении необходимых сведений (Гликберг Е.С., Маршал А.Г., 2017). В качестве методов устранения пробелов и неточностей в показаниях потерпевшей следователи используют различные ассоциативные методы припоминания, соответствующие ситуации вопросы, предъявление доказательств. Но, используя приемы, помогающие преодолеть заблуждение и активизировать память, необходимо соблюдать осторожность, поскольку потерпевшие в силу своего психоэмоционального состояния зачастую склонны к внушению и самовнушению.

Следователю крайне важно уметь понимать ход психических процессов потерпевшей во время допроса, регулировать и направлять их, предвидеть ее решения и поступки, и с учетом этого корректировать свое собственное поведение (Аманбаева А.Н., 2018).

Таким образом, допрос потерпевшей от сексуального насилия характеризуется определенными психологическими особенностями, требующими от следователя высокой общей профессиональной культуры и знаний психологии человека, умения устанавливать коммуникативный контакт

с потерпевшей, учитывать психологические особенности личности жертвы, а также её текущее психоэмоциональное состояние.

Литература

1. Азарных Т.Д. Психологические последствия сексуального насилия // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: сборник тезисов участ. Всеросс. конф. по юр. психол. с междунар. участием. – М.: МГППУ, 2012. – С. 5-6.
2. Аманбаева А.Н. Психология допроса свидетелей и потерпевших// Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). – Краснодар: Новация, 2018. – С. 44-46.
2. Антонян Ю.М. Быть жертвой. Природа сексуального насилия. – М.: Алгоритм, 2017. – 368 с.
3. Васько Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия // Психология и право. – 2012. – Том 2. – № 2. – С. 1-13.
4. Гайнуллина С.А., Стуколова Л.С. Психология допроса потерпевшей при изнасиловании // Е-SCIO.–2019. – № 3 (30). – С. 114-118.
5. Гликберг Е.С., Маршал А.Г. Психологические аспекты работы с подвергшимися насилию гражданами //Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. – 2017. – № 6. – С. 319-322.
6. Дерягин Г.Б. Криминальная сексология: уч. пособие – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 52 с.
7. Коваленко Т.М., Люкманова В. Р. Тактика допроса потерпевшей по преступлению против половой неприкосновенности // Результаты современных науч. исслед. и разработок: сборник статей VI Междунар. научно-практ. конф. (г. Пенза, апрель 2019 г.). – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 167-169.
8. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. – М: Генезис, 2010. – 352 с.
9. Коченов М.М., Осипова Н.Р. Психология допроса малолетних свидетелей: метод. пособие. – М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1984. – 34 с.
10. Нуцкова Е.В. Психологические последствия сексуального насилия и злоупотребления в отношении несовершеннолетних (диагностическое и экспертное значение) //Актуальные проблемы и технологии юр. психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению: сборник

тезисов участ. Всеросс. научно-практ. семинара с междунар. участием. – М.: МГППУ, 2017. – С. 82-83.

11. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии //Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 8-18.

Персональный осмотр получателей социальных услуг: клиничко-социальные характеристики лиц, проживающих в стандартном ПНИ Красноярского края

Шатрова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Русаковская О.А.

«Признание гражданина *недееспособным* неизбежно сопряжено с принудительным *изменением его правового статуса*, установлением над ним опеки» (Дмитриева Т.Б, Сафуанов Ф.С., 2016). Согласно 41 статье закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», лица, признанные недееспособными, могут быть определены в *психоневрологический интернат*, в том числе и не на добровольных началах.

На современном этапе развитие данных учреждений оказывается в весьма неоднозначном состоянии. Комплексный подход, направленный на развитие и полноценную реализацию услуг, который должен предоставляться в учреждениях стационарного социального обслуживания, есть не во всех регионах нашего государства.

Красноярский край стал одним из передовых субъектов РФ, предпринявших в 2010 году попытку внедрить качественно новую систему работы ПНИ. Там была разработана уникальная программа, построенная по принципу преемственности. Министерством социальной политики края были созданы *реабилитационные центры* для дальнейшего перевода в них граждан с целью подготовки к восстановлению дееспособности и выводу на самостоятельное проживание (Петров А.С., Калинкина В.А., Портнягина Т.А., 2018). Необходимость программы возникла в ходе анализа нынешнего состояния учреждений, а также в связи с активным развитием психосоциальных направлений в сфере лечения и реабилитации (Курбатова О.А., 2017).

В начале 2019 года представителями общественных организаций была проведена масштабная проверка ПНИ, которая указала на то, что получатели стационарных форм социального обслуживания часто становятся заложниками,

полностью отрезанными от внешнего мира. Согласно мнению проверяющих, некоторые пребывающие в учреждениях пациенты совершенно точно могли бы проживать самостоятельно или при нестационарной форме социального обслуживания после специальной подготовки. В пользу этого говорят и данные, полученные Тюменковой Г.В., согласно которым в случае должного социального обеспечения и грамотной системы сопровождения до 70% постояльцев могут успешно социализироваться за стенами учреждения (Тюменкова Г.В., 2019).

В продолжение этой общественной проверки в 2019 году Центру им. В.П. Сербского было поручено провести *сплошной осмотр лиц, проживающих в ПНИ* (Кекелидзе З.И., Харитонов Н.К., Русаковская О.А., Печенкина О.И., 2020). Материалом настоящего исследования стали результаты проведённого осмотра в отношении 383 человек (88 женщин и 295 мужчин), проживающих в стандартном ПНИ Красноярского края. По этим результатам была составлена таблица, где качественные характеристики оценивались дихотомически. Обработка проводилась методами описательной статистики, использовался частотный анализ.

Основываясь на данных эмпирического исследования, представляется возможным сформулировать ряд выводов. Так, самым встречаемым диагнозом стала умеренная умственная отсталость, затем – тяжёлая умственная отсталость, глубокая умственная отсталость, параноидная шизофрения. Однако по результатам скринингового осмотра, проведённого психиатрами, актуальный диагноз не всегда соответствовал реальной картине заболевания – часто утяжелялась степень интеллектуальных нарушений.

В отношении 40 человек (10,4%) было дано заключение о возможности повышения сейчас или в будущем гражданского-правового статуса. Из них 8 – до восстановления дееспособности, 6 – до ограничения дееспособности, 36 – до восстановления или ограничения в перспективе и после подготовки. При этом не все те, кому было рекомендовано повышение гражданского-правового статуса, оценивались как способные жить вне ПНИ (например, при периодическом социальном обслуживании на дому), и наоборот.

Нами был также изучен такой показатель, как *направленность на труд*. Наибольшую приверженность к труду демонстрируют лица с диагнозом F71.0. Пациенты с заболеваниями шизофренического спектра, наоборот, показывают способность лишь к элементарному труду – мытью полов. В целом прослеживается тенденция увеличения граждан с отсутствием вовлечённости в труд по мере утяжеления интеллектуальных нарушений. Из патохарактерологических особенностей одним из частых препятствий на пути повышения гражданского-правового статуса или перевода на

нестационарные формы социального обслуживания оказалась личностная незрелость, *инфантильность*.

Нам представляется, что сегодня система ПНИ меняется. Происходят существенные сдвиги в мировоззрении сотрудников системы, порождающие уход от патернализма и отказ от взгляда на постояльцев, как на беспомощных, неспособных и бесперспективных. Развиваются программы по развитию способностей к самостоятельному проживанию вне стен учреждений. Главным и наиболее значимым для нас становится то, что фокус всё больше смещается на помощь недееспособным инвалидам в повышении их гражданско-правового статуса в тех случаях, когда это является возможным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс] : от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 09.03.2021) // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [Электронный ресурс] : от 02.07.1992 № 3185-1 : (ред. от 08.12.2020) // СПС «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Кекелидзе З.И., Харитонов Н.К., Русаковская О.А., Печенкина О.И. Сплошной персональный осмотр получателей стационарных социальных услуг: организация и оценка гражданско-правового статуса // Российский психиатрический журнал. – 2020. №6. – С. 13-20
4. Курбатова О.А. Психосоциальная терапия и реабилитация психических расстройств // Международный журнал Содружество. Медицинские науки. – 2017. – №14. – С. 8-11
5. Петров А.С., Калинин В.А., Портнягина Т.А. Опыт межведомственного взаимодействия в рамках работы по восстановлению дееспособности лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. – 2018. – №6. – С. 82-86
6. Медицинская и судебная психология. Курс лекций [Электронный ресурс] : Учебное пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. – М.: Генезис, 2016. – URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=26906> (дата обращения: 10.05.2021).
7. Тюменкова Г.В. К вопросу реформирования психоневрологических интернатов // Психическое здоровье. – 2019. – № 9. – С. 11-15.

Субъектность представителей субкультур в современном медиа-пространстве

Агафонов Л. Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н. В.

Актуальность темы заключается в изменении динамики развития и проявления субъектности в связи с изменяющимся информационным полем. Подразумевается, что современные субкультуры в медиа-пространстве представляют собой институты социализации молодого поколения в большей или меньшей степени и, соответственно, причисление к ним может являться одним из признаков развития и проявления субъектности

Цель исследования: Определение субъектности представителей различных субкультур в современном медиа-пространстве.

Гипотезы: 1) У представителей Политической субкультурной группы в современном медиа-пространстве показатели субъектности выше, чем у представителей субкультурной группы “Аниме”.

2) Представители политических субкультур и представители субкультурной группы “Аниме” в современном медиа-пространстве имеют разные возможности для проявления активности в реальной жизни и в современном медиа-пространстве.

Выборку составили представители субкультуры Аниме (40 человек: 16 девушек и 24 юноши) и Политической субкультуры (40 человек: 18 девушек и 22 юноши) от 15 до 18 лет. В качестве представителей субкультур были отобраны следующие представители сообществ в социальной сети “Вконтакте”: в субкультуре Аниме “Шикимори” и “YummyAnime | YA Аниме”, в Политической субкультуре “Молодежная организация ЛДПР” и “Единая Россия”.

Для проведения эмпирического исследования использован следующий диагностический материал: анкета для сбора данных о возможностях для проявления активности в интернете, Методика «Уровень субъективного контроля» (Райгородский Д. Я. 2011), Методика «Изучение мотивации достижения успеха» (Реан А. А. 1999), Методика «Диагностика уровня развития рефлексивности» (Карпов, А. В. 2003).

Для статистической обработки данных в исследовании был использован программный пакет SPSS ver.23.0. Для определения значимости различий между группами был применен Критерий Джонкхиера, Критерий U Манна-Уитни, Критерий X^2 Согласия.

В качестве методологической основы структуры субъектности была использована модель субъектности В. А. Петровского. В данной модели выделяется 4 структурных элемента: субъектность витальности, субъектность предметной деятельности, субъектность общения и субъектность самосознания (Петровский В. А. 1996). Данная модель позволяет через категорию “отраженной субъектности” объяснить связь с социально-психологической методологией.

На основе результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1) Низкие результаты по Шкале общей интернальности методики “Уровень субъективного контроля” (среднее 2,5) показывают, что результаты жизненных ситуаций представителей субкультурной группы “Аниме” мало детерминированы ими самими, то есть эти люди не чувствуют себя причиной своей жизни, соответственно субъектность витальности не развита.

2) Высокие результаты по Шкале общей интернальности методики “Уровень субъективного контроля” (среднее 5,9) свидетельствуют, что результаты жизненных ситуаций представителей политических субкультур в современном медиа-пространстве детерминированы ими самими, что отражает наличие субъектности витальности.

3) Средний результат по методике “Мотивации достижения к успеху” (средние 13,6 для представителей субкультурной группы “Аниме” и 15,2 для представителей политической субкультурной группы) может говорить также о приближенном к приобретенной субъектности предметной деятельности. Субъекты обеих групп могут ставить цели в своей деятельности, но не всегда удовлетворяют в силу неоптимальной мотивации к достижению успеха.

4) Средний результат по “Методике уровня рефлексивности” (среднее 6,1) может говорить о приобретенной субъектности общения и самосознания у представителей субкультурной группы аниме. Представители данной группы могут отделить ролевую сторону субъектности общения от индивидуальной в процессе взаимодействия, имеют навык отражения субъекта в себе, но при этом контролируют его влияние на собственную субъектность, что проявляется в развитой субъектности самосознания. Такие представители могут отделить себя от значимой группы и значимых других, могут провести границу между собой-в-себе и другими-в-себе.

5) Низкий результат по “Методике уровня рефлексивности” (среднее 2,07) может говорить о ещё несформированной субъектности общения представителей политической субкультурной группы. Представители данной

группы зачастую не могут отделить ролевую сторону субъектности общения от индивидуальной в процессе взаимодействия, то есть происходит смешение этих сторон в процессе разного взаимодействия. Отраженный субъект может либо представиться в сознании искаженно, либо настолько встроиться в структуру сознания, что не будет отделен от самосознания (условно чужие мысли принимаются за свои) Такие люди не склонны к рефлексии своих чувствований с окружающими. Также они не всегда могут отделить своё самосознания от влияния значимых других-в-себе. Их действия могут быть детерминированы конгруэнтной отраженностью представленностей.

6) У представителей субкультурной группы Аниме разных возможностей для проявления активности в интернете больше, чем в реальной жизни. Это может говорить о том, что для этих людей проявление активности в интернете имеет большее значение, чем активность в реальной жизни. То есть имеется тенденция к воспроизведению именно виртуальной активности. Предполагается, что специфика субкультурной группы направлена именно на виртуальный тип активности, что и проявляется у представителей данной субкультуры.

7) У представителей политической субкультурной группы возможностей для проявления активности в реальной жизни больше, чем в интернете. То есть имеется тенденция к воспроизведению именно реальной активности. Предполагается, что специфика субкультурной группы направлена именно на реальный тип активности, что и отражается у представителей данной субкультуры.

8) Для субкультурной группы Аниме в интернете большое значение имеет развлекательный медиа-контент (значимо на уровне $\leq 0,001$). Это может говорить об особом специфическом отражении данной субкультуры как особом медиа-пространстве, в котором можно проводить свой досуг. Такой тип активности сильно превалирует на другими типами, что может представить данную субкультуру именно как досуговую. Для политической субкультурной группы в интернете большое значение имеет целенаправленная деятельность (значимо на уровне $\leq 0,001$). Это может говорить об особом специфическом отражении данной субкультуры как способа реализации себя через активность в виртуальной сети.

Таким образом, первая гипотеза подтвердилась частично, а вторая гипотеза полностью.

Литература

1. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. – 2003. – Том 24. – № 5. – С. 45-57.

2. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности: учебное пособие для вузов – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
3. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика: учебное пособие – М.: Бахрах-М, 2011 – 672 с.
4. Реан А. А. Психология изучения личности: учебное пособие – М.: Михайлов, 1999 – 288 с.

**Исследования влияния средств массовой коммуникации на
сексуальное развитие подростков**

Аксирова Е.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г.
Москва)

Научный руководитель – Секераж Т.Н.

Включение современного человека в социальную среду и взаимодействие с ней неизбежно включает в себя взаимодействие с информационным пространством.

Один из аспектов влияния цифровой среды на подростков многие исследователи связывают с сексуальным поведением. В этом аспекте СМИ и средства массовой коммуникации имеют возможность трансляции социальных установок и ценностно-ролевых моделей поведения, а Интернет в том числе является средством общения с друзьями, ровесниками, лицами иного возрастного и социального статуса, которые также могут оказывать влияние.

Важным этапом в психосексуальном развитии и формировании сексуальной идентичности является подростковый возраст. С ростом толерантных тенденций в современном обществе все большее число людей открыто заявляют о своей нетрадиционной сексуальной ориентации, что может оказывать влияние на подростков. Самоопределение в сексуальном поведении является одним из важнейших аспектов взросления. Гомосексуальное влечение может вызывать различные чувства, и многие молодые люди, испытывающие сомнения в своей сексуальной ориентации, используют Интернет для поиска разнообразной информации в попытках разобраться в себе. Подростки как пользователи Интернета нередко получают противоречивую информацию, а отсутствие согласованности внешних ориентиров социального самоопределения и невозможность выбрать наиболее надежный источник усложняет ситуацию социального выбора, особенно под влиянием сверстников.

Сексуальная ориентация рассматривается как трехкомпонентная структура, состоящая из сексуального влечения, сексуального поведения и сексуальной

идентичности (Institute of Medicine, 2011). Значительное число исследований посвящено изучению становления нетрадиционной сексуальной ориентации и изменениям во времени одного или нескольких компонентов сексуальной ориентации (Diamond, 2008; Mock, Eibach, 2012; Zhu et al., 2013 и др.). Однако, изучению влияния информационной среды как психологического фактора формирования сексуальной ориентации уделено недостаточно внимания.

На основании проведенного нами литературного обзора исследований, посвященных становлению сексуальной ориентации, можно заключить, что большинство исследователей едины в представлении о том, что процесс осознания, экспериментирования и принятия своей сексуальной ориентации, как правило, начинается в подростковом возрасте, продолжается в юности и даже ранней взрослой жизни, и для некоторых подростков самоидентификация своей сексуальной ориентации может меняться со временем. В аспекте влияния Интернета и СМИ на сексуальное поведение подростков выделяется множество факторов восприятия медиаконтента и его включения в сексуальную самооценку подростка, а также его воздействия на сексуальные убеждения и поведение. Теории и модели, объясняющие эффекты сексуальных медиа (*социально-когнитивная теория, теория использования и удовлетворения, теория культивации, теория медиапрайминга, модель процесса интерпретации сообщений, модель Media Practice Model*) поддерживают идею о том, что смещение доповеденческих сексуальных предпосылок (сексуальные нормы, убеждения, ожидаемые результаты, самооэффективность) может в значительной мере влиять на дальнейшее поведение.

На основании анализа данных теорий и моделей, а также обзора исследований, посвященных влиянию медиа-среды на подростков (Shafer et al., 2013), можно заключить, что влияние СМИ и Интернета на сексуальное поведение подростков может осуществляться различными путями:

1. Медиа среда выполняет функцию информирования и выступает источником знаний. Подростки учатся у СМИ, а то, как они обрабатывают поступающие сведения и реагируют на то, что предоставляют медиа, часто свободно для интерпретации и зависит от того, что подросток уже знает и чему верит. Размещение привлекательных сексуальных историй, сексуально откровенного контента может стимулировать интерес или вызывать чувства сексуальной неопределенности, побуждая к дальнейшему поиску информации и ее изучению. Такое влияние может являться циклическим процессом, который усиливает уже существующие тенденции и приводит к дальнейшему использованию соответствующего контента.

2. СМИ и Интернет являются источниками моделей для идентификации, помогают подросткам предсказывать возможные последствия,

демонстрируют ожидаемые результаты сексуального поведения, таким образом моделируя и мотивируя его.

3. Цифровые медиа являются связующим звеном в общении со сверстниками, которые играют важную роль в поддержке или опровержении того, что предоставляют коммерческие медиа. Так, сексуальный медиаконтент, одобренный или созданный близким другом, становится более значимым и убедительным. Возможность размещения публикаций от лица вымышленных персонажей, комментарии с советами и рекомендациями, личная переписка играют важную роль в процессе распространения и интерпретации медиаконтента, оказывая влияние на сексуальные сценарии или представления подростков о том, как разворачиваются сексуальные контакты.

4. Контент одной направленности, регулярно повторяющийся на разных интернет-платформах и в СМИ, становится более заметным и может влиять на формирование нормы и ожидаемого сексуального поведения, активируя соответствующие медиаконтенту сценарии поведения.

Анализируя современные тенденции движения «ЛГБТ+», можно заключить, что его представители активно выступают за переосмысление понятия нормы или отмену нормативности сексуальных и брачных отношений, а также за то, чтобы гомосексуальные связи между людьми воспринимались как равные традиционным с точки зрения нравственности, физиологии и законности (Лысов В.Г., 2019). При этом методы, которые используются ЛГБТ+ активистами, зачастую основаны на распространении исключительно положительной информации о гомосексуализме, достаточно агрессивном пресечении любой критики и бездоказательной дискредитации традиционных представлений.

В Российской Федерации согласно ст. 5 п. 4 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений запрещена среди несовершеннолетних, статья 6.21. КоАП РФ предусматривает административное наказание в виде штрафа за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Постановлением Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П конкретизируется понятие пропаганды.

В связи с тем, что в современном мире медиа становятся все более доступными для детей и подростков, необходимо формирование критериев для выявления запрещенного к обороту среди несовершеннолетних контента ЛГБТ-направленности, размещаемого в сети Интернет, т.к. обеспечение информационной безопасности детей является актуальной проблемой современного общества.

Литература

1. Лысов В.Г. Информационно-аналитический доклад. Риторика гомосексуального движения в свете научных фактов. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2019. – 750 с.
2. Diamond, L.M. Female bisexuality from adolescence to adulthood: Results from a 10-year longitudinal study // *Developmental Psychology*. – 2008. – V. 44. – P. 5–14.
3. Institute of Medicine. The health of lesbian, gay, bisexual, and transgender people: Building a foundation for better understanding. – Washington, DC : National Academies Press, 2011. – 366 p.
4. Mock, S.E., Eibach R.P. Stability and change in sexual orientation identity over a 10-year period in adulthood // *Archives of Sexual Behavior*. – 2012. – V. 41. – P. 641–648.
5. Shafer A., Bobkowski P., Brown J.D. Sexual Media Practice: How adolescents select, engage with, and are affected by sexual media // *The Oxford Handbook of Media Psychology* / ed. by K. Dill. – NY : Oxford University Press, 2013.
6. Zhu B., Ren X., Cao J., Wu Y., Zhu R. The Change of Heterosexual Preference in Adolescents: Implications of Stress and Cognitive Regulation on Sexual Orientation // *Open Journal of Social Sciences*. – 2013. – V. 18. – P. 18–22.

Визуальная новелла как метод развития общительности

Алимова Д.Х.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

По статистике 83% населения Российской Федерации являются пользователями интернета (Росстат, 2019). По данным ФОМ, каждый третий гражданин нашей страны играет в компьютерные или мобильные игры. С развитием игровой индустрии в рамках виртуального пространства возникает интерес к проблеме влияния продуктов виртуальной реальности на психику человека. Одним из важных видов деятельности в подростковом возрасте является общение. Время для межличностного общения в современном мире сокращается, общение переносится в рамки виртуального пространства (Игнатьева Э.А., 2011). Возникает потребность в наличии методов развития таких свойств личности, как общительность, которые будут соответствовать современным условиям.

Весной 2021 года нами было проведено исследование на тему “Визуальная новелла как метод развития общительности”. Целью данного исследования было

определение возможности применения компьютерной игры в жанре «визуальная новелла» с наличием морального выбора как метода развития общительности. Был проведен семидневный эксперимент и последующее эмпирическое исследование аудитории игры. Нами были предложены следующие гипотезы:

1. Использование компьютерной игры в жанре визуальная новелла способствует развитию уровня общительности.
2. Существует возможность использования компьютерной игры в жанре «визуальная новелла» для формирования умений виртуального общения.
3. В процессе прохождения компьютерной игры «Бесконечное лето» лидирует эмоциональный компонент общительности.

В результате эксперимента эффективность применения компьютерной игры в жанре «визуальная новелла» для развития общего уровня общительности доказана не была. Среднее значение баллов, набранных по методике В.Ф. Ряховского, равно 12, что соответствует среднему уровню развития общительности. После проведения эксперимента значение не изменилось. Однако, уровень сформированности навыков виртуального общения значительно возрос у респондентов экспериментальной группы. Эксперимент доказал эффективность применения компьютерной игры в жанре «визуальная новелла» для формирования умений виртуального общения. Возможно, данное положение связано с тем, что моделирование ситуации общения происходит с вымышленными персонажами, а не реальными людьми, за счет чего происходит развитие компетенций виртуального (обезличенного) общения. По результатам контент-анализа дневников респондентов экспериментальной группы были выявлены следующие особенности повествования:

1. Большинство респондентов отмечали сильные эмоциональные состояния, такие как апатия или счастье. Тяжелые эмоциональные переживания более характерны для первой половины эксперимента. Во второй половине эксперимента респонденты отмечали «теплые чувства» и «радость». Данный факт позволяет сделать вывод о значимости эмоционального компонента общения респондентов.
2. Респонденты достаточно быстро начинают идентифицировать себя с главным героем игры. На начало эксперимента 6% испытуемых вели повествование от первого лица, к концу эксперимента количество респондентов, ведущих дневник от первого лица, достигло 75%.
3. На шестой день игры половина респондентов отметила временную потерю границы реальности.

По результатам эмпирического исследования было выявлено, что респонденты, имеющие опыт игры «Бесконечное лето», более общительны.

Статистическая обработка данных подтвердила значимость различий групп, имеющих и не имеющих опыт игры. Возможно предположить, что существует взаимосвязь уровня общительности и выбора игры в жанре «визуальная новелла».

Данная работа представляет собой материал для дальнейшего развития темы, подробного изучения компьютерных игр в жанре «визуальная новелла» и разработки специализированных игр, нацеленных на коррекцию или развитие навыков и качеств индивида.

Литература

1. Игнатьева Э.А. Выявление уровня сформированности коммуникативных умений виртуального общения [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2011. – Том 3. – № 4. – URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n4/49222.shtml (дата обращения: 23.04.2021).

Представления о рисках для детско-родительских отношений в ситуациях временного помещения детей в ДУ (детское учреждение)

Альшанская Е.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Гарифулина Э.Ш.

Проблема потери ребенком родительского попечения и его институциональное воспитание – одна из наиболее актуальных проблем в структуре социальных проблем детства. Сегодня политика всех стран, включая Российскую Федерацию, нацелена на задачу сокращения количества детей, которые воспитываются вне семьи, в коллективных формах воспитания (UNICEF Europe and Central Asia Regional Office, 2018.).

Однако способы и подходы решения этой проблемы могут быть очень разные. Одной из социальных услуг, практикуемой с конца 90-ых, является временное размещение ребенка, без ограничения или лишения родительских прав, в государственное детское учреждение.

Гипотеза исследования предполагала, что подобное временное размещение не воспринимается специалистами социальных служб и самими родителями в контексте риска разрушения детско-родительских отношений, эмоциональных связей и не воспринимается как травмирующая психику ребенка практика.

В рамках исследования было проведено анкетирование 35 организаций для составления социально-демографического портрета родителя и несовершеннолетнего. Проведено интервьюирование 20 специалистов детских коллективных учреждений стационарного типа (организаций для детей-сирот, центров помощи семье и детям, социально-реабилитационных центров), 10 родителей и родственников детей, разместивших временно детей в данные учреждения.

Исследование подтвердило примерный социально-демографический портрет семей, временно размещающих детей в учреждение, выявленных в рамках исследования Фонда Елены и Геннадия Тимченко в 2019 году (Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, 2019). Одной из ключевых причин размещения является зависимость родителей несовершеннолетнего от употребления алкоголя. Второй ключевой причиной является инвалидность ребенка. Значимыми факторами для размещения является социальное и материальное положение семьи.

Согласно результатам исследования, специалисты воспринимают подобное временное разлучение как форму помощи. Оценка детско-родительских отношений не проводится до принятия решения о разлучении, но часто практикуется после разлучения родителя и ребенка для принятия решения о возвращении ребенка, размещенного в учреждении.

В целом, специалисты воспринимают вариант возвращения ребенка в семью как наилучший, высоко оценивают потребность ребенка в отношениях с родителями. При этом само представление о формировании механизма привязанности (Боулби Д., 2004), является крайне низким, в связи с чем временное разлучение ребенка и родителей не кажется противоречащим идее сохранения детско-родительских отношений, а довольно регулярным советом является предложение родителям снизить частоту визитов к детям, чтобы ребенок привыкал к учреждению. Возможность родителя забрать ребенка при добровольном размещении при этом оценивается исходя из его «ресурсности» и исправления изначальной сложной ситуации. Представления о взаимодействии с родителями у специалистов нет.

Сами родители или разместившие детей опекуны чаще всего не представляют альтернативных вариантов помощи и воспринимают размещение как адекватную форму помощи.

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о том, что при временном размещении не учитываются риски потери ребенком родительского попечения и снижения эмоционального контакта с заботящимся взрослым, привязанность и ценность этих отношений не являются частью оценки при

принятии решения о размещении, но оцениваются после размещения, при принятии решения о возвращении ребенка в семью.

По результатам исследования были сформулированы рекомендации по совершенствованию системы работы с семьями в ситуации риска временного размещения ребенка, для снижения количества таких размещений и их сроков.

Литература

1. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 232с.
2. Исследование причин социального сиротства – жизненных ситуаций, которые приводят к попаданию детей в детские учреждения [Электронный ресурс]: Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко. – М., 2019. – 56 с. – URL: http://timchenkofoundation.org/wp-content/uploads/2019/12/issledovanie_prichin_social_sirotstva.pdf (дата обращения: 04.05.2021).
3. UNICEF Europe and Central Asia Regional Office. 15 years of De-Institutionalization Reforms in Europe and Central Asia. Key results achieved for children and remaining challenges [Электронный ресурс] // UNICEF Europe and Central Asia Regional Office, 2018. – URL : https://www.unicef.org/eca/sites/unicef.org.eca/files/2018-11/Key%20Results%20in%20Deinstitutionalization%20in%20Europe%20and%20Central%20Asia_0.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

Народные игры как фактор социально-психологической адаптации старших дошкольников

Валевич А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Теплова А.Б.

Последствием цифровизации и компьютеризации процесса обучения и общения все чаще является социально-психологическая дезадаптация еще в дошкольный период. Данная проблема подмечается не только родителями, но и непосредственно воспитателями (Гребенщикова Т.В., 2017). Практически важной представляется задача формирования благоприятной среды (вне цифрового пространства), насыщенной ситуациями социального взаимодействия и экспериментирования. Такой средой могут стать народные

игры. Народные игры оставляют пространство для экспериментирования с совершенно разными объектами и потому могут являться фактором для эффективного формирования социально-психологической адаптации и гармоничного, нормативного развития ребёнка.

Объектом исследования является социально-психологическая адаптация детей старшего дошкольного возраста. Предметом – народные игры как фактор социально-психологической адаптации у детей старшего дошкольного возраста. Цель: определение народных игр как фактора социально-психологической адаптации детей старшего дошкольного возраста.

Социально-психологическая адаптация – это процесс разрешения и преодоления фрустрационных, проблемных, кризисных ситуаций, в ходе которого приобретаются новые и используются уже имеющиеся адаптационные механизмы, от широты и конструктивности которых зависит успешность разрешения данных ситуаций, а также конструктивное взаимодействие с другим и социальной группой, успешность и эффективность осуществления деятельности, самореализация и саморазвитие, в ходе которых удовлетворяются основные потребности, актуальные на данный момент. Социально-психологическая дезадаптация – особое психическое состояние внутренних и внешних отношений, складывающихся между ребёнком и средой, когда статус ребёнка и его возможности, поведение не соответствуют требованиям, выдвигаемым обществом в новой или изменившейся социальной ситуации развития. Основными факторами социально-психологической дезадаптации являются психологические, микросоциальные, биологические факторы.

Показателями социально-психологической дезадаптации и, наоборот, успешной адаптации были выбраны: уровень агрессивного поведения, уровень тревожного поведения, уровень коммуникативных навыков и умений, уровень саморегуляции и планирования собственной деятельности, социометрический статус детей, направленность ценностных ориентаций.

Отличительными особенностями и ресурсами народных игр являются: добровольность, равенство каждого участника, особые границы правил, наличие моделей поведения, норм, ценностей, социально-ролевых моделей, динамичность и изменчивость в зависимости от конкретной эпохи, ситуации и участников. Основными компонентами являются: форма, правила, пение (слова и музыка), мелодия, ритм, особенности движения участников, ситуация выбора, роль (Теплова А.Б., Чернушевич В.А., 2019). Народные игры – своего рода «ингибитор» дезадаптивного поведения, через них мы можем демонстрировать конструктивные и адаптивные способы поведения, что способствует социально-психологической адаптации. Также они могут являться фактором успешного формирования социально-психологической адаптации у старших дошкольников.

В экспериментальной части нами были проведены игровые программы в двух основных содержаниях. Цикл составил 12 занятий и 10 занятий с одной из групп, одно занятие в неделю, занимающее 30-40 минут. Программы проводились с конца сентября по конец декабря 2019 и 2020 годов с участниками экспериментальной группы исследования. Среднее число времени, проведенное детьми в игровой среде – 7-8 занятий (по 30-40 минут). Велась видеофиксация и структурированное наблюдение в процессе занятий. Для оценки результатов были выбраны следующие методики: «Опросник поведения дошкольников» Казанцевой О.А., Сычева О.А., Тютеревой Т.А., «Капитан корабля» Смирновой О.Е., Холмогоровой В.М., «Рисунок несуществующего животного», Методика «Рукавички» Цукерман Г.А., Тест руки Э. Вагнера, Методика «Волшебный цветок» Репиной Т.А., «Бусы» Венгера А.Л., Опросник социально-психологической адаптации старших дошкольников и таблица наблюдения за ребёнком в игре. Базы данных были составлены в виде сводных таблиц в программе Excel, а статистическая обработка проводилась с помощью программы IBM SPSS Statistics.

Выборку исследования составили воспитанники детских садов старшего дошкольного возраста, в количестве: 137 детей, в возрасте 5-7 лет, из них 72 ребёнка вошли в экспериментальную группу и 65 детей в контрольную группу.

На основе полученных результатов были сделаны следующие выводы, подтверждающие основную гипотезу: народные игры оказывают позитивное влияние на формирование и развитие социально-психологической адаптации, коммуникативных навыков и умений, навыков самоконтроля и планирования. При первом срезе у 35% детей отмечался низкий уровень социально-психологической адаптации, у 21% детей - высокий, при втором срезе лишь у 11% детей был низкий уровень социально-психологической адаптации, у 42% он стал высоким. До проведения народных игр у 51% детей экспериментальной группы был низкий уровень коммуникативных навыков и умений, после – число детей с низким уровнем развития коммуникативных навыков и умений сократилось в два раза и составило 25%. В случае навыков самоконтроля и планирования собственной деятельности наблюдается малая динамика (до – 19% детей обладало низким уровнем, после – 17%, но при этом повысилось число детей с высоким уровнем данного параметра (28% до и 40% после)). Сократилось число детей с высоким уровнем тревожного и агрессивного поведения. Полученные результаты также позволяют делать вывод о том, что народные игры оказывают положительное воздействие на социометрический статус детей. При первом срезе низкий социометрический статус (игнорируемый и отвергаемый) был у 39% детей, после проведения игровых программ – у 18% детей (что позволяет работать с данным показателем далее).

Также основная гипотеза находит подтверждение в том, что народные игры способствуют формированию и развитию ценностей с направленностью на других. До проведения народных игр у 79% детей преобладала направленность на себя, после проведения процент снизился до 49%, повысился процент детей с направленностью на других (21% до и 51% после проведения народных игр).

Практическая реализация результатов работы возможна как в ДОУ с детьми других возрастов, так как народные игры являются возрастсообразной и культурсообразной формой воздействия на детей дошкольного возраста, так и в иных учреждениях с несовершеннолетними более поздних возрастных периодов (с учетом их возрастных особенностей и потребностей). В работе специалистов данная программа может стать достаточно эффективной психопрофилактической и коррекционно-развивающей альтернативой других более известных в работе не только с социально-психологической адаптацией, но и с другими мишенями воздействия. Программу народных игр возможно освоить в краткие сроки, что позволяет специалистам реализовывать её с первых занятий, также она не требует дополнительных ресурсов.

Литература

1. Гребенщикова Т.В. Модель педагогической поддержки эмоционально-экспрессивного развития детей в дошкольной образовательной организации / Т.В. Гребенщикова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4 (117). – С. 70-76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-pedagogicheskoy-podderzhki-emotsionalno-ekspressivnogo-razvitiya-detey-v-doshkolnoy-obrazovatelnoy-organizatsii> (дата обращения: 10.05.2021).
2. Теплова А.Б., Чернушевич В.А. Коррекционно-профилактический потенциал традиционной игры (планирование экспериментального исследования) [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 296–309. doi:10.17759/psylaw.2019090321

Факторы риска формирования девиантного поведения несовершеннолетних

Воложанина В.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Делибалт В.В.

Проблема девиантного поведения является достаточно распространённой проблемой современного мира. Об этом свидетельствует распространение поведенческих девиаций в социуме, рост преступности, рост случаев суицида, алкоголизации и наркоманизации среди подростков и юношей. Все эти проблемы современного общества делают необходимым решение вопроса о том, как же предотвратить рост девиации в России. А прежде, чем решать такого рода вопрос, нужно понять, каким образом происходит формирование отклоняющегося поведения.

Высокая научная и общественная значимость проблемы отклоняющегося поведения находит подтверждение в многочисленных теоретических и эмпирических исследованиях в рамках таких наук, как социология, социальная и клиническая психология, криминалистика и т.д. Введена отдельная дисциплина, занимающаяся изучением девиантного поведения, – девиантология (Змановская Е.В., Рыוניков В.Ю., 2010). По результатам небольшого исследования, проведённого нами в электронной библиотеке e-library, был сделан вывод о том, что, несмотря на актуальность проблемы девиантного поведения в настоящий момент, важные аспекты этой проблемы, такие, как факторы риска формирования отклоняющегося поведения, остаются не до конца изученными. В основу работы лёг следующий вопрос: Какие социально-психологические факторы влияют на формирование девиантного поведения?

Объектом исследования выступило девиантное поведение и его психологические особенности. Предметом исследования явились факторы риска и механизмы формирования девиантного поведения несовершеннолетних. Целью исследования стало описание и систематизация факторов риска формирования девиантного поведения несовершеннолетних в подростково-юношеском периоде. Основными задачами стало раскрытие понятия «девиантное поведение», обобщение психологических особенностей подросткового и юношеского возрастов, описание факторов риска формирования девиантного поведения. Гипотезой исследования послужило предположение о том, что можно выделить факторы риска формирования девиантного поведения, среди которых наиболее детерминирующими являются социальные факторы.

Под девиантным поведением понимают поступки и действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам (Змановская Е.В., 2003). Отклоняющееся поведение не является ни нормой, ни патологией, находится между ними. Но может перерасти в патологию – расстройство поведения, сочетаться с патологическими формами. Оно имеет множество классификаций, что обусловлено его междисциплинарным характером. Наиболее распространенная

классификация выделяет следующие виды: антисоциальное (противоречащее правовым нормам), асоциальное (уклоняющееся от морально-нравственных норм), аутодеструктивное или саморазрушающее поведение (Змановская Е.В., 2003).

Подростковый и юношеский возраст – кризисный период в жизни человека, является наиболее уязвимым для формирования девиантного поведения. Основными особенностями этого периода являются: 1) освоение «нового тела», изменившегося вследствие физиологических и функциональных изменений; 2) «чувство взрослости», через которое подросток начинает сравнивать себя со взрослыми людьми (Эльконин Д.Б.); 3) кризис идентичности, проявляющийся в поиске себя (Эриксон Э.Х.); 4) своеобразный эгоцентризм, при котором подростки активно себя анализируют, могут поддаваться иллюзии, что все окружающие непрерывно оценивают их; 5) переход к гипотетико-дедуктивному мышлению, подросток не просто познает реальность, но и ищет потенциальные возможности, лежащие за этой действительностью (Александрова Ю.В., 1999).

Риск – это любое условие или обстоятельство, которое повышает вероятность формирования проблемного или отклоняющегося поведения (Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В., 2012). Можно выделить факторы риска формирования отклоняющегося поведения. Природа девиантного поведения неоднозначна, о чём свидетельствуют различные психологические теории. Следовательно, выделяют несколько групп факторов: биологические, психологические и социальные. К биологическим относятся физические и анатомические особенности человека, которые могут затруднять процессы развития и социальной адаптации подростка или юноши (темпы созревания, физическая конституция, типологические свойства нервной системы, органические заболевания мозга, действие гормонов). К психологическим относят акцентуации характера и различные психопатологии, которые могут возникнуть под влиянием биологических и социальных факторов. В группу социальных факторов относят всю социальную среду, описанную в теории экологических систем Ури Бронфенбреннера: микросоциальная и мезосоциальная (семейные отношения, стиль воспитания, атмосфера в школе, межличностные отношения со сверстниками, соседями и т.д.), экзосистема (соседи, работа родителей, друзья семьи, СМИ, юридические и общественные организации), макросистема (установки и идеологии данной культуры).

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты этой работы могут быть положены в основу теоретического обоснования профилактических и реабилитационных программ. Психопрофилактика – направление деятельности психолога, целью которого является предупреждение отклонений в развитии и поведении через создание условий для успешного

формирования и развития личностных ресурсов, способствующих преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2020).

Риск формирования у подростка или юноши девиантного поведения зависит от его способности сопоставлять свои интересы и ценности с требованиями общества. Те подростки, у которых удается минимизировать конфликты между их ценностями и требованиями общества, адаптируются к социальной среде. А те, кто пренебрегает своими ценностями или требованиями общества, склонны к отклоняющемуся поведению.

Биологические особенности – всё, что дано человеку с рождения и является почвой для его дальнейшего развития. Но почва всегда подкрепляется действием множества внешних факторов, которые могут либо подавлять, либо усиливать развитие биологически данных особенностей. Основным выводом данной работы является утверждение о том, что роль социальных факторов в формировании девиантного поведения наиболее высока. Отношения в семье, стиль воспитания, школьная среда, атмосфера в классе, отношения с учителями прямо влияют на формирование отклоняющегося поведения. Всё микро- и мезосоциальное окружение может влиять на формирование тех или иных форм поведенческого отклонения у подростков и юношей.

Литература

1. Александрова Ю.В. Возрастная психология // Характеристика психологических особенностей подростков и юношей: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Современный Гуманитарный Университет, 1999. – 66 с.
2. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 1–14. – URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2020/n2/Bogdanovich_Delibalt.shtml (дата обращения: 02.04.2021).
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. К вопросу обоснования модели профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2012. – Том 4. – № 2. – URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53517.shtml (дата обращения: 02.04.2021).
4. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2010. – 352 с.

5. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 288 с.

Связь профессиональных установок и склонности к девиантному поведению у подростков

Горлов А.К.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Шпагина Е.М.

Поднятая в рамках социологии Э. Дюркгеймом проблема девиантного поведения имеет междисциплинарный, а также дискуссионный характер – ни у зарубежных, ни у отечественных исследователей нет единой точки зрения ни на определение понятия, ни на причины и проявления подобного поведения.

Авторы сходятся в том, что девиантное поведение всегда связано с определёнными несоответствиями поведения, действий, поступков человека с некими правилами поведения, принятыми в группе или обществе, в том числе с ожиданиями, установками или стереотипами (Змановская Е.В., 2008).

Междисциплинарный характер проблемы отклоняющегося поведения является одной из причин отсутствия единой классификации видов девиантного поведения (Колесникова Г. И., 2019).

Одну из наиболее популярных классификаций девиантного поведения предложила Е.В. Змановская (Змановская Е.В., 2008). Автор в качестве критериев классификации выделяет как вид нарушаемой нормы, так и негативные последствия девиантного поведения. Автором выделяются три основных группы девиантного поведения:

1. Антисоциальное или делинквентное. Такое поведение противоречит социальным и правовым нормам, угрожает окружающим людям.

2. Асоциальное или аморальное, характеризующееся нарушением морально-нравственных норм. Оказывает отрицательное влияние на межличностные отношения.

3. Аутодеструктивное или саморазрушающее. Подобное поведение угрожает здоровью, целостности и развитию самой личности, отклоняется от психологических и медицинских норм. Выделяют следующие формы такого поведения: аддиктивное, суицидальное поведение, аутическое, виктминое, деятельность с высоким риском для жизни.

Важно отметить, что классифицирование является оправданным с точки зрения теоретического научного анализа, но зачастую представляется условным, так как в реальности формы и виды девиантного поведения могут пересекаться и сочетаться.

Отклоняющееся поведение чаще всего является результатом взаимодействия многих факторов – как социальных, так и биологических, действие которых в свою очередь преломляется через личностные характеристики и особенности, через систему отношений личности.

У девиантного поведения наблюдаются свои возрастные варианты, соотносящиеся со спецификой возраста (Змановская Е.В., 2008). Ю.А. Клейберг отмечает, что девиантное поведение подростков выступает в качестве самоутверждения (Клейберг Ю.А., 2014). В качестве наиболее ярких проявлений подросткового девиантного поведения В.Д. Менделевич выделяет акселерацию и ретардацию психического и поведенческого развития (Менделевич В.Д., 2008). Девиантное поведение в виде аддикций начинает формироваться в подростковом возрасте (Шабанов П.Д., 2001).

Термин «профессиональные установки» имеет особое значение в современном научном изучении профессионального становления личности. Тем не менее, в значение понятия «профессиональные установки» авторы нередко закладывают разное содержание.

Так, в качестве профессиональных установок И.М. Кондаков понимает моделирование собственного поведения в соответствии с профессиональными задачами (Кондаков И.М., 2003). Также авторы определяют профессиональные установки как стремление овладеть профессией и развиваться в ней (Науменко М.В., Панкратов, И.А., 2015).

Подростковый возраст является своеобразной отправной точкой в профессиональном становлении человека (Шнейдер Л.Б., 2005).

Исследователи отмечают, что выбор профессии для подростка с девиантным поведением чаще всего ограничен социальной дезадаптацией и низким уровнем его знаний. В соответствии с результатами исследования М.В. Науменко, подростки с девиантным поведением имеют крайне ограниченные первичные представления о выборе будущей профессии (Науменко М.В., Панкратова, И.А., 2015). Ю.Н. Гут и М.К. Кабардов отмечают, что временная перспектива подростков с девиантным поведением отличается неопределённостью будущего и отсутствием чётких представлений о нём (Гут Ю.Н., Кабардов М.К., 2018). Е.А. Никитская выделила следующие факторы, негативно влияющие на формирование у подростков с девиантным поведением способности к профессиональному самоопределению: утрата доверия к миру, затруднение в способности принимать собственные ответственные решения, не

всегда четко осознаваемая временная перспектива и связанная с этим неадекватная самооценка (Никитская Е.А., 2017).

Важным фактором, выступающим в качестве установки несовершеннолетних на удержание от повторного правонарушения, может являться наличие важной и осознанной цели (Чиркина Р.В., 2008). Таким образом, одним из конструктивных способов профилактики и решения проблем девиантного поведения в подростковой среде и нивелирования его негативных последствий является стимулирование профессионального самоопределения подростков (Никитская Е.А., 2017). При работе с подростками с девиантным поведением помощь в выборе профессии является не дополнением к воспитательным и коррекционно-развивающим задачам, а одним из средств их реализации (Бусарова О.Р., 2019).

Литература

1. Бусарова О.Р. Профориентационная работа с подростками и юношами с девиантным поведением: опыт подготовки специалистов. [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019(9). № – 3. – С. 35-44. doi: 10.17759/psylaw.2019090303
2. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Минск: Харвест, 2007. – 976 с.
3. Гут Ю.Н., Кабардов М.К. Природные и социальные факторы девиантного поведения у подростков // Психологическая наука и образование. – 2018. – Том 23. – № 4. – С. 80—90. doi: 10.17759/ pse.2018230408
5. Змановская Е. В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 5-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 288 с.
7. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения [Текст]: монография. – М.: Алеф-пресс, 2014. – 231 с.
8. Колесникова Г. И. Девиантология : учебник и практикум для академического бакалавриата. –2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 175 с.
9. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь : Более 600 ил. и 1700 ст. – СПб.; М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003 (М. : ПФ Красный пролетарий). – 508 с.
11. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения : учебное пособие для вузов. – СПб.: Речь, 2008. – 443 с.
12. Науменко М.В., Панкратова И.А. Особенности профессиональных представлений и профессионального самоопределения подростков с девиантным поведением // Вестник евразийской науки. – 2015. – №5 (30). –

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-professionalnyh-predstavleniy-i-professionalnogo-samooopredeleniya-podrostkov-s-deviantnym-povedeniem>

13. Никитская Е.А. Формы психолого-педагогической работы по преодолению негативных факторов в профессиональном самоопределении подростков с девиантным поведением. [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017(7). – № 1. – С. 25-33. doi: 10.17759/psylaw.207070103)
15. Чиркина Р.В. Изменение установок противоправного поведения у несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 31 с.
16. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация. – 2. изд., перераб. и доп. – СПб.: Лань, 2001. – 460 с.
18. Шнейдер, Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. –М.: Трикста: Акад. Проект, 2005. – 334 с.

Предикторы раннего проблемного поведения младших школьников

Даудыш А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ремеева А.Ф.

Младший школьный возраст – важный возраст при формировании личности, в котором можно осуществлять высокоэффективные коррекционные мероприятия. Мы решили выяснить, что вносит наибольший вклад в формирование раннего проблемного поведения, ведь, согласно современным исследованиям, раннее проблемное поведение наблюдается у 35% детей младшего школьного возраста (Францева В.О., 2011). Мы решили проверить, действительно ли данное поведение так широко распространено среди детей изучаемого возраста, ведь чем раньше мы начнем коррекцию, профилактику данного поведения, тем эффективнее мы сможем предотвратить появление делинквентного поведения у подростков, которое сейчас хоть и сокращается, но его уровень все равно остается высоким (Савельев С.В., 2020).

Раннее проблемное поведение определяется как вид отклоняющегося поведения. Исследователями изучались следующие признаки: эмоциональная неустойчивость, агрессивность, повышенная тревожность, зависимость от окружающих, конформность, неспособность справиться с учебной нагрузкой (информация из классного журнала), склонность к уходу от трудных ситуаций, слабость функций самоконтроля, импульсивность, наличие социального

окружения, которое является неблагополучным, наличие статуса в группе сверстников, неудовлетворяющего ребенка, нарушения в детско-родительских отношениях, социальный статус семьи, который является низким, безнадзорность, наличие асоциального или криминального поведения у кого-либо из членов семьи (Бухтиярова О.М., 2016; Шуакбаева Б.С., 2014).

Целью нашего исследования было определено выявление значимых взаимосвязей биологических, психологических, социально-психологических предикторов раннего проблемного поведения у детей младшего школьного возраста с учетом различий между мальчиками и девочками. Биологические предикторы: наследственные, врожденные и приобретенные заболевания различного рода, провоцирующие девиации; психологические предикторы: особенности эмоционально-волевой, мотивационной сфер, особенности темперамента, характера; социально-психологические предикторы: неблагоприятное семейное воспитание, неблагополучный характер межличностных отношений со сверстниками и взрослыми, социальное окружение, которое является неблагополучным (Бухтиярова О.М., 2016; Шуакбаева Б.С., 2014).

В исследовании участвовали дети восьми–девяти лет в количестве 132 человек. Проводилось диагностическое исследование с детьми с помощью методики для оценки уровня школьной мотивации (высокий, хороший уровни, положительное отношение к школе, низкий уровень школьной мотивации, негативное отношение к школе) (Лусканова Н.Г., 1990), методики социометрии для оценки статуса ребенка в группе (звезда, предпочитаемый, принятый, непринятый, аутсайдер) (Морено Я.Л., 2001). Мы проводили включенное наблюдение, после чего заполняли карту наблюдения, по которой анализировали поведение детей. Учителя и психолог давали экспертные оценки, которые легли в основу определения наличия раннего проблемного поведения. От психолога была получена информация о наличии биологических предпосылок появления раннего проблемного поведения (наличие или отсутствие наследственных, врожденных и приобретенных заболеваний различного рода, провоцирующих девиации: поражения центральной нервной системы, тяжелые соматические заболевания раннего возраста, хронические соматические заболевания, наследственная предрасположенность к тем или иным отклонениям (например, синдром дефицита внимания, отягощенный алкоголизмом), задержки психического развития, заболевания с предполагаемым летальным исходом, дефекты анализаторов и органов чувств, психические заболевания).

В ходе исследования нами было установлено, что раннее проблемное поведение представлено в 40% случаев. Раннее проблемное поведение определено у 55% мальчиков и у 45% девочек. Данное различие является

статистически незначимым, поэтому мы не можем сказать, что у мальчиков раннее проблемное поведение присутствует чаще, чем у девочек. В данном возрасте еще неярко представлены различия между мальчиками и девочками в психологическом плане, возможно поэтому распределение представленности раннего проблемного поведения между ними примерно одинаковое.

Было выявлено, какие предикторы и их сочетания влияют на наличие раннего проблемного поведения. У 19% присутствуют все три предиктора при наличии раннего проблемного поведения. Наличие только биологических предикторов – у 21%, наличие только психологических предикторов – у 7%, наличие только социально-психологических предикторов – у 0%. Наличие биологических и психологических предикторов – 19%. Наличие биологических и социально-психологических предикторов – 23%. Наличие психологических и социально-психологических предикторов – 11%. Отсутствие трех предикторов – 0%. Это может говорить о том, что в большей степени присутствует раннее проблемное поведение, когда присутствуют два и более предиктора одновременно. При наличии одного из предикторов оно может быть скомпенсировано другими и тогда раннее проблемное поведение в меньшей мере будет появляться.

Было выявлено, какие предикторы и их сочетания влияют на нормативное поведение. У 5% присутствуют все три предиктора при наличии нормативного поведения. Наличие только биологических предикторов – 9%. Наличие только психологических предикторов – 10%. Наличие только социально-психологических предикторов – 11%. Наличие биологических и психологических предикторов – 5%. Наличие биологических и социально-психологических предикторов – 8%. Наличие психологических и социально-психологических предикторов – 3%. Отсутствие трех предикторов – 49%. Это может говорить, что в большей степени можем наблюдать нормативное поведение, когда отсутствуют все три предиктора. При отсутствии всех трех предикторов не надо ничего компенсировать, и шанс появления раннего проблемного поведения существенно падает.

Было установлено, что из трех предикторов (биологических, психологических, социально-психологических) наиболее существенный вклад вносят психологические предикторы. Биологические предикторы вносят наименьший вклад, это может говорить о том, что здоровье человека оказывает влияние на наличие раннего проблемного поведения, но несущественное. В нашем исследовании полученный результат может зависеть от того, что содержание предикторов, которое мы взяли в исследовании (а именно уровень школьной мотивации для психологических предикторов, статус в группе для социально-психологических предикторов) недостаточно для определения

данных предикторов. Следует более точно определить диагностический инструментарий при выявлении изучаемых предикторов: сформированность личностной рефлексии, уровень самооценки, осознанность волевых действий и сформированность волевых качеств, агрессивность, тревожность, взаимоотношения с детьми вне класса, в котором учится ребенок, а также в биологических предикторах диагностировать конкретные заболевания у каждого ребенка.

Литература

1. Бухтиярова О.М. Причины девиантного поведения подростков [Электронный ресурс] // Методические материалы: Общество с ограниченной ответственностью «Инфоурок». – 2016. – URL: <https://infourok.ru/prichini-deviantnogo-povedeniya-podrostkov-1106696.html> (дата обращения: 19.04.2021).
2. Лусканова Н.Г. Пути психологической коррекции аномалий развития личности. – М.: Медицина, 1990. – 280 с.
3. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковикова. — М.: Академический Проект, 2001. – 383 с.
4. Савельев С.В. В Генпрокуратуре озвучили статистику детской преступности [Электронный ресурс] // Закрытое акционерное общество «Редакция газеты «Московский Комсомолец» – 2020. - URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/09/23/v-genprokurature-ozvuchili-statistiku-detskoy-prestupnosti.html> (дата обращения: 06.03.2021).
5. Францева В.О. Диагностика девиантного поведения у детей разных возрастных групп // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2011. – № 1. – С. 29-31.
6. Шуакбаева Б.С. Основные подходы к объяснению девиантного поведения // Современная психология: материалы III международной научной конференции. – Казань: Бук, 2014. – С. 91-93.

Изучение профилактики аддиктивного поведения среди старшеклассников

Еримбетова А.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Штейнберг И.Е.

Веками ситуация потребления наркотических средств не вызывала в социуме такого глобального беспокойства, как в наше время. Это можно объяснить несколькими мотивами. Первое – это то, что наркотики в различных культурах применялись при проведении некоторых религиозных обрядов и определенных ритуалов. Второе, потребление наркотических веществ совершалось малым количеством взрослых людей, у которых употребление носило осознанный характер и имелись на то обоснованные причины. Третье, наркопотребители не представляли опасности для общества.

К сожалению, в современной наркотизации отмечается снижение возрастного порога начала потребления ПАВ и увеличение связанной с этим преступности, а также передача среди аддиктов серьезных инфекционных заболеваний, например, таких как ВИЧ или СПИД, гепатиты, повышение уровня смертности из-за передозировки наркотических веществ.

Проблема влияния негативных факторов формирования аддиктивного поведения среди подростков, а именно старшекласников, имеет важное значение. Принимая во внимание то, что до нынешнего времени не выяснены до конца все аспекты социальных, психологических и биологических факторов формирования аддикций, также важную роль играет причинно-следственная связь в разборе этой проблемы. Чтобы более четко представлять проблему этой взаимосвязи, нужно обозначить помимо общих условий и факторов, еще и личностные мотивы наркозависимых.

В основе нынешних концепций профилактики аддиктивного поведения лежит принцип: Знания – Отношение – Поведение (Буслаева Е.Л., Михалкин Н.В., 2005). Способы профилактики в рамках этой концепции определяются причинами, способствующими возникновению зависимости. Чаще всего их разделяют на социальные и внутриличностные традиционные технологии по способам определения цели профилактического воздействия. Это приводит не только к профилактике отдельно взятого симптоматического характера, но и к отсутствию единой концепции в разработке профилактических мер в преодолении зависимости.

По мнению многих авторов, превентивные меры по профилактике аддиктивного поведения необходимо начинать с самого раннего возраста – дошкольников, и поэтапно проводить в процессе последующих возрастных периодов (Валентик Ю. В., Вострокнутов Н. В., Гериш А. А., Дудко Т. Н., Тростанецкая Г. Н., 2002). Анализируя данную проблему, Н.С. Видерман пришла к выводу, что «проводимые профилактические мероприятия по предупреждению зависимых форм поведения должны сочетаться с целенаправленным обучением здоровому образу жизни, формированием высокой степени стрессоустойчивости, актуализации конструктивных личностных ресурсов,

навыков адаптивного поведения, способствующих преодолению стресса» (Видерман Н.С., 2004). Подготовка специалистов в этой области – психологов, социальных педагогов, учителей, медицинских работников и юристов – также важна для разработки новой модели профилактики.

Проявление общенаучной и глобальной последовательности прослеживается в области профилактики аддиктивного поведения (не только в обществе, но и в семье). Это выражается в последовательном переходе от описания проявлений зависимости к выяснению и анализу прогностических факторов, их классификации и стандартизации, прогнозированию рисков и множества иных нововведений.

При помощи профилактики во многих странах интенсивно формируются ресурсы обширной базы данных показателей и прогностических факторов риска для стимулирующего привыкание поведения, вследствие чего начинается очерчивание системного предотвращения аддикций новой ступени и качества.

Целью данной работы является выявление неявных и явных характеристик представлений подростков о зависимом поведении.

Задачи данной работы:

1. Изучить теоретические подходы изучения аддикций и аддиктивного поведения.
2. Рассмотреть ценностные ориентации несовершеннолетних с аддиктивным поведением.
3. Изучить результаты исследований аддикций в различных областях научного знания.

Теоретической основой выступили работы следующих авторов: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Божович, Е.Л. Буслаева, Н.В. Михалкин, Н.С. Видерман, Н.В. Власова, Л.С. Выготский, Г.Ф. Голубева, И. Лушагина, Э. Муньягисеньи, Д.С. Ошевский, Е.О. Балашова, В.Д. Менделевич, С.В. Березин, К.С. Лисецкий, Д. Прохазка, Д. Норкросс, К. ДиКлементе.

Чаще встречающиеся разновидности аддикций в среде современных старшеклассников, а также лиц подросткового возраста в основном подразделяются на две группы: химические аддикции, изменяющие психическое состояние, такие, как наркотические и(или) ПАВ, алкоголь; нехимические аддикции, такие, как игромания, пищевые аддикции, кибер-аддикции и так далее.

В начале 1980-х психологами Джеймсом Прохазкой и Карло ДиКлементе была разработана модель для объяснения происходящих преобразований поведения. Согласно данной Тт-модели (транстеоретической модели), каждый человек находится на определенной стадии готовности к модификациям.

Существует пять стадий изменений:

1. Соппротивление: отсутствует мотивация к реализации какого-либо поведения, в промежутке как минимум в течение полугода.
2. Размышление: принятие проблемы. Имеется желание приступить к действиям, но без планирования и особого энтузиазма к действиям.
3. Подготовка: сформировано намерение предпринять попытки что-то делать в ближайший месяц. Подготовка к переменам.
4. Действие: изменения в поведении, активный переход к действиям.
5. Сохранение изменений: положительная динамика изменений на протяжении полугода и/или более. Чувство уверенности в себе и своих силах, а также стимул продолжить менять свое поведение.

Дж. Прохазка и К. ДиКлементе сделали вывод, что без привязки к виду терапии люди проходят аналогичные стадии изменения, предопределяемые как временным промежутком, так и перечнем задач, которые будут решены данным человеком, чтобы перейти на следующий этап (Norcross et al., 2011).

Также стоит подчеркнуть, что профилактика аддиктивного поведения носит комплексный характер и должна проходить с участием педагогов, психологов, медиков и сотрудников правоохранительных органов, в частности инспекторов по делам несовершеннолетних и КДН.

Можно поставить перед профилактической работой задачу формирования не столько полностью отрезвляющей (самостоятельной) позиции, сколько достаточно реалистичной. То есть принять меры для того, чтобы школьник, осознавая опасность игромании, курения, потребления алкоголя и наркотиков, научился игнорировать соблазн, не впадал в крайности и отдавал себе отчет о последствиях собственных действий. Этот способ построения превентивных мер содержит риски, потому что человек часто не может соотносить, сравнивать кратковременные радости и их долгосрочные последствия, а подросток тем более.

Более верной моделью нормативного поведения людей в этой области предполагается отсутствие зависимости, а это значит, что человек полностью будет контролировать свои действия, то есть нести ответственность и быть свободным от вредных привычек. В частности, на формирование такой независимости, сочетающейся с настроением на здоровый образ жизни, и должна быть направлена профилактика аддиктивного поведения.

В отечественной психологии основные понятия закономерного развития в подростковом и юношеском периодах отражены в работах Л.С. Выготского (Выготский Л.С., 2005), Д.Б. Эльконина, Л.И. Божович (Божович Л.И., 1968), Д.И. Фельдштейна (Фельдштейн Д.И., 1987) и других.

Литература

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
2. Буслаева Е.Л., Михалкин Н.В. Ценности современного российского общества: философско-психологический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. – 2005. – №1 – С. 62.
3. Видерман Н.С. Социальный педагог в сфере профилактики наркомании // Психологическая наука и образование. 2004 г. – № 4 – С.80-84.
4. Выготский Л.С. Проблема возраста // Хрестоматия по детской психологии от младенца до подростка. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2005. – 656 с.
5. Психология современного подростка / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: Педагогика, 1987 г. – 236 с.

Психологические особенности личности в подростковом возрасте

Иванов С.А.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Научный руководитель – Семакова А.И.

Негативные тенденции общественного развития особенно болезненно отразились на преобладающей части подростков, обусловив «кризис социализации», девальвацию традиционных культурных ценностей, что неизбежно нашло свое отражение в различных формах деструктивного поведения. Такие явления, как социальная дифференциация и сопутствующий ей рост асоциальности, стремление к созданию субкультурных форм бытия существенно обострили противоречия в подростковой среде, тем самым обусловив рост девиантных проявлений.

Переход к зрелости от детства для подростка характеризуется неравномерностью, что усугубляется условиями современного общества.

В жизни большинства современных школьников проявляются противоречивые аспекты:

1) замедляющие взросление (гиперопека родителей, исключение бытового труда из жизнедеятельности ребенка, увеличение трудозатрат на обучение при снижении других обязанностей);

2) ускоряющие взросление (увеличение объема информации, ускорение физических аспектов развития и полового созревания, увеличение

ранней самостоятельности детей по причине уменьшения времени, уделяемого родителями) (Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., 1976; Григорович Л.А., 2017).

Повышенная склонность к депрессии, неуверенность в себе, заниженная самооценка, повышенная подозрительность и проявление тревожности на фоне эмоциональной нестабильности являются частым следствием трудностей в переходном возрасте. Ощущение взрослости является характерным новообразованием переходного возраста. Появляется существенное стремление становления взрослым в связи с пониманием подростка, что он уже не является ребенком. Восприятие окружающими личности подростка является основным желанием индивида во время взросления в связи со стремлением быть самостоятельным и независимым. Если взрослые продолжают относиться к подростку как к ребенку, то это может приводить к возникновению протеста, что может принимать самые разные формы.

В результате принятия подростком разных социальных ролей он выделяет для себя наиболее подходящие и приспособленные паттерны поведения (Жураковский Г.Е., 2013). Становление и развитие способностей подростка происходит совместно с формированием когнитивных процессов: креативность, обучаемость, интеллект, а также творческие способности достигают максимума (Авдулова Т.М., 2018).

Эмоционально-волевая сфера деятельности подростков претерпевает многочисленные изменения. Встреченные препятствия и трудности, а также умение их преодолевать с упорством и настойчивостью, необходимыми для достижения цели, приводят к значительному развитию волевых черт характера в подростковый период. В старшем школьном возрасте уже проявляются способности к волевой деятельности в отличие от младшего школьного возраста, которому свойственны лишь отдельные волевые действия. Осуществление запланированных целей, как и их постановка, проходит самостоятельно. Претерпевают развитие такие качества, как ответственность, патриотизм, моральная устойчивость.

Эстетическое отношение к окружающей среде формируется в этот период, а также важной характеристикой этого возраста являются сложные эстетические чувства. Мотивационная составляющая жизни подростков подвергается изменениям. Как относительно самого себя, так и относительно окружающей действительности возрастает познавательный интерес и достигает своего пика. Профессиональные и личностные интересы подвергаются формированию под действием интереса подростка к различным явлениям и новым видам деятельности. В центре внимания подростка находятся явления, к которым он испытывает также и нравственный интерес, поскольку в процесс познания окружения он эмоционально вовлечен.

Направленность и характеристики личности формируются к завершению подросткового периода, а на протяжении всего этапа взросления формируются убеждения, мировоззрение и идеалы.

Для подростка часто бывает мучительным вопрос «Кто я?», поскольку его интерес к характеристикам и свойствам собственной личности достигает своего экстремума. Подросток часто сравнивает себя с другими, оценивает их суждения и действия, примеряет на себя и использует полученную информацию для оценки своих поступков и использует это для формирования собственного суждения, тем самым иллюстрируя интерес к самому себе и своей личности (Злоказов К.В., Ильянкова Е.И., 2020). Самоанализ, исследование себя и своих поступков формируют представления подростка о себе путем сопоставления себя с другими (Айхорн А., 2017). Одним из основных новообразований к концу подросткового периода является концепция личности, «Я».

Основополагающим мотивационным подкреплением для подростка является его желание самопознания, самоутверждения, самовыражения (Семакова А.И., Ильянкова Е.И., 2021). Общение для подростка играет мажоритарную роль, особенно со сверстниками, посредством него происходит реализация вышеперечисленных стремлений подростка, что и становится ведущей деятельностью. Взрослые часто вторгаются в эти процессы, что неизбежно приводит к конфликтам. Конфликты возникают тогда, когда взрослые пытаются контролировать, наказывать, ограничивать, требовать от подростка подчинения, повиновения, не принимают во внимание его желания и интересы. Такие методы абсолютно неприемлемы, так как они травмируют психику подростка и разрушают доверие. Подростку должно быть предоставлено больше возможностей для самостоятельного принятия решений, право выбора, сформировано чувство ответственности за свои поступки.

Таким образом, взрослым (родителям, педагогам, тренерам) необходимо выстраивать отношения с подростками, чтобы у последних имелась благодатная почва для развития таких чувств, как патриотизм, интернационализм, ответственность. Ведь под влиянием общества формируется мировоззрение, нравственные убеждения и идеалы подростков. Взрослому окружению также необходимо создавать условия и для развития волевых черт характера несовершеннолетнего: настойчивость и целеустремленность.

Литература

1. Авдулова Т.М. Возрастные кризисные явления в формировании идентичности подростков: моногр. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. – 132 с.

2. Айхорн А. Трудный подросток. - М.: Эксмо-Пресс, Апрель-Пресс, 2017. – 304 с.
3. Григорович Л. А. Проблема нравственного развития подростка: моногр. – М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный университет, 2017. – 248 с.
4. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности – Мн.: Изд-во БГУ, 1976. – 178 с.
5. Жураковский Г. Е. Педагогические идеи А. С. Макаренко. – М., 2013. – 328 с.
6. Забродина Д.С. Структура самосознания подростков с суицидальными намерениями: моногр. – Саарбрюккен: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. – 132 с.
7. Забрамная С. Д. От диагностики к развитию. – М.: Новая школа, 2017. – 53 с.
8. Злоказов К.В., Ильянкова Е.И. Роль особенностей личности в репрезентации несовершеннолетними регламентированного социального пространства // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 3. – С. 81-90.
9. Семакова А.И., Ильянкова Е.И. Психологические аспекты внушаемости несовершеннолетних, совершивших кражи в составе группы // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2021. – № 1. – С. 73-77.

**Оценка социальных проектов: социально-психологическая
детерминация участия экспертов в сфере детства**

Кузнецова Н.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чиркина Р.В.

В реализации социальных проектов активное участие принимают НКО, в том числе при поддержке государства, выделяющего для этого гранты и заинтересованного в успешности поддержанных проектов. К публичной оценке реализованных проектов привлекаются не только эксперты, но и представители органов власти, общественных палат, руководители реализуемых и завершенных проектов, их благополучатели и все желающие (Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С., 2016). Задача инициаторов оценки состоит в привлечении к ней как можно большего количества заинтересованных сторон, так как оценка способствует повышению эффективности проектов, распространению успешных практик.

Система организации оценки реализованных социальных проектов, существующая в настоящее время, недостаточно информативна. Во многом это обусловлено крайней простотой системы вынесения оценки, а также небольшой заинтересованностью в ней различных групп стейкхолдеров, в частности экспертов-профессионалов. Социально-психологическое осмысление мотивации стейкхолдеров в проведении оценки реализованных проектов позволяет оценить обусловленность выбора и качества проведенной оценки (Автономов А.С., Хананашвили Н.Л., 2016).

Соответственно, целью нашего исследования стало выявление и описание особенностей социально-психологических детерминант участия различных групп стейкхолдеров в оценке результатов проектов.

Тема мотивации достаточно проработана в психологической науке, имеются различные точки зрения как отечественных, так и зарубежных ученых. В то же время, мотивация участия в оценивании социально-значимой деятельности затрагивает аспекты социального, нравственного и психологического характера, что требует проработки системного подхода к ее пониманию и обуславливает актуальность изучаемой проблемы (Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С., 2016).

Модель исследования включала следующие **гипотезы**:

- По проектам, реализованным в сфере детства, в оценке участвует большее количество экспертов, чем в проектах других направлений, дается более развернутое пояснение к оценке.
- Мотивация экспертов, неоднократно участвующих в оценке проектов на безвозмездной основе, построена на ценностно-смысловых базисах.
- Мотивация к завершенной оценке коррелирует с определенным типом стейкхолдеров, участвующих в оценке.

В рамках исследования были использованы следующие методы:

1. Анализ данных по оценке реализованных проектов Фонда президентских грантов.
2. Полуструктурированное интервью Мотивация к участию в оценке реализованных проектов (Н.Кузнецова, Р. Чиркина)
3. Опросник Мотивация к участию в оценке реализованных проектов (Н.Кузнецова, Р. Чиркина)
4. Методика Ш. Шварца «Ценностные ориентации» (Карандашев В. Н., 2004).
5. Методы статистического анализа (U-критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ, кластерный анализ).

В результате проведенного исследования были выявлены особенности социально-психологических детерминант, характеризующие различные типологические группы стейкхолдеров.

К социальной детерминации оценки отнесены следующие показатели:

- время, потраченное на оценку;
- выбор темы проекта для оценки (сфера детства; сфера, популяризованная СМИ; сфера, актуальная на определенный период и т.д.);
- заинтересованность в оценке проекта (оценка своего/не своего проекта);
- заинтересованность в результате;
- альтернативность (дать рекомендации, а не просто оценить);
- оценка с точки зрения опыта эксперта, эксперта-профессионала, получателя услуги.

К показателям психологической детерминации оценки были отнесены:

- активная жизненная позиция эксперта, его эмоциональная включенность;
- мотивация обучением,
- мотивация долженствованием;
- потребность в подтверждении своих умозаключений и мировоззрения;
- потребность в эмоциональном впечатлении от проекта;
- потребность в значимости своей оценки.

Эксперты в области детства, наиболее стабильно и заинтересованно участвующие в оценке проектов на безвозмездной основе, предпочитают ценности универсализма и стабильности.

В заключение важно отметить, что мотивация участия различных групп стейкхолдеров в оценке реализованных проектов рассматривалась нами с точки зрения внутренней детерминации, которая не мотивируется жестким долженствованием. Соответственно, процессы добровольного включения человека в какую-то дополнительную активность свидетельствуют о заинтересованности людей в результате. Эта заинтересованность определяется ценностно-смысловым выбором, значимо отличающим различные группы стейкхолдеров друг от друга. Работа с определенным типом стейкхолдеров дает возможность мотивировать каждого, исходя из его внутренних побуждений. На основании этого могут быть предложены определенные методические рекомендации для оптимизации процесса оценки реализованных проектов.

Литература

1. Автономов А.С., Хананашвили Н.Л. Экспертиза в оценивании социального проекта / под общ. ред. А.С. Автономова. – М.: Юрист, 2016. – 224 с.

2. Карандашев В. Н. К 21 Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – СПб.: Речь, 2004. – 70 с.
3. Рождественская Н. В., Богуславская С. Б., Боброва О. С. Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. – СПб, Издательство Политехнического университета, 2016. – 168 с.

Психологические последствия пренебрежения нуждами ребенка

Кумыкова А. Х.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Нуцкова Е. В.

Проблема жестокого обращения в отношении детей является крайне актуальной в современном мире. Один из видов жестокого обращения, пренебрежение нуждами ребенка, представляет собой форму нефизического насилия и отсутствие элементарной заботы, что зачастую сложно выявить и предотвратить. Из-за пренебрежения нуждами ребенка нарушается его эмоциональное состояние и находится под угрозой здоровье и развитие. При этом, пренебрежение нуждами ребенка весьма обширное понятие, которое может сопровождаться насилием. Само понятие «насилие» в контексте нашей проблемы подразумевает пренебрежение родителями своими обязанностями, невнимание, эмоциональная холодность, грубость по отношению к детям, унижение человеческого достоинства и любое нарушение внутренней границы личностных переживаний (Волкова, Е.Н., Исаева О.М., 2013).

Нами было проведено исследование, целью которого являлось теоретическое и эмпирическое изучение психологических последствий пренебрежения нуждами ребенка.

Материал и методы исследования. Была разработана Программа психопрофилактики жестокого обращения с подростками в семьях, в которой приняли участие подростки в количестве 82 человек, распределенных в 6 экспериментальных групп по 10-14 человек, а также 30 родителей (или лиц, их замещающих).

Цель программы: апробировать программу по работе с детьми, прошедшими через пренебрежение нуждами ребенка как форму жестокого обращения; повышение успешности подростка в сфере взаимодействия с взрослыми и сверстниками.

Эмпирическая часть была проведена на базе ЦПСИД Печатники.

В самом начале экспериментальной части нами было проведено исследование с подростками в ЦПСИД в количестве 108 человек по «Методике проективного интервью для оценки распространенности насилия» (автор Волкова Е.Н. и др.), после чего была использована методика «Карта наблюдений» (автор Волкова Е.Н. и др.), а также, в качестве инструментария определения особенностей психологического развития несовершеннолетних, находившихся в условиях психотравмирующего события, использовался метод опроса.

Было решено провести сравнительный анализ показателей испытуемых экспериментальной группы и контрольной группы по методикам «Карта наблюдений», «Проективное интервью» и опросу.

По полученным результатам 26 человек не отнесены к подросткам, перенесшим пренебрежение нуждами ребенка или насилие, и выступали в качестве контрольной группы.

Дальнейшее исследование проводилось только с 82 подростками, которые были определены в 6 экспериментальных групп (в количестве от 10 до 14 человек).

Исследовательская работа проводится в три этапа.

Первый констатирующий этап – диагностика пренебрежения нуждами ребенка как формы жестокого обращения. На данном этапе были предложены следующие методы работы: анкетирование детей и взрослых с целью изучения существенных характеристик форм жестокого обращения в семье глазами подростков и взрослых; психологическое тестирование, позволяющее выявить группу подростков, подвергшихся пренебрежению нуждами ребенка; из числа выявленных подростков определить их уровень агрессивности и тревожности на начало эксперимента.

Второй этап (формирующий этап эксперимента) – психокоррекционная работа с подростками как жертвами пренебрежения нуждами ребенка и психопросветительская работа с членами их семей.

1. Психокоррекционная работа с подростками, подвергшимися пренебрежению нуждами ребенка.

Основная цель работы специалистов с подростками, подвергшимися пренебрежению нуждами ребенка, заключается в формировании навыков, которые смогут помочь личности адаптироваться к изменяющимся условиям, и исправление особенностей психологического развития человека, которые выходят за пределы возрастной или социальной нормы, установленных в обществе, используя психологические инструменты.

2. Психопросвещение семей.

Психопросвещение направлено на формирование у целевой группы положительных установок по отношению к психологической помощи, включающей лекции, диспуты, обсуждение видеоматериалов, тренинги и т.д.

Третий этап – контрольный. Предполагал повторную диагностику подростков, определяющую уровень их тревожности и агрессивности после апробации разработанной нами Программы.

Так как большинство случаев пренебрежения нуждами ребенка как формы жестокого обращения в семье можно определить по внешним признакам поведения ребенка, было решено провести сравнительный анализ показателей испытуемых основной группы и контрольной группы по методике «Карта наблюдений».

Результаты и их обсуждение.

Проведенный в исследовании сравнительный анализ показал, что уровень тревожности в конце эксперимента снизился по сравнению с началом, также, как и уровни ситуативной и личностной тревожности (более 7%).

Групповые занятия и психологические консультации дали ожидаемый результат: из 82 подростков, испытывающих трудности общения со сверстниками, у 32,9% человек можно наблюдать повышение коммуникативных навыков. Однако восстановить доверие к взрослым оказалось сложной задачей: также 32,9% подростков показали положительную динамику.

В результате реализации программы мы выявили, что те подростки, права которых в семье нарушаются, обычно имеют те или иные трудности в адаптации: трудности в обучении, агрессивность поведения, повышенный уровень тревожности, трудности взаимодействия со сверстниками и взрослыми и т. д.

По данным нашего исследования можно уверенно сказать, что апробированная Программа показала хорошие результаты ее использования и может быть предложена другим социальным учреждениям, работающим с детьми, подвергшихся пренебрежению нуждами ребенка как форме жестокого обращения.

Материалы данной работы могут быть применены на практике – в работе психологических служб Центров социального обслуживания.

Литература

1. Волкова, Е.Н., Исаева О.М. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей [Электронный ресурс]. – Н. Новгород: ЗАО НРЛ «Нижегородская радиолaborатория», 2013. – 97 с. – URL: <http://concord.websib.ru/wp-content/uploads/2018/11/Диагностика-распространенности-насилия-и-жестокого-обращения-среди-детей.pdf> (дата обращения 24.04.2021).

Исследование психологических проблем в детско-подростковом возрасте у взрослых, совершивших суицидальные попытки (на примере проблем детско-родительских отношений)

Лешукова В.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Дозорцева Е.Г.

Проблема суицидального поведения России является одним из важных вопросов социальной политики государства и обуславливает изучение различных аспектов психического здоровья граждан. По данным ВОЗ Россия находится на третьем месте в списке стран с наибольшим количеством самоубийств. Суицид является ведущим показателем среди внешних причин смерти, а наибольшее количество завершенных суицидов приходится на лиц трудоспособного возраста.

Актуальность изучения факторов, обуславливающих суицидальное поведение, приобрела особое значение в рамках изменяющихся социальных и экономических условий, поскольку за последний год отмечено увеличение количества суицидальных попыток.

Суицидальное поведение опосредовано системой личностных характеристик субъекта и особенностями его взаимоотношений с окружающей социальной средой, психотравмирующим воздействием детско-родительских взаимоотношений. Риск суицидального поведения во взрослом возрасте может быть связан с проблемами детско-родительских отношений в подростковом периоде.

Недостаточная изученность связи между актуальными проблемами настоящего во взрослом возрасте и психологическими травмами детско-подросткового периода детерминировала цель исследования, которая заключается в определении связи особенностей детско-родительских отношений в подростковом возрасте со склонностью к суициду у взрослых.

Основной причиной суицидальных действий большинство психологов считают социально-психологическую дезадаптацию личности, которая зачастую проявляется в разной степени и в разных личных формах. Детско-родительские отношения целесообразно изучать как совокупность психофизиологических, эмоциональных и сознательных связей между детьми и родителями.

На желании уйти из жизни во взрослом возрасте сказываются психологические травмы детско-подросткового возраста. Поэтому необходимо выявить связи психологических проблем молодых людей в детско-подростковом

возрасте и суицидальными попытками во взрослом возрасте и определить микро- и макросоциальные факторы, детерминирующие деструкции и риск суицидального поведения у молодых людей.

Гипотеза исследования состоит в том, что молодые люди, которые в детско-подростковом возрасте в большей степени были подвержены травмам взросления, обусловленным взаимоотношениями с родителями, более подвержены риску суицидального поведения.

В исследовании приняли участие 57 человек в возрасте от 19 до 37 лет. Выборка разделена на две группы. Основную группу составили 27 человек, у которых выявлена склонность к суицидальному поведению в виде суицидальных попыток, пациенты ГБУЗ г. Москвы «ПКБ№ 4 им. П.Б. Ганнушкина ДЗМ». Группа сравнения состоит из 30 человек, условная норма, без психических и физических патологий, не было попыток суицида.

Методики исследования направлены на определение степени суицидального риска, уровня выраженности депрессии, особенностей детско-родительских отношений в период подросткового возраста респондентов и эмоционального отношения к семье в данный период.

В работе использовались следующие методы и методики исследования:

1. Опросник суицидального риска в модификации Т.Н. Разуваевой (Рогов Е.И., 2019). Опросник предназначен для диагностики суицидального риска, выявления уровня сформированности суицидальных намерений с целью предупреждения попыток самоубийства.
2. Шкала депрессии А.Т. Бека (Рогов Е.И., 2019). Шкала предложена А.Т. Беком в 1961 г. и разработана на основе клинических наблюдений, позволивших выявить ограниченный набор наиболее релевантных и значимых симптомов депрессии и наиболее часто предъявляемых пациентами жалоб.
3. Опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) И.М. Марковской (Изучение детско-родительских отношений..., 2007). Модификация для взрослых (оценка отношений с родителями в подростковом возрасте). Методика предназначена для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей. Опросник позволяет выяснить видение взаимодействия с позиции ребенка. В нашем случае респонденты оценивали утверждения, ориентируясь на свои ощущения и переживания, отношения с родителями в подростковом возрасте.
4. Тест «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана) (Практикум по возрастной психологии, 2002). Опросник изучает установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом возрасте. Методика

базируется на положении о том, что воспитательное воздействие родителей (так, как это описывают дети) можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: принятие - эмоциональное отвержение, психологический контроль - психологическая автономия, скрытый контроль - открытый контроль.

5. Методы математической статистики:

- U-критерий Манна-Уитни для сравнения показателей детско-родительских отношений и склонности к суициду у взрослых в группах.
- критерий ранговой корреляции Спирмена применен с целью определения связи особенностей детско-родительских отношений в подростковом возрасте со склонностью к суициду у взрослых в группах.

Результаты исследования:

1. Детско-родительские отношения в подростковом возрасте различны у взрослых, склонных и не склонных к суицидальному поведению. Родители респондентов, склонных к суициду, отличаются чрезмерным проявлением строгости, применением суровых мер наказания, жесткими правилами и принуждением. Воспитание в семьях данной группы характеризуется непоследовательностью и несогласием с ребенком в различных жизненных ситуациях.

2. Респонденты, склонные к суициду, в подростковом возрасте считали, что родители не принимают и отвергают их как личность. К ребенку зачастую демонстрировали безразличие, унижали, матери игнорировали потребности ребенка, его личностные особенности.

3. Отношения в семьях респондентов, не склонных к суицидальному поведению, более гармоничны. Респонденты данной группы считают, что родители воспитывали их правильно, они являются для детей авторитетом. Такие родители стремились учитывать мнение своего ребенка, принимая его личностные качества и поведение. Родители респондентов, не склонных к суициду, чаще демонстрировали позитивный интерес к ребенку, дети ощущали помощь, поддержку и заботу.

4. Особенности детско-родительских отношений, характерные для респондентов с повышенным риском суицида, состоят в следующем: строгость и жесткость в воспитании, переходящие в насильственные действия, установление эмоциональной дистанции и отсутствие согласия в понимании жизненных ситуаций.

Литература

1. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: учеб. пособие. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2019. – 480 с.

2. Изучение детско-родительских отношений: методические рекомендации / Составители О.Е. Мухордова, Т.В. Шрейбер. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 124 с.
3. Практикум по возрастной психологии: учеб. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. – СПб.: Речь, 2002. – 670 с.

Психологические особенности правовой культуры у старших школьников

Мельник М.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Богданович Н.В.

Правовая культура – это неотъемлемое составляющее любого государства. Наличие правовой культуры не зависит от каких-либо определенных форм правления в государстве, не зависит от каких-либо определенных законов, системы, общества, ее наличие подтверждается существованием государства, страны, республики или иной малой или большой группы. Она способна изменяться, развиваться или деградировать и напрямую зависит от того, как изменяется вся система государства и общества.

Рассмотрев и проанализировав понятие правовой культуры и ее составляющих в различных направлениях ее изучения, можно выдвинуть следующее определение. Правовая культура – это совокупность составных частей правовой сферы, тесно связанная с другими направлениями культуры общества. Правовая культура государства включает в себя правовую систему (структура, состав, законы и т.д.), ее эффективность (правомерность и неправомерность поведения и правосознания у граждан), ее исторические изменения (что на что повлияло и к чему привело) и ожидания граждан относительно влияния данной системы на них и государство в целом. Правовая культура личности обусловлена историческим аспектом (зависимость от изменения государства и общества), состоит из влияния социума на формирование, изменение и развитие правовой активности (входящей в состав правовой культуры личности), включающее в себя правовое поведение (правомерное и неправомерное), которое регулируется другими составляющими правосознания (знание, оценка правовой системы, ее эффективности и намерения придерживаться ее нормам), включая ожидания, и дополнительными ценностными и волевыми компонентами, не связанными с правовой сферой, но

влияющие на соответствие или не соответствие ее установленным нормам (моральные взгляды, нравственность и т.д.).

Нами было проведено исследование, в котором принял участие 131 респондент, молодые граждане в возрасте от 14 до 35 лет (исследуемая группа – 9-ые и 11-ые классы гимназии Московской области; группы сравнения – лица, окончившие школу, студенты и работающие граждане и лица более старшего возраста от 36 до 50 лет). Из них 47 респондентов мужского пола и 84 женского.

В данном исследовании на выявление психологических особенностей правовой культуры у старших школьников использовались следующие методики: адаптивный вариант методики под правовую культуру «Инструмент оценки организационной культуры – OCAI – Organizational Culture Assessment Instrument» К.С. Камерона, Р. Э. Куинна; Тест правового и гражданского сознания Л.А. Ясюковой; Методика «Шкала оптимизма и активности» (адаптированная Шкала «AOS – Arousability and Optimism Scale» И.С. Шуллера и А.Л. Комуниани) Н.Е. Водопьяновой и М. Штейна; Тест Культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенда в варианте Л.Г. Почебут.

Были получены результаты, показывающие некоторые психологические особенности, характерные для старших школьников.

Имеются значимые результаты для группы – старшие школьники (14-17 лет).

Так, группа старших школьников давала большее количество баллов при выборе «Адхократического» типа правовой культуры текущего состояния, но меньше при выборе «Рыночного» типа правовой культуры текущего состояния относительно молодых совершеннолетних граждан. Получается, группа старшеклассников характеризует правовую культуру как ориентированную на экспериментирование и новаторство, где поощряется личная инициатива, свобода, готовность рисковать, и в которой не так много ориентации на конкурентоспособность, соперничество, стремление побеждать, добиваться поставленной цели не только у граждан, но и у самой структуры. При выборе типа культуры группа учащихся старших классов относительно совершеннолетних молодых граждан давала меньше баллов Традиционному типу, но больше баллов Современному типу культуры, это значит, что они считают, что общество в данной культуре ориентируется больше на настоящее, современные события, чем на прошлое, историю и традиции. Права человека, его свобода и независимость находятся в приоритете.

Имеются различия относительно половой принадлежности: респонденты мужского пола группы учащихся старших классов давали больше баллов предпочтительному типу правовой культуры «Иерархический (бюрократический)», чем респонденты женского пола той же группы. То есть,

старшеклассники мужского пола предпочли бы правовую культуру с объединенными формальными правилами и официальной политикой, где деятельность управляется процедурами, внимание направлено на стабильность и контроль, долгосрочную предсказуемость. Можно сказать, что респондентам мужского пола рассматриваемой группы, возможно, не хватает данных проявлений характеристик в правовой культуре, в которой они живут.

Респонденты мужского пола группы совершеннолетних граждан (18-50 лет) давали более низкие баллы уровня правосознания в гражданской сфере, чем респонденты женского пола данной группы. Также респонденты женского пола возрастной группы от 36 до 50 лет давали более высокие показатели уровня правовых знаний и оптимизма, чем респонденты мужского пола рассматриваемой группы. При этом уровень правового и гражданского сознания для несовершеннолетних и совершеннолетних граждан примерно одинаков.

Также у группы старших школьников имеется тенденция к приписыванию более высоких баллов активным чертам, таким как энергичность, жизнерадостность, беспечность, склонность к риску, безмятежность, чем для лиц более старшего возраста от 36 до 50 лет, для которых наоборот более характерны такие пассивные черты, как тревожность, боязливость, нежелание что-либо делать, неуверенность в себе.

В дальнейшем полученные результаты можно учитывать при создании программ развития правовой культуры разных возрастных групп. Принимая во внимание различия и сходства выделенных возрастных групп, можно предположить, в каких сферах имеется недостаток знаний, как граждане настроены на дальнейшее развитие событий в их жизни, а так как правовая культура так или иначе входит в их жизнедеятельность, то и относительно нее тоже. В особенности, необходимо учитывать, что представленные результаты относительно уровня правосознания примерно одинаковы, начиная с 16 лет вплоть до среднего возраста, что может говорить о недостатке просветительской деятельности и правового воспитания граждан.

Чувствительность к справедливости и личностные особенности молодых взрослых

Орехов В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

В психологических теориях справедливости рассматриваются сочетание индивидуальных особенностей и ситуаций, влияющих на познание, эмоциональное переживание и поведение в отношении явлений, связанных со справедливостью. Исследования данной проблемы проводились на внутриличностном, межличностном и межгрупповом уровнях.

Справедливость представляет интерес как регулятор социально-психологических отношений. Распределительная справедливость проявляется в действиях, связанных с необходимостью распределять некоторые блага среди группы людей, будь то денежное вознаграждение или похвала. Переживание несправедливости возникает там, где нарушаются нормативные ожидания, где вклады и результаты субъекта не сбалансированы по сравнению с другими (Adams J.S., 1965).

Основанием для изучения проблемы справедливости может быть не только собственное и чужое благополучие, но и глубинные представления о том, кто и при каких условиях заслуживает блага или несчастья, наказания. Важной категорией для понимания того, как в индивидуальном развитии свое место получает «право достойного», является личный договор. С развитием способностей к прогнозированию человек принимает то, что его отказ от сиюминутных желаний в долгосрочной перспективе принесет большее удовлетворение, и в итоге он получит то, что заслуживает. Условием для этого должна выступать относительно стабильная среда, в которой прогнозы могут сбываться. Несправедливость является угрозой для среды, когда кто-то в ней не получает того, что он заслужил. Тот, кто мотивирован на долгосрочные вклады ценой сиюминутных потребностей, также будет стремиться защитить среду от угрозы несправедливости (Lerner M.J., 1977).

Относительно недавней сферой исследования стали индивидуальные особенности, с которыми человек проявляет себя в ситуациях, связанных со справедливостью. М. Шмитт изучал общий субъективный фактор, мало зависящий от изменения ситуации – чувствительность к справедливости. Было изучено несколько показателей, которые в совокупности позволяют судить о чувствительности к справедливости: частота обнаружения несправедливых ситуаций, интенсивность переживаемого гнева, навязчивость мыслей о несправедливом событии, стремление к возмездию. Также было установлено, что в той или иной позиции (нарушитель справедливости, свидетель, жертва и бенефициар) чувствительность к справедливости может различаться (Schmitt M., 2005).

Целью нашей работы является исследование связи между чувствительностью к справедливости и индивидуальными личностными особенностями в юношеском возрасте.

Гипотеза исследования: существует связь между выраженностью ведущих тенденций и чувствительностью к справедливости в четырех позициях (жертва, свидетель, нарушитель, бенефициар).

Процедура исследования включала в себя заполнение анкет на онлайн платформе Google Forms, респондентам было предложено перейти по ссылке на исследование и ответить на вопросы.

Выборку составили студенты города Москвы, 72 юноши и девушки в возрасте от 18 до 25 лет. Выборка не уравнена по полу, что является ограничением данного исследования (15 юношей и 57 девушек). Респонденты отвечали на вопросы четырех анкет в следующем порядке: социальная анкета, Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик, ВРАQ-24 (адаптация С.Н. Ениколопова и Н.П. Цибульского), чувствительность к справедливости (адаптация А.А. Адамян), анкета для обратной связи. Для статистического анализа данных использовался непараметрический критерий – коэффициент корреляции Спирмена.

Была обнаружена слабая отрицательная связь стеничности (III) с чувствительностью в позиции бенефициара и нарушителя ($p < 0,05$). Это соответствует общей эгоцентрической направленности тенденции. Активное отстаивание своих интересов было бы невозможно в случае, если бы человек обнаруживал, что приобретает нечто вследствие несправедливости, которую порождает своей собственной активностью. Это согласуется также с положительной связью по шкале физической агрессии ВРАQ-24.

Слабая положительная связь между ригидностью (IV) и чувствительностью к справедливости в позиции жертвы и свидетеля ($p < 0,05$) соответствует одному из четырех измерений, заложенных в модель чувствительности к справедливости, – устойчивость мыслей о несправедливом событии. Субъективизм, подозрительность могут способствовать восприятию ситуации как несправедливой в отношении себя или других. Общая тугоподвижность может быть связана с преобладанием выжидательной, пассивной позиции. Это могло бы объяснить отсутствие связи с чувствительностью в позиции бенефициара и нарушителя.

Выявлена слабая положительная связь сензитивности (VI) и чувствительности в позициях свидетеля, бенефициара, нарушителя ($p < 0,05$). Она соответствует одному из четырех измерений, заложенных в модель чувствительности к справедливости, – частота переживаемой несправедливости, которую автор теории связывает, в том числе, с низким уровнем порога чувствительности. Общая чувствительность, вероятно, может вносить вклад и в специфическую, связанную с восприятием справедливости. Все три позиции также относят к просоциальным в отличие от чувствительности в позиции

жертвы. При выраженности данной тенденции для человека может быть характерна гуманность как черта характера. Конформность, характерная для сензитивных личностей, позволяет поступиться своими интересами, что было бы затруднительно при выраженной чувствительности к справедливости в позиции жертвы.

Для тревожности (VII) были выявлены связи с чувствительностью во всех позициях ($p < 0,001$). Негативные чувства, по мнению М. Шмитта, более характерны для причастных к несправедливым событиям участников, в какой бы роли они ни находились. Такие события, по-видимому, могут являться *потенциально* опасными. Интересно то, что наибольшая сила связи была выявлена для позиции свидетеля. Ведущая тенденция тревоги связана с сопоставлением своих высказываний и поступков с общепринятыми правилами поведения, щепетильностью в вопросах честности, морали. Ориентация на нормы обеспечивает общую просоциальную направленность, отражающуюся в чувствительности к справедливости и в отношении другого.

Справедливость как психологический феномен играет заметную роль в переживании конфликтных, в том числе юридически значимых ситуаций. Результаты исследования, а именно выявленные связи между чувствительностью к справедливости и личностными особенностями, могут быть использованы при работе с юношами и девушками в психологическом сопровождении конфликтов, стрессовых ситуаций и психологических травм.

Литература

1. Adams, J.S. Inequity in social exchange // *Advances in experimental social psychology*. – 1965. – Vol. 2. – p. 267-299.
2. Lerner, M.J. The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms // *Journal of personality*. – 1977. – Vol. 45. – p. 1-52.
3. Schmitt, M. Justice Sensitivity: Assessment and location in th personality space / M. Schmitt, M. Gollwitzer, J. Maes, D. Arbach // *European journal of Psychological assessment*. – 2005. – 21(3). – p. 202-211.

Особенности психологического сопровождения семьи органами профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Орлова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Социальное сопровождение семьи происходит на основании ряда нормативно-правовых актов: Федерального закона от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 13.07.2020) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации", Федерального закона "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" от 24.06.1999 N 120-ФЗ, а также иными законодательными актами субъектов Российской Федерации. В Москве к таким относится Регламент межведомственного взаимодействия в сфере выявления семейного неблагополучия и организации работы с семьями, находящимися в социально опасном положении или трудной жизненной ситуации, утвержденный протоколом Московской городской межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 25 ноября 2015 г. N 04-15.

С началом внедрения политики сохранения семьи и возросшего приоритета воспитания ребенка в кровной семье активно развивается работа различных государственных учреждений, среди которых центры содействия семейному воспитанию, центры поддержки семьи и детства, кризисные и ресурсные центры. В таких учреждениях в работе с семьей принимают активное участие социальные работники, специалисты по работе с семьей, психологи.

Результаты работы центров поддержки семьи и детства с семьями, находящимися в социально-опасном положении или тяжелой жизненной ситуации, по технологии раннего выявления наглядно видны на основе анализа статистических данных – в 2018 году выявлен темп роста случаев жестокого обращения с ребенком – 91,6% (к предыдущему году); в 2019 году – 98,2% (Официальный сайт ФСГС, 2020). Таким образом, мы можем сделать вывод об увеличении числа выявленных случаев жестокого обращения с несовершеннолетними. Мы разделяем мнение, что такой рост может быть обусловлен повышением чувствительности методов выявления нарушения прав и законных интересов ребенка, социальными изменениями, в том числе влияющими на индивидуально-личностные особенности родителя. В любом случае, фиксация большего количества случаев фактов жестокого обращения с несовершеннолетними требует проведения дополнительной социальной и психологической работы с семьями.

Основным вектором работы с семьями, находящимися на социальном сопровождении, является организация индивидуальной профилактической работы с целью преодоления семьей кризисной ситуации. Помимо попадания семьи в нормативные кризисные ситуации, с которыми семья, как правило, способна справиться с помощью собственных ресурсов, семья может находиться в ситуации ненормативного кризиса. В целом, нарушение функционирования семьи может определяться следующими факторами: структурными

нарушениями семьи, нарушениями воспитательных позиций, нарушениями экономического характера, нарушением личностно значимых качеств родителей и/или детей, нарушением супружеских отношений, дефектами стабильности брака.

Для понимания особенностей организации психологической работы с семьей необходимо осветить феномен девиантного родительства. Девиантное родительство – биосоциальное явление, характеризующееся нежеланием или неспособностью (физической, психической, психологической, экономической, педагогической) индивида выполнять родительские функции в соответствии со сложившимися социокультурными и правовыми нормами (Беляева М. А., 2012). Такая модель реализации родительских функций создает ситуацию депривации в развитии ребенка, тем самым нарушая его права и законные интересы.

К наиболее часто встречающимся в работе формам девиантного родительства относятся: отцовское отказничество (самоустранение отца от воспитания ребенка) и асоциальная многодетность (дисбаланс между бесконтрольной биологической и неразвитой социальной стороной родительства). В то время как эффективное родительство характеризуется высокой родительской компетентностью, мотивированностью и наличием временных, личностных, материальных ресурсов родителя.

Вопросам государственного вмешательства в семейную систему посвящены в основном работы социологической и педагогической направленности (Мазурчук Е.О., Лаврёнова Т.И., Лыгина М.А., Кравец Е.В., Вдовина М. В.) В социальном сопровождении наиболее изученными остаются вопросы помощи опекунам семьям (Ослон В. Н, Швецова М.Н.), а также социальная сторона – описывается улучшение образа жизни семей – получение ими необходимых документов, трудоустройство, обращение в суд с целью взыскания алиментов, решение жилищных вопросов, оформление пособий т.д. (Вдовина М.В.).

Вместе с тем, к проблемам реализации социального сопровождения относится целый пласт вопросов, относящихся к личности специалистов – возрастной состав сотрудников, которые становятся ригидными в своей оценке ситуации, профессиональная некомпетентность сотрудников в сочетании с поверхностностью специальных знаний, эмоциональное выгорание, профессиональная деформация и др.

Нами планируется проведение исследования для расширения знания о психологических особенностях семейной системы на разных этапах кризиса в период социального сопровождения.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в поле отечественной психологии отмечается дефицит таких работ, а также остаются

неизученными научные основы вмешательства государственных органов в семейно-детские отношения в ситуации кризиса.

Объект исследования – психологические особенности семейной системы.

Предмет - психологические особенности семейной системы на разных этапах кризиса в период социального сопровождения.

Цели – выявление и описание динамики психологических особенностей семейной системы в период социального сопровождения.

Таким образом, мишенью работы с семьями, попадающими в поле зрения органов и учреждений системы профилактики беспризорности и безнадзорности, становится восстановление эффективной реализации функций, напрямую связанных с законными правами и интересами несовершеннолетних. В свою очередь, неблагополучной семьей становится та, в которой ребенок испытывает дискомфорт, стресс, пренебрежение со стороны взрослых, подвергается насилию или жестокому обращению.

Литература

1. Беляева М. А. Девиантное родительство в контексте репродуктивной культуры современной семьи // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-roditelstvo-v-kontekste-reproduktivnoy-kultury-sovremennoy-semi> (дата обращения: 16.04.2021).
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики – URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения: 16.14.2021).

Театр как средство формирования ценностей молодёжи

Перфильева М.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шпагина Е.М.

Ценности – это идеал, неоспоримая значимость чего-либо для человека. Есть ценности, которые свойственны всем людям: здоровье, любовь, уважение и т.д. Есть личные ценности, которые определяются самим человеком. Они могут быть устойчивыми, а могут меняться в течение жизни человека. Существуют групповые ценности, которые играют большую роль для становления и развития коллектива. Ценности – это основа жизни человека, его ориентир. Ценности определяют направленность нашей жизни, поддерживают внутренний и социальный порядок, контролируют наши действия.

Большое значение личности для самой себя, общественных отношений и активного взаимодействия в обществе в целом основывается, в первую очередь, на степени сформированности ценностно-смысловой сферы. Перед современным обществом стоит проблема в области развития ценностной сферы отдельно взятой личности. Постоянные изменения, которые затрагивают все сферы жизни общества, привели к тому, что произошли серьёзные изменения в области ценностных ориентаций, нравственных ориентиров человека, смысловой сферы и даже в отношении отдельно взятых поступков. Наиболее ярко данное явление проявляется среди молодёжи: агрессивные и враждебные реакции, проявление девиантных форм поведения, подверженность манипуляторному воздействию со стороны, отсутствие представлений «о добре и зле», искажение представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Все это приводит к развитию ложных ценностных установок, становлению негативных, а иногда общественно опасных, форм поведения (Смирнова А.Н., 2011).

Современное общество может навязывать стереотипные формы поведения, оправдывать негативные проступки, формировать правовой нигилизм через развлекательные телепередачи, комические произведения, фильмы и даже моду. Молодёжь, наиболее подверженная чужому влиянию, может воспринимать протест против общества, закона, систему существующих ценностей как норму. Но, к сожалению, не все понимают, что при отсутствии положительных ценностных установок и норм может произойти социально-психологическая дезадаптация личности, усвоение ложных, мнимых форм поведения. Желание обратить на себя внимание любыми средствами, поиск авантюрных удовольствий, неспособность сопротивляться вредным влияниям, снижение критичности к своему поведению, непонимание происходящего, оправдание правонарушений и нежелательных действий, стремление получить сильные впечатления – всё это является противоправным поведением, которое может повлечь за собой серьёзные последствия. Употребление ПАВ, правонарушения, саморазрушающееся поведение может стать следствием несформированности таких понятий, как ценности, позитивные установки, стремление к самореализации.

Театр имеет большое влияние на развитие мотивационных, потребностных и ценностных ориентаций в жизни человека. Благодаря средствам театральной культуры можно направить человека в позитивное и конструктивное русло. В процессе творческой деятельности у молодёжи появляется новое видение себя, своих поступков и действий, мотивов других людей. Активная индивидуальная работа помогает развивать мышление, воображение, внимание. Коллективная работа направлена на развитие коммуникативных навыков, сотрудничества,

поиска совместных путей решения проблемной ситуации. Вся работа насыщена эмоциями, чувствами, рефлексией. В подобной деятельности меняется мировоззрение, взгляды на жизнь, приобретаются новые формы взаимодействия, осознаются скрытые мотивы, формируются жизненные ценности (Гаврилова Е.Э., 2011).

На базе МОУ СОШ №11 Раменского района Московской области реализуется проект в рамках школьного театрального кружка «Веснянка». Идея проекта заключается в том, что ценности лежат в основе поведения молодёжи. Используя средства театральной культуры, можно воспитывать нравственные качества личности, формировать общественно-полезное поведение, развивать правосознание.

Теоретическая основа проекта опирается на работы Л.С. Выготского, Л.А. Никольского, Ю.И. Рубиной, К.С. Станиславского и др., включает в себя ряд принципов, которые необходимы для создания комфортной среды и более успешной работы обучающихся.

Цель деятельности кружка: формирование ценностно-смысловой сферы личности молодёжи.

Задачи, направленные на достижение цели:

1. Изучение молодёжью навыков позитивного и конструктивного взаимодействия.

2. Развитие эмоционально-личностной сферы.

3. Формирование адекватной самооценки.

4. Формирование гуманного отношения к культурным традициям своего народа и народов мира.

5. Развитие духовных, нравственных и эстетических качеств, оказывающих большое влияние на развитие ценностно-смысловой сферы.

6. Выявление в театральной группе молодёжи с лидерскими, творческими, коммуникативными, организаторскими качествами и навыками.

7. Развитие личностных и творческих способностей молодёжи.

8. Организация досуга молодёжи.

9. Развитие правосознания молодёжи путем изучения правил, норм, законов, которые присутствуют в литературных произведениях и их сравнения с современным законодательством.

Все эти задачи насыщают молодёжь новыми идеями, мыслями, заставляют взглянуть на мир с разных ракурсов и точек зрения. Позитивно наполненная среда помогает формировать традиционные ценностные установки, найти свое «Я» среди огромного многообразия жизни.

В содержание работы кружка входит:

1. театральная постановка сказок, рассказов, басен, повестей;

2. съёмка видеосюжетов на заданные темы;
3. создание фотоколлажей и декораций к постановкам;
4. участие в мероприятиях школьного, районного, муниципального уровней с театральными номерами.

При работе с молодёжью должны учитываться индивидуальные качества и особенности. Для этого существует журнал ведения личных дел, где отмечаются трудности, изменения и положительная динамика развития.

При формировании ценностно-смысловой сферы педагог должен проводить свою работу постепенно, поступательно, переходя от простых произведений к сложным. Обогащение ценностной сферы молодёжи должно происходить исходя из социального, психологического и морального опыта, что будет способствовать более глубокому осознанию себя и своего внутреннего мира. В решении данного вопроса педагогу драматургического кружка могут помочь классный руководитель, социальный педагог, школьный психолог, родители, ближайшие родственники молодёжи.

Театр – это коллективный труд. Молодёжь, имеющая разный социальный статус и роли, объединена общей идеей и целью. Успех работы театральной группы зависит от личного вклада каждого.

Литература

1. Гаврилова Е. Э. Влияние школьного театра на формирование личности подростка // Молодой ученый. – 2011. – № 2 (25). – Том 2. – С. 77-80. – URL: <https://moluch.ru/archive/25/2724/> (дата обращения: 20.03.2021).
2. Смирнова А.Н. Ценностные ориентации и поведенческие риски подростков // Вестник СПбГУ. – 2011. – №3. – С. 353-355.

Коррекция виктимного поведения в старшем подростковом возрасте

Репникова К.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Чернушевич В.А.

Психокоррекция – направление деятельности психолога, предполагающее формирование у человека психологических качеств для его социализации и адаптации к различным жизненным ситуациям (Богданович Н.В., Делибалт В.В., 2020). В нашей работе мы понимаем виктимность как неспособность противостоять трудностям, следовательно, целью коррекционной

программы будет выступать формирование у подростков личностных качеств, помогающих справляться с трудными ситуациями. В подростковом возрасте также можно выделить ряд личностных черт, являющихся виктимогенными, то есть снижающими способность противостоять трудным ситуациям. К таким чертам относятся такие индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего, как дерзость, наглость и проявление агрессивности в поведении, конфликтность или же повышенный уровень тревожности, выраженное чувство страха, неадекватная самооценка, отсутствие уверенности в себе и др. (Максименков А.А., Майоров А.В., 2015).

В нашем исследовании приняли участие 32 подростка и юноши в возрасте от 14 до 18 лет. У половины участников исследования наблюдается повышенный уровень личностной тревожности. Большинство обладают низким уровнем позитивной агрессивности, свойства личности, обуславливающего стремление к действиям, мотивацию решать трудности. Большинство участников исследования предпочитают избегать любых, даже гипотетических трудностей, о чем говорит низкий уровень реализованной виктимности. Выявлена слабая прямая связь между высоким уровнем конфликтности и высоким уровнем реализованной виктимности. Была выявлена умеренная прямая связь низкого уровня напористости и сниженного уровня реализованной виктимности. Была выявлена умеренная прямая связь между высокой личностной тревожностью и повышенным уровнем реализованной виктимности.

Наиболее действенным способом работы с подростками является тренинг (Бубнова И.С., Терещенко А.Г., 2014). Это обусловлено тем, что тренинг предполагает самостоятельную работу подростка над собой (Репникова К.С., 2020). Психолог в тренинге не пытается чему-то научить, но координирует процесс самосовершенствования подростков.

Нами была составлена коррекционная программа на основании теоретической модели классического социально-психологического тренинга М. Форверга (Вачков И.В., 2007). Она рассчитана на 10 встреч, посвященных формированию линии уверенного поведения посредством развития коммуникативных навыков. Каждая встреча представляет из себя погружение в затруднительную ситуацию, выход из которой – ответ на вопрос: «Чем я могу себе помочь?».

1. Вводная встреча. В первый день тренинга подростков необходимо посвятить введению в суть и правила тренинговой работы, рассказать о содержании предстоящей работы. В ходе первой встречи перед психологом стоят задачи расположить к себе учащихся, установить доверительные отношения и настроить их на предстоящие занятия.

2. Занятие «Я-образ». Нам видится целесообразным начать коррекцию виктимного поведения с развития навыка самоанализа, поскольку для того, чтобы решить проблему, ее нужно осознавать. Так, подростки начнут осознавать существующие у них психологические особенности, влияющие на поведение в различных жизненных ситуациях. Иными словами, тренинг «Я-образ» запускает процесс рефлексии, действие которого будет необходимо на протяжении всех занятий. Однако основными задачами данной встречи будут выступать формирование самопринятия; концентрация внимания участников на собственных положительных качествах личности; осознание собственной уникальности.

3. Тренинг самопрезентации. Развитие самопрезентации расположено в последовательности занятий после тренинга «Я-образ», поскольку, по нашему мнению, более целесообразно сначала осознать и отрефлексировать своё «Я», а лишь затем учиться презентовать себя другим людям. Задачи, решаемые посредством встречи: концентрация внимания подростка на своих положительных качествах; развитие навыков социальной перцепции; повышение самооценки.

4. Тренинг самооценки. В ходе этой встречи, у каждого члена группы есть возможность узнать, как его воспринимают другие участники – посмотреть на себя со стороны. Необходимо обсудить с подростками конструктивные способы поддержания позитивной самооценки. Обсуждение способов поддержания позитивной самооценки будет проводиться в формате дискуссии: сначала сами ребята расскажут о тех способах, которыми они пользуются в обычной жизни и какие способы им известны. Таким образом, данное занятие направлено на стабилизацию самооценки участников тренинга.

5. Тренинг креативности. Развитие креативности очень важно в коррекции виктимного поведения как неспособности противостоять трудностям, поскольку виктимное поведение характеризуется не только провоцированием опасной ситуации, но и недостаточным количеством у подростка стратегий поведения, противостоящих трудностям, а не избегающих их.

6. Вербальное общение. Встреча посвящена развитию навыка активного слушания. Начиная с этой встречи, мы переходим от изучения и познания самих себя к изучению и познанию способов конструктивного взаимодействия с другими людьми.

7. Невербальное общение. Важная часть межличностной коммуникации, помогающая социальной перцепции. В ходе тренинга невербального общения учащиеся должны осознать важность использования и понимания невербальных средств общения.

8. Межличностная аттракция. Завершающий тренинг, посвященный развитию коммуникативных навыков. Межличностная аттракция – качество, обуславливающее эффективное межличностное взаимодействие, характеризующееся взаимным принятием и развитой социальной перцепцией.

9. Снижение тревожности и фрустрации. Данное занятие находится в конце тренинговой программы, так как, на наш взгляд, сначала следует провести занятия, посвященные развитию навыков самоанализа, коммуникативных навыков, социальной перцепции, креативности. Имея такой набор навыков, подросток будет чувствовать себя увереннее.

10. Итоговая встреча. Посвящена рефлексии приобретенного в результате прохождения программы опыта и знаний: что нового узнал и чему новому научился каждый из ребят, что уже удалось претворить в жизнь.

Таким образом, мы считаем действенным средством коррекции виктимного поведения старших подростков социально-психологический тренинг, поскольку именно в этом формате наиболее полноценно учитываются психологические особенности данного возраста. И, поскольку наша программа рассчитана на проведение в условиях общеобразовательного учреждения, она будет выступать не только как психокоррекционная, но и как психопрофилактическая, так как члены группы будут обладать разным уровнем виктимности. Составленная нами программа будет реализована летом 2021 года на базе фонда «Важен каждый» при участии подростков, заинтересованных в формировании уверенного поведения.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. – С. 1–14.
2. Бубнова И.С. Терещенко А.Г. Проблема виктимного поведения подростков и его социально-педагогическая профилактика // Психология в экономике и управлении. – 2014. – №1. – С. 89-93.
3. Максименков А.А., Майоров А.В. Психологические аспекты виктимности. // Виктимология. – 2015. – №4(6). – С. 26-30.
4. Репникова К.С. Социально-психологический тренинг как средство профилактики виктимности в старшем подростковом возрасте // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2020. – С. 98-99. –

URL: https://psyjournals.ru/files/117510/kochenovskie_chteniya_2020.pdf (дата обращения: 10.05.2021).

Нужен ли психолог и видеозапись на следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими: мнение следователей

Семак О.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет,
(г. Москва)

Научный руководитель - Дозорцева Е.Г.

Преступления в отношении несовершеннолетних всегда резонансны, поскольку нарушают неотъемлемые права ребенка на свободное и безопасное развитие, закрепленные не только законодательно, но и в общечеловеческих, морально-нравственных нормах. Для обеспечения законных интересов детей с 2015 года в ст. 191 УПК РФ закреплено участие психолога в производстве следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями, не достигшими 16 лет, а также его обязательное участие по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности.

К сожалению, после введения указанной нормы централизованные организационные мероприятия по обеспечению участия психологов в уголовном судопроизводстве не проводились. Как правило, указанный вопрос решается следователем применительно к конкретному случаю, с учетом сведений о личности и месте обучения несовершеннолетнего, а также имеющихся организационных возможностей. В основном к участию в следственных действиях привлекаются педагоги и психологи общеобразовательных учреждений, инспекторы ОДН территориальных органов внутренних дел, а также сотрудники органов опеки и попечительства. Многие исследователи отмечают, что участие психологов/педагогов в допросах детей зачастую сводится к простому присутствию в качестве обязательных пассивных элементов (Васкэ Е.В., 2012).

Вместе с тем, чтобы эффективно и своевременно использовать помощь психолога, следователь должен обладать информацией о возможностях и задачах, которые решаются при участии подобного специалиста в следственных действиях.

Для определения установок следователей по данному вопросу было проанкетировано 42 следователя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве. При

организации выборки отбирались только следователи с опытом расследования преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, средний возраст – 28 лет, средний стаж работы в профессии – 5 лет. Половой состав – 20 мужчин и 22 женщины.

Всего в анкете имелось 11 вопросов, затрагивающих различные аспекты работы с несовершеннолетними потерпевшими. Предлагаемая следователям анкета состояла из трех блоков вопросов. Первый блок направлен на получение данных о личности опрашиваемого (возраст, пол, стаж) и его профессиональной компетенции (с какими возрастными категориями несовершеннолетних имеется опыт работы). Во втором блоке следователи давали оценку полезности участия психолога в следственных действиях с несовершеннолетними и обосновывали ее конкретными факторами такого участия. В третьем блоке респонденты давали оценку полезности видеозаписи при допросах несовершеннолетних, описывали причины неосуществления подобных видеозаписей и пользу видеофиксации на стадии предварительного расследования, а также условия, необходимые для ее осуществления.

Практически не вызывает сомнения у следователей польза участия психолога при проведении следственных действий с несовершеннолетним, что подтвердили ответы 73 % опрошенных. Только 11% считают, что психолог на допросе ребенка не нужен.

Основная помощь, которая необходима следователям от психолога, заключается в установлении контакта с несовершеннолетним потерпевшим – 33%, оказании ему психологической помощи в стрессовой ситуации допроса – 31%, а также помощь следователю в определении тактики допроса – 21%. По 7,5 % полагают, что психолог полезен для оценки склонности несовершеннолетнего к фантазированию, оценки достоверности показаний или вообще не нужен.

Таким образом, проведенное нами анкетирование следователей показало, что, несмотря на положительное отношение к участию психолога в допросе, многие из них не понимают цели и форму участия психолога в следственном действии, следовательно, не способны поставить перед ним четкие задачи. Решение этих вопросов полностью зависит в настоящее время от психолога, который должен быть мотивирован к соответствующей работе с ребенком и иметь опыт участия в процессе расследования.

Качественное психологическое сопровождение расследования преступления с участием несовершеннолетнего возможно, только если следователь совместно с психологом участвуют в планировании следственного действия, понимая, какие результаты и каким образом возможно получить (Михайлова Ю.А., 2016).

Важное значение для продуктивного расследования преступлений имеет также видеофиксация следственных действий с участием несовершеннолетних, обязательность применения которой предусмотрена ч.5 ст. 191 УПК РФ. Однако оценка пользы видеозаписи следователями довольно неоднозначна. Только половина следственных работников осознает целесообразность подобной фиксации показаний, 31 % полагает подобные манипуляции бесполезными, оставшиеся 19 % затруднились с ответом.

Причины, по которым необходима видеофиксация допроса несовершеннолетнего, указывались следующие: фиксация первоначальных показаний при последующем отказе или изменении показаний – 36% опрошенных следователей; для последующего анализа поведения несовершеннолетнего на допросе и проведения экспертизы – 21 %; фиксация эмоционального состояния ребенка и его показаний для демонстрации в суде – 19%.

При этом связь эмоционального благополучия ребенка с количеством допросов и возможностью их уменьшения при ведении видеозаписи следователями не учитывается.

С точки зрения опрошенных следователей, условиями для соблюдения требований об обязательной видеозаписи показаний несовершеннолетних потерпевших являются комфортные условия для допрашиваемого ребенка (скрытая видеосъемка, подготовительная работа с психологом, отсутствие законного представителя) – 50 %; наличие необходимых технических средств - 14 %; менее формализованный процесс видеофиксации допроса – 12 %; специально оборудованная комната – 10 %; затруднились с ответом 14 % респондентов.

Проведенное исследование показало, что следователи зачастую не обладают информацией о возможностях и практической пользе обязательного участия психолога и обязательной видеофиксации допросов несовершеннолетних потерпевших. Среди основных причин подобной ситуации можно выделить пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве (отсутствие законодательного закрепления процессуального статуса, прав и обязанностей психолога), отсутствие у правоохранителей опыта взаимодействия с детьми, категорию уголовных дел, по которым признаются потерпевшими дети (чаще всего это преступления против половой свободы и неприкосновенности); антагонизм законных представителей.

Имеющиеся законодательные нормы по организации следственных действий с несовершеннолетними потерпевшими обусловлены заботой об их интересах, но не обеспечены полноценным нормативным урегулированием и методическим обеспечением. Профессиональный совет и поддержка психолога

при получении показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей могут служить необходимыми факторами как качественного расследования, так и эмоционального благополучия детей.

Литература

1. Васькэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2012. – Том 2. – № 2. – URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52072.shtml> (дата обращения: 06.05.2021).
2. Дозорцева Е.Г., Красавина А.Г. Правила проведения допросов несовершеннолетних, потерпевших от преступлений: изменения в следственной практике // Культурно-историческая психология. – 2017. – Том 13. – № 3. – С. 23–31. doi:10.17759/chp.2017130304
3. Красавина А.Г. Современное состояние вопроса формирования детских свидетельских показаний // Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению. – URL: <https://psyjournals.ru/cjp2017/issue/Krasavina.shtml> (дата обращения: 11.05.2021).
4. Михайлова Ю.А. Психологическое сопровождение расследования преступлений с участием несовершеннолетних в Следственном комитете Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2016. – Том 6. – № 4. – С. 95–104. doi:10.17759/psylaw.2016060410

Особенности самооценки и выбора копинг-стратегий у подростков с высоким уровнем тревожности

Соловьева Г.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Власова Н.В.

Подростковый возраст характеризуется выбором будущей специальности, предстоящими выпускными экзаменами и многими другими волнительными вопросами, которые предстоит решить подросткам. (Прихожан, А.М., 2012). Уровень тревожности подростков сказывается на уровне их самооценки и выборе копинг-стратегий (Захарова, А.В., 1993). Неэффективное использование стратегий совладания со стрессом может привести к поведению, отклоняющемуся от социальных норм (Картрайт, С., 2004.). Например, такая

копинг-стратегия, как конфронтация, предполагает некоторую степень враждебности, готовности к риску и импульсивности. Другими словами, подростки, использующие данную копинг-стратегию, склонны к риску и не всегда способны в полной мере осознавать опасный характер своих действий. Соответственно, именно в подростковом возрасте остро стоит вопрос о связи высокого уровня тревожности и самооценки подростка, а также выбора им копинг-стратегий совладания со стрессом.

Целью данного исследования является выявление особенностей уровня самооценки и выбора копинг-стратегий совладания со стрессом у подростков с высоким уровнем тревожности.

Объектом исследования являются самооценка и копинг-стратегии совладания со стрессом в подростковом возрасте.

Предметом исследования являются особенности самооценки и выбора копинг-стратегий совладания со стрессом у подростков с высоким уровнем тревожности.

Гипотезы исследования:

1. Подростки с высоким уровнем тревожности обладают низким уровнем самооценки по сравнению с их сверстниками, обладающими средним и низким уровнями тревожности;

2. Существуют различия в выборе копинг-стратегий совладания со стрессом у подростков с разным уровнем личностной и ситуативной тревожности. Подростки с высоким уровнем тревожности используют менее эффективные копинг-стратегии.

Теоретическую основу исследования представляют ряд положений, выделенных на основе анализа современных научно-психологических концепций.

1) В подростковом возрасте активно продолжается процесс обучения способам психологического преодоления трудностей;

2) Типичными кризисными ситуациями в подростковом возрасте являются проблемы в семье, проблемы во взаимоотношениях со сверстниками, проблемы во взаимоотношениях со значимыми взрослыми, проблемы в обучении, проблемы со здоровьем;

3) Чаще всего базисными для подросткового возраста являются разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание, эмоциональное отреагирование через страдание и горе, привлечение внимания со стороны взрослых вследствие невозможности самостоятельно разрешить проблемную ситуацию.

В качестве методик исследования были использованы:

1. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности (Ч.Д. Спилберг, Ю.Л. Ханин);
2. Опросник способов совладания (ОСС) (Р. Лазарус);
3. Методика диагностики самооценки (Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн).

Исследование было проведено на базе общеобразовательной школы г. Москвы. Выборку составили 68 учащихся 9-х классов в возрасте от 15 до 16 лет (35 мальчиков и 33 девочки).

Основные выводы исследования:

1. При сравнительном анализе в разных группах ситуативной тревожности уровень самооценки значимо выше ($p < 0,01$) в группе подростков со средним и низким уровнями ситуативной тревожности. У подростков с высоким уровнем ситуативной тревожности уровень самооценки значимо ниже, чем у подростков со средним и низким уровнями тревожности.

2. При сравнительном анализе в разных группах личностной тревожности уровень самооценки значимо выше ($p < 0,01$) в группе подростков со средним и низким уровнями личностной тревожности. У подростков с высоким уровнем личностной тревожности уровень самооценки значимо ниже, чем у подростков со средним и низким уровнями личностной тревожности.

3. По результатам сравнительного анализа было установлено, что подростки с высоким уровнем ситуативной тревожности склонны использовать такую копинг-стратегию, как «Принятие ответственности». При этом эти подростки избегают выбора копинг-стратегии «Планирование решений».

4. По результатам сравнительного анализа было установлено, что подростки с высоким уровнем личностной тревожности склонны использовать копинг-стратегии: «Самоконтроль», «Принятие ответственности», «Бегство». При этом эти подростки избегают выбора копинг-стратегии «Планирование решений».

5. По результатам корреляционного анализа было установлено, что подростки, обладающие низким уровнем самооценки, склонны выбирать такие копинг-стратегии, как «Принятие ответственности» и «Бегство». При этом эти подростки избегают выбора копинг-стратегии «Положительная переоценка».

Таким образом, гипотеза о том, что подростки с высоким уровнем тревожности обладают низким уровнем самооценки по сравнению с их сверстниками, обладающими средним и низким уровнями тревожности, подтвердилась. А также подтверждено, что существуют различия в выборе копинг-стратегиях совладания со стрессом у подростков с разным уровнем личностной и ситуативной тревожности.

Результаты исследования могут быть использованы педагогами школ, родителями старших подростков для формирования у них ресурсов позитивного развития личности и, как следствие, для повышения успешности в обучении, а также самостоятельности в выборе будущей профессии.

Литература

1. Захарова А.В. Психология формирования самооценки. – Минск: Новое знание, 1993. – 100 с.
2. Картрайт С., Купер К.Л. Стресс на рабочем месте – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 236 с.
3. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. –1998. – № 2.

Уровень тревожности у детей старшего подросткового возраста и особенности детско-родительских отношений в их семьях

Стекачева А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ремеева А.Ф.

На сегодняшний день в психологической науке наблюдается устойчивый интерес к изучению семьи, который основан в первую очередь на понимании ее самооценности. Именно в семье ребенок получает первый свой опыт взаимодействия с окружающим миром, именно в семье начинают формироваться те или иные черты его личности. И главным образом на процесс становления личности ребенка влияет характер внутрисемейных отношений.

Появление дисгармонии во внутреннем микроклимате семьи, нарушений в детско-родительских отношениях, прежде всего, негативно отражается на эмоциональной сфере детей (Семья в контексте..., 2012). Отсутствие поддержки и понимания, взаимного уважения между родителями и детьми существенным образом сказывается на уровне тревожности последних, так как они попадают в ситуацию психологической небезопасности. В подростковом возрасте подобные обстоятельства могут стать даже предпосылкой учащения проявлений девиантного поведения.

Все это оказывает огромное влияние не только на дальнейшую жизнь самих детей, но и на развитие общества, так как его будущее в большей степени зависит именно от молодого поколения.

К тому же в настоящее время в мире в целом наблюдается рост тревожных состояний (и среди подростков в том числе) (Приказ Министерства здравоохранения..., 2020). А пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 году и приведшая к введению дистанционного обучения в школах, к вынужденной необходимости длительное время сосуществовать всей семьей в замкнутом пространстве, лишь усугубила данную тенденцию.

С целью определения гендерной специфики связи особенностей детско-родительских отношений и уровня тревожности у детей старшего подросткового возраста на базе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 293 имени А. Т. Твардовского» было проведено исследование. В нем приняли участие учащиеся 8-х классов в количестве 56 человек в возрасте 14-15 лет, из них 35 человек (20 мальчиков и 15 девочек) воспитываются в полных семьях и 21 человек (12 мальчиков и 9 девочек) – в неполных семьях.

Для количественного и качественного анализа полученных результатов и формулирования соответствующих выводов были взяты только работы подростков, воспитывающихся в полных семьях. Отдельно стоит заметить, что исследованы были именно представления подростков о характере детско-родительских отношений.

В качестве эмпирического метода была выбрана диагностика с использованием таких методик, как опросник «Подростки о родителях» (Л. И. Вассерман, И. А. Горьковая, Е. Е. Ромицына), опросник «Анализ семейной тревоги» (Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) и «Шкала личностной тревожности» (А. М. Прихожан). Для статистической обработки данных был использован статистический пакет IBM SPSS Statistics.

При обобщении результатов исследования, прежде всего, являлось важным отметить следующее: во-первых, подростки, воспитывающиеся в полных семьях, в целом определяют родительские позиции как гармоничные и, во-вторых, уровни общей и частной тревожности как у мальчиков, так и у девочек старшего подросткового возраста соответствуют норме.

Удалось установить, что *вне зависимости от пола* у подростков ниже уровень семейной тревожности, если в воспитательном отношении их родителей проявляется «позитивный интерес» в сочетании с «автономностью». При этом, чем чаще родители демонстрируют враждебное отношение к детям, непоследовательность в их воспитании и чем чаще именно отцы проявляют свою директивность, тем чаще *как мальчики, так и девочки* испытывают опасения, сомнения относительно взаимоотношений с близкими людьми и чувствуют беспомощность и неспособность изменить ход событий к лучшему.

Был констатирован тот факт, что чем чаще родители демонстрируют психологическое принятие подростков, проявляют теплоту, уважение, доверие, поддержку в отношениях с ними в совокупности с реализацией систематического контроля и общей включенностью в их жизнь, тем ниже уровни межличностной, самооценочной и в целом личностной тревожности *девочек-подростков*. Наоборот, чем чаще родители проявляют непоследовательность в процессе воспитания, чрезмерную строгость, сверхтребовательность к детям в сочетании со скептическим отношением к их достижениям, в целом с эмоциональной холодностью, отвержением, а именно отцы – свою директивностью, тем большую тревогу у *девочек-подростков* вызывают ситуации общения и ситуации, актуализирующие представления о себе и тем выше в целом уровень их личностной тревожности.

Также удалось отметить существование прямой связи между именно материнской непоследовательностью и школьной тревожностью *девочек-подростков*. То есть чем непоследовательнее мать в отношениях с дочерьми, тем большую тревогу у них могут вызывать школьные ситуации.

Относительно результатов мальчиков-подростков была зафиксирована единственная статистически значимая связь между их самооценочной тревожностью и директивностью отцов. Другими словами, чем активнее отцы демонстрируют свое лидерство, главенство в семье, чем они чаще и жестче корректируют поведение детей, тем большую тревогу у *мальчиков-подростков* вызывают ситуации, актуализирующие представления о себе.

Таким образом, на основании результатов, полученных в ходе нашего исследования, мы можем утверждать, что воспринимаемый подростками как деструктивный характер родительской позиции в отношении девочек старшего подросткового возраста в большей степени способствует повышению уровней как общей, так и частной тревожности по сравнению с мальчиками того же возраста.

Литература

1. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 15 января 2020 г. №8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года» [Электронный ресурс] – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73421912/> (дата обращения: 30.04.2021).
2. Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований [Электронный ресурс]: материалы III международной научно-

практической конференции 5–6 октября 2012 года. – Пенза – Витебск – Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 169 с. – URL: <http://sociosfera.com/files/conference/2012/k-32-10-12.pdf> (дата обращения: 30.04.2021).

Особенности агрессии в сети интернет у подростков с высоким уровнем успеваемости

Суханова Е.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Бусарова О.Р.

Успеваемость определяет успешность освоения учащимся образовательной программы и формируется на основе системы критериев оценок.

Б.Г. Ананьев говорил о педагогической оценке как о факте непосредственного руководства учащимся, его организации и направлении в учебном процессе (Ананьев Б.Г., 1980). На основе компетентного и авторитетного мнения учащийся формирует собственную систему самооценок, что является условием развития. На успеваемость учащихся оказывает влияние большое количество факторов, выделенных О. П. Афанасьевой и В.А.Губиным: психологические особенности учащихся, эталоны оценивания, субъективные особенности преподавателей, критерии, используемые ими для оценки, типичные ошибки оценивания (Афанасьева О. П., Губин В.А., 2014).

Уровень успеваемости служит специалистам индикатором проблем в адаптации учащихся, он говорит о возможностях развиваться в условиях образовательной среды. Существует ряд факторов, от которых зависит успешность учебной деятельности: уровень развития когнитивной, эмоционально-волевой сфер; уровень общей осведомленности, наличие определенных навыков и умений. Благодаря оцениванию, ребенок осознает необходимость правил, подчинение которым от него требуют в учебном заведении.

Проблема агрессии в подростковом возрасте остается актуальной, полученные исследователями результаты находят применение в практике. Чаще в учебных учреждениях внимание привлекают подростки с низкой успеваемостью либо с высоким уровнем физической агрессии. Но учащиеся с высокими оценками, не демонстрирующие ярко агрессивное поведение, обладают теми же возрастными психологическими особенностями, что и неуспевающие.

Ученики с высокой успеваемостью могут не проявлять агрессивных тенденций в учебном учреждении либо эти тенденции могут игнорироваться педагогами.

Мы также рассматриваем Интернет-среду как обладающую рядом особенностей, одной из которых является обезличенное общение, делающее собеседника более раскрепощенным, что может определять снижение волевой саморегуляции и увеличение числа агрессивных проявлений.

Вопрос проявления агрессии при различных уровнях успеваемости подростков является малоизученным.

Мы провели исследование для решения следующих задач:

1. Выявить в эмпирическом исследовании особенности агрессивного поведения у подростков с высоким уровнем успеваемости в оффлайн- и онлайн-среде.

2. Сравнить выявленные особенности агрессивного поведения в оффлайн- и онлайн-среде учащихся с высоким уровнем успеваемости с особенностями учащихся со средним уровнем успеваемости.

3. Разработать рекомендации для учителей и школьных психологов по работе с детьми с высоким уровнем успеваемости в целях профилактики конфликтных ситуаций, рисков агрессивного и аутоагрессивного поведения.

База исследования: Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение Городского округа Балашиха «Гимназия №1» (Московская обл., г. Балашиха). В исследовании приняло участие 76 учащихся 9 классов (36 высоко успевающих – 21 девочка, 15 мальчиков; 40 среднеуспевающих – 20 девочек, 20 мальчиков). Использовались следующие методы сбора эмпирических данных:

- Опросник уровня агрессии Басса-Перри
- «Тест руки» Э. Вагнера,
- Экспериментальная ролевая ситуация.

При создании и организации эксперимента мы опирались на работы Н. В. Гришиной и ее анализ фрустрационной теории агрессии, а также на методику «Деловые ситуации» Н. Г. Хитровой, являющейся модификацией теста фрустрационных реакций Розенцвейга. Участники эксперимента получали ссылку с определенным содержанием ролевой ситуации, имея возможность заполнить форму с ответами индивидуально. Они были осведомлены, что участвуют в эксперименте и ситуация является не настоящей, а смоделированной. Вводные условия были следующими: «Вы попали в число учащихся, отобранных для прохождения престижной программы обучения, которая длится неделю. За эту неделю вами будет пройден ряд курсов, а полученный в итоге сертификат поможет с поступлением на бюджетные места в университеты страны. Разумеется, от вас потребуется максимум усилий, чтобы

извлечь пользу из предлагаемых предметов, а также для применения полученных знаний в будущем, при сдаче итоговых государственных экзаменов. Однако, наличие сертификата все-таки значительно облегчит устройство вашей студенческой жизни». На основе этого было сформулировано 13 ситуаций, участникам предлагалось описать свое поведение в них (например, написать текст своего сообщения в анонимном чате на определенную тему и т.д.).

Было решено провести эксперимент в подобном формате по нескольким причинам: к сожалению, отыгрыш по заданному исследователем сценарию с его участием (например, при использовании онлайн-чата или иной виртуальной связи) мог изменить ответы участников из-за фактора социальной желательности. Одним из критериев, отличающих онлайн-общение от оффлайн-общения, является соблюдение анонимности и обезличенности собеседника. Таким образом, было решено отдать предпочтение данному формату. Для соблюдения анонимности, являющейся особенностью онлайн-общения, ученикам, распределенным на две группы, высылались разные ссылки: таким образом, в одной форме содержались ответы учащихся с высоким уровнем успеваемости, во второй – со средним уровнем успеваемости. О принадлежности к той или иной группе учащиеся не знали.

Были получены следующие результаты.

1. У учащихся с высоким уровнем успеваемости были обнаружены значимые различия в проявлении агрессии в оффлайн- и онлайн-общении. В онлайн-общении было обнаружено проявление агрессии, направленной на самого себя.

2. Найдены значимые различия в агрессивном поведении учащихся с высоким уровнем успеваемости в сравнении с учащимися со средним уровнем успеваемости. При оценке оффлайн-общения выявлены следующие психологические особенности учащихся с высоким уровнем успеваемости: они не демонстрируют агрессивное поведение по отношению к сверстникам; они сильнее испытывают эмоциональное возбуждение, но оно не выражается в физической агрессии; их переживания больше связаны с предметным миром и окружающей средой, нежели с межличностным взаимодействием. При оценке онлайн-общения выявлены следующие психологические особенности: значимо ниже показатель в категории агрессии, направленной на взрослого при онлайн-коммуникации; выше уровень агрессии, направленной на самого себя; в онлайн-общении проявляют меньшую откровенность с собеседником касательно собственных неудач. Также мы можем говорить о том, что у учащихся с высоким уровнем успеваемости преобладает внутренний локус контроля в сфере неудач.

По результатам исследования могут быть предложены рекомендации для работы с учащимися с высоким уровнем успеваемости. Цель рекомендаций –

анализ возможных рисков, связанных с психологическими особенностями данной группы, работа направлена на предотвращение конфликтных ситуаций, на снижение уровня ситуативной тревожности и профилактики аутоагрессивного поведения, проведение тренинговых программ, соответствующих потребностям учащихся. Полученные результаты могут использоваться в работе с подростками для учета их личностной характеристики, при групповой или индивидуальной диагностике.

Литература

1. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки // Избранные психологические труды. Том II / Под ред. А.А. Бодалева и др. – М.: Педагогика, 1980. – 288 с.
2. Афанасьева О. П., Губин В.А. Психологические характеристики учащихся-подростков образовательной оздоровительной организации с разным уровнем успешности учебной деятельности // European Social Science Journal: Международный научный журнал. – 2014. – Том 2. – N 8-2 (47). – С.80-85.

Маркеры социального остракизма в подростковом возрасте

Чухланцев Ю.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Чиркина Р.В.

Социальный остракизм как особый, самостоятельный феномен изучается с конца 90-х гг. XX века. Таким образом, данное направление можно считать относительно молодым, и, несмотря на значительные успехи в сфере изучения феномена, необходимо продолжить теоретические и эмпирические исследования (Бойкина Е.Э., 2019).

Растущий интерес психологического сообщества, как нам кажется, связан с предварительным выявлением связи социального остракизма с серьезными нарушениями целостности личности и ее радикализацией, пагубным влиянием остракизма на психологическое развитие и социализацию. В настоящее время данный феномен недостаточно изучен, а отечественных исследований крайне мало. Таким образом, нашей целью стала актуализация и структурирование результатов зарубежных и отечественных работ по теме, внесение собственного вклада в изучение феномена, в том числе посредством проведения эмпирического исследования социального остракизма, его влияния на развитие антисоциальных тенденций. Эмпирическое исследование было направлено на

поиск корреляционной связи между конструктами социального остракизма, характером нарушенных потребностей как результат воздействия данного феномена на личность с одной стороны и личностными характеристиками, копинг-стратегиями и склонностью к отклоняющемуся поведению как критериями тенденций к антисоциальному поведению с другой. Лучшее понимание механизмов и особенностей феномена позволит чаще и точнее фиксировать случаи социального остракизма, корректировать план работы с группой риска и повысит эффективность психологической деятельности, связанной с профилактикой и коррекцией девиантного поведения, обусловленного влиянием остракизма.

Социальный остракизм – сложный социально-психологический феномен, состоящий из трех подконструктов (отвержение, игнорирование, исключение), представленный пятью типами, в том числе ролевой, защитный, ненамеренный, пунитивный и псевдо-остракизм, способный играть исключительную роль в фрустрации четырех потребностей (осмысленное существование, контроль, принадлежность, самоуважение) и формировании, как следствие, предпосылок к агрессивному, антисоциальному поведению, дезадаптации и десоциализации личности (Williams, K.D., 2007, Williams, K.D., 2009, Williams K.D., Case T.I., Govan C.L., 2003).

Было выявлено, что подростки крайне уязвимы и чувствительны к данному явлению в том числе из-за совпадения некоторых наиболее актуальных для данного возрастного периода потребностей с потребностями-мишенями социального остракизма, кризисного характера и сложности отрочества, неполной сформированности личности. Теоретический обзор литературы и синтез выявили высокий потенциал остракизма в формировании агрессивных паттернов поведения и предпосылок к антисоциальному поведению, радикализации личности. Был сформирован диагностический инструментарий для уточнения и более подробного изучения данной закономерности: «Шкала нарушенных потребностей-Остракизм» (ШНП-О) (модификация Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2006; адаптация Бойкиной Е.Э., 2019); «Шкала субъективного остракизма-Подростки» (ШСО-П), (Ostracism experience scale for Adolescents, Gilman R., et al., 2012; адаптация Бойкиной Е.Э., 2019); Копинг-тест Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой; 2004), методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) (А.Н. Орел); «Индивидуально-типологический опросник» (ИТО) Собчик Л.Н., 1996; (Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В., 2020).

Методы обработки полученных данных: метод корреляций, статистический метод U-критерий Манна-Уитни, иерархический кластерный

анализ, Хи-квадрат Пирсона.

Выборка для исследования состояла из 40 человек в возрасте от 12 до 17 лет (19 девушек, 21 юноша). Экспериментальная группа – 20 человек (воспитанники центров содействия семейному воспитанию). Контрольная группа – 20 человек (подростки, воспитываемые в семьях). Большинство респондентов постоянно проживают в городе Москве, являются учениками средних общеобразовательных школ. Выборка сбалансирована по полу и возрасту.

В результате эмпирического исследования были установлены личностные характеристики подростков, которые статистически значимо связаны со степенью переживания остракизма, тем не менее, судить о прямом влиянии остракизма на развитие антисоциальных тенденций поведения представляется сложным. Лишь часть показателей по шкалам значимо связана с показателями остракизма и нарушенных потребностей. Ещё более неожиданной оказалась направленность корреляций в нескольких случаях.

Итак, нами были установлены следующие закономерности:

1. Независимо от фактора воспитания в семье или в специальном учреждении подростки одинаково подвержены феномену остракизма.
2. Потребности-мишени остракизма чаще нарушены у подростков без семьи, несмотря на то что остракизм воспитанники ЦССВ переживают примерно так же, как и подростки в семьях.
3. Особых различий в переживании остракизма у девушек и юношей не наблюдается, однако, нарушение потребностей в самоуважении и осмысленном существовании у девушек встречаются чаще.
4. В ходе эмпирического исследования было доказано, что потребности в самоуважении, контроле, принадлежности и осмысленном существовании, действительно, связаны с показателями переживания феномена социального отвержения. Также была доказана и обратная связь: переживание остракизма неукоснительно влечёт за собой фрустрацию перечисленных потребностей.
5. У остракированных подростков в среднем выше уровень волевого контроля, реже преобладает копинг-стратегия конфронтации.
6. Фрустрация каждой из уязвимых для остракизма потребностей способствует росту уровня личностной тревожности.
7. Фрустрированная потребность в осмысленном существовании помимо тревожности связана с ростом уровня личностной сензитивности и преобладанием самоконтроля как копинг-стратегии у подростков.
8. Нарушенная потребность в самоуважении дополнительно способствует преобладанию у остракированных подростков стратегии планирования решения проблемы и менее агрессивному поведению.

Полученные результаты дают более глубокое представление о феномене социального остракизма и его механизмах, позволяют расширить теоретическую базу данного направления исследований. Психодиагностический срез и подробный анализ результатов подростков, находящихся на второй стадии остракизма, обеспечивает возможность более раннего обнаружения признаков остракизма среди молодого населения. Дополнительными маркерами могут стать такие личностные характеристики, как тревожность и сензитивность, а также преобладание одной из копинг-стратегий: конфронтация, планирование решения проблемы, самоконтроль. Своевременное обнаружение признаков остракизма позволяет начать профилактическую, коррекционную и консультационную работы с группой риска, лицами, склонными к девиантному поведению и остракированными подростками раньше, что делает каждый из видов психологической деятельности эффективнее.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Остракизм и родственные феномены: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2019. – Том 9. – № 3. – С. 127–140. doi:10.17759/psylaw.2019090310
2. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 1. – С. 152-170. doi: 10.17759/psylaw.2020100114
3. Williams, K.D. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model [Электронный ресурс] // Advances in Experimental Social Psychology. – 2009. – Vol. 41. – P. 275-314. doi: 10.1016/S0065-2601(08)00406-1
4. Williams K. D. Ostracism [Электронный ресурс] // The Annual Review of Psychology. – 2007. – Vol. 58. – P. 425–452. doi: 10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
5. Williams K.D., Case T.I., Govan C.L. Impact of ostracism on social judgments and decisions: explicit and implicit responses. In Social Judgments: Implicit and Explicit Processes, ed. J.P. Forgas, K.D. Williams, W von Hippel, 2003. – P. 325–42. – New York: Cambridge Univ. Press.

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Психологическая характеристика осужденных женщин, проходящих специальную подготовку перед освобождением в реабилитационном центре

Агафонов М.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Целью проведенного исследования является анализ и описание психологических особенностей женщин, проходящих специальную подготовку к освобождению в реабилитационном центре при исправительной колонии.

В рамках данного исследования мы опираемся на теоретический подход к изучению личности осужденных женщин, основанный в первую очередь на психологических факторах риска рецидива. Описанные психологические особенности являются значимым звеном в оценке данных факторов риска.

В данном исследовании использовались анкеты, включающие в себя социально-демографический и криминологический опрос, а также методики: «Смыслоразностные ориентации» (методика СЖО) Д. А. Леонтьева, «Опросник уровня агрессивности Басса – Перри» и тест «Мини-мульти».

Суммарная выборка составила 36 человек. В выборку входят осужденные женщины, отбывающие наказание в исправительной колонии №5. Из них 27 женщин, готовящихся к жизни на свободе в школе подготовки к освобождению, и 9 осужденных женщин, проживающих в реабилитационном центре при исправительной колонии.

По результатам методики смыслоразностных ориентаций Д. А. Леонтьева можно отметить, что в целом результаты двух групп относительно схожи. По результатам почти всех шкал обе группы показывают результаты, находящиеся в рамках нормы, но во всех случаях находятся на верхнем пределе границы. Однако в группе женщин из реабилитационного центра результаты по шкале «Результативность жизни» выходят за нормы и превышают ее.

В общей сложности, показатели шкал группы реабилитационного центра выше показателей группы других осужденных, однако значимых различий обнаружено не было ($p > 0,05$).

Если рассмотреть данные результаты в сумме, а также учесть тот факт, что данное анкетирование проходили осужденные из исправительной колонии, то можно предположить, что такие высокие показатели могут быть следствием нарушения критики по отношению к своей жизни или же влиянию фактора социальной желательности, что можно будет определить, используя дополнительные методики.

Рассмотрим результаты исследования уровня агрессии осужденных женщин посредством применения методики «Опросник уровня агрессивности Басса – Перри». По результатам шкалы «Гнев» (аффективный компонент агрессии) показатели респондентов расположены в рамках нормы, но при этом находятся на границе с заниженными показателями, что говорит о тенденции отсутствия готовности к проявлению агрессии. При этом никто из осужденных, содержащихся в реабилитационном центре, не имеет показатели выше нормы, и только 4 % респондентов из контрольной группы превысили норму.

По результатам шкалы «Физическая агрессия» (инструментальный компонент агрессии), результаты обеих групп также находятся на нижней границе нормы, что говорит о пониженном уровне склонности к использованию физической силы против другого лица, как в экспериментальной, так и в контрольной группе. Результаты группы осужденных превышают результаты контрольной группы, однако, разница крайне незначительна, но при этом в контрольной группе у 8% наблюдается результат повышенной физической агрессии.

По результатам шкалы «Враждебность» (когнитивный компонент агрессии) обе группы показали результаты, вновь располагающиеся на нижней границе нормы. Этот результат может свидетельствовать о низкой тенденции к переживанию чувства несправедливости, ущемлённости, неудовлетворенности желаний. Выделяется сниженная склонность к реакциям, развивающим негативные чувства и негативные оценки людей и событий, что с учетом низких результатов данной шкалы вновь может свидетельствовать о пассивности и конформности у осужденных женщин.

По результатам сравнения групп по U-критерию Манна – Уитни, значимых различий обнаружено не было ($p > 0.05$). Из этого следует, что показатели групп относительно одинаковы.

Подводя итоги результатов данной методики, стоит отметить, что общий результат «Среднего уровня агрессивности» расположен ниже нормы. Результаты относительно одинаковы в обеих группах. Исходя из этих результатов, можно сделать вывод, что в обеих группах обнаружен низкий уровень агрессивности, выходящий за рамки нормы. Данные результаты могут

свидетельствовать о тенденции к пассивности, удовлетворенности условиями жизнедеятельности и эмоциональной истощённости.

Далее будут приведены и описаны результаты методики Мини-мульти, позволяющие охарактеризовать психологические свойства осужденных.

Если рассматривать и сравнивать результаты групп в целом, то в первую очередь нужно отметить следующий важный факт. В группе осужденных из реабилитационного центра показатель шкалы «Коррекции» значительно превышает результат контрольной группы ($p < 0.05$). Тем не менее, все равно крайне важно в данном случае отметить, что результаты обеих групп находятся в пределах нормы, из чего следует, что и в данном случае ранее выдвинутое предположение о влиянии фактора социальной желательности опровергается.

Если рассматривать результаты обеих групп в целом, то в большинстве случаев результаты не превышают нормы, но при этом по некоторым шкалам доминируют заниженные результаты и в единичных случаях существуют превышения нормы.

В мировой практике для изучения личности осужденных и прогнозирования их поведения широко используется Миннесотский многофакторный личностный опросник (ММПИ). В отечественной юридической психологии данный тест применяется в модификации Березина (Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е., 1996) и Л.Н. Собчик (СМИЛ), а в пенитенциарной психологии – Мини-мульти (сокращенный вариант личностного опросника). Применение Мини-мульти в нашем исследовании подтвердило наличие пиков в личностном профиле по шкалам 4, 6, 8 (импульсивность, ригидность, социальная интроверсия или «шизоидность»). Завышенные значения этих шкал, по результатам исследований, чаще всего имели наиболее криминализированные личности, в том числе, неоднократно судимые женщины. В большинстве случаев, оценочные шкалы L, K, и F находятся в норме, что опять же опровергает гипотезу о влиянии фактора социальной желательности.

В группе, не проходящей подготовку в реабилитационном центре, наблюдается небольшое число лиц с завышенными показателями по вышеупомянутым шкалам 4, 6, 8. В общей же сложности, ведущими шкалами среди осужденных женщин являются шкалы 4, 8, 9 (по Собчик Л.Н. – импульсивность, социальная интроверсия, оптимистичность). Это указывает на то, что в исправительном учреждении значительную долю составляют осужденные женщины, обладающие такими качествами: ярко выраженная индивидуальность (театральность), специфичность взглядов, низкая нормативность поведения, импульсивность, низкая прогнозируемость поведения, эгоцентризм с чувством независимости (Собчик Л.Н. 2000).

По результатам исследования, психологический портрет осужденных женщин не носит ярко выраженных криминогенных искажений. Их преступления в значительной степени обусловлены влиянием ситуативных факторов, а не личностных криминогенных свойств. Несомненно, активная работа с осужденными женщинами в Школе освобождающихся и реабилитационном центре снижает факторы риска повторных преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений – М.: Юристъ, 1996. – 336 с.
2. Дебольский М.Г., Кирильчук С. Г., Пимонов В.А. Программа реабилитации осужденных и освобожденных из мест лишения свободы «Новая жизнь». – М.: «Межрегиональный благотворительный фонд помощи заключенным», 2019. – 139 с. – URL: <http://helppris.ru> (дата обращения: 10.05.2021).
3. Собчик Л. Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ. – СПб.: Речь, 2000. – 219 с.

Психологические особенности несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящие на учете в уголовно-исполнительной инспекции

Левин Л.М., Бокова Н.В.

Московский государственный областной университет (г. Москва),
Научно-исследовательский институт ФСИН России (г. Москва)

Научные руководители – Нестерова А.А., Дебольский М.Г.

По мнению многих специалистов (И.П. Башкатов, С.И. Паканич, А.М. Потапов и др.), преступность несовершеннолетних является самостоятельным видом преступности, который обуславливается особенностями количественных и качественных показателей ее состояния и развития, а также личностью преступника, в основе поведения которого лежат эгоцентрические мотивы и неустойчивая психика (Башкатов И.П., 2010). Ряд исследователей (Ю.М. Антонян, М.Г. Дебольский, Е.Г. Дозорцева, А.Р. Ратинов и др.) обращают внимание, что преступления несовершеннолетних преимущественно носят групповой характер и требуют дополнительного изучения психологии их взаимодействия. Под групповым преступлением, согласно Р.Р. Галиакбарову, признается деяние, каждый участник которого умышленно, согласованно с

другими, совместно, в полном объеме или частично осуществляет выполнение единого для всех участников преступления.

Вовлечение несовершеннолетних в совершение групповых преступлений чаще всего обусловлено искажением мотивационных установок личности (Е.Г. Дозорцева, Е.В. Логинова, 2007).

Ю.М. Антонян отмечает роль психических аномалий при совершении противоправных действий и нарушений, не исключая вменяемость, но образующих личностные изменения, которые формируют девиантное и делинквентное поведение. Наличие таких особенностей нарушает социализацию индивида. В число таких психических расстройств входят расстройства личности, умственная отсталость в легкой степени, органические психические расстройства, алкоголизм, наркомания (Антонян Ю.М., 2015).

В процессе нашего исследования с целью выявления психологических особенностей различных категорий несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции, было опрошено 100 респондентов, которые были поделены на 4 группы: 1) несовершеннолетние, совершившие преступления группового характера и состоящие на учете в УИИ, не имеющие психических расстройств (25 человек); 2) несовершеннолетние, совершившие преступления индивидуально и состоящие на учете в УИИ, не имеющие психических расстройств (25 человек); 3) несовершеннолетние, совершившие преступления группового характера и состоящие на учете в УИИ, имеющие психические расстройства (25 человек); 4) несовершеннолетние, совершившие преступления индивидуально и состоящие на учете в УИИ, имеющие психические расстройства (25 человек).

Исследование включало использование следующих методов и методик: опрос (анкетирование); индивидуальное интервьюирование осужденных и контент-анализ информации, полученной в ходе интервью; изучение личных дел осужденных; методика диагностики самооценки психических состояний (по Г. Айзенку); опросник акцентуаций характера Леонгарда-Смишека; определение склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел); «Оценка рисков и возможностей» – метод структурированной оценки рисков совершения повторных правонарушений и возможностей реабилитации несовершеннолетнего (Васечкин В. Б., Дрейзин А. А., Полятыкин С. А.); клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич); анализ индивидуальных случаев (case study).

При обработке материалов эмпирического исследования применялись методы математической статистики (метод иерархической кластеризации, критерий Манна-Уитни, критерий Спирмена и др.). На основе полученных

результатов исследования выявлен ряд закономерностей совершения преступлений группового характера, сформулированы следующие выводы:

У осужденных, совершивших групповые преступления, по результатам опросника самооценки психических состояний отмечаются завышенные показатели по шкале «агрессивность», в сравнении с аналогичными результатами у осужденных, совершивших индивидуальные преступления.

Несовершеннолетние осужденные, совершившие преступления группового характера и состоящие на учете в УИИ, имеют специфические психологические особенности, по сравнению с другими осужденными, состоящими на учете в УИИ. Среди этих особенностей обращают на себя внимание такие характеристики, как повышенная тревожность, более высокая астеничность, высокая агрессивность.

В ходе проведенного исследования была подтверждена гипотеза о том, что среди несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящих на учете в УИИ, значительно больше доля лиц, которые имеют психические отклонения, чем среди несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления самостоятельно (без группы).

По результатам опросника самооценки психических состояний отмечаются завышенные показатели по шкале «агрессивность» (как на среднем профиле, так и большинства осужденных), в сравнении с аналогичными результатами у осужденных, совершивших индивидуальные преступления.

По результатам клинического опросника для выявления и оценки невротических состояний, отмечаются расхождения по шкалам тревожности и астенизации. По шкалам опросника Леонгарда-Смишека также отмечаются завышенные показатели по тревожной акцентуации, в сравнении с осужденными, совершившими преступление индивидуально, остальные показатели находятся в пределах средних значений.

Среди основных *рисков*, выделенных в ходе анализа материалов личных дел и методики «Оценка рисков и возможностей», были выделены такие, как адаптация в антисоциальной среде и наличие друзей отрицательной направленности, наличие психических отклонений, употребление наркотических средств и алкогольных напитков, неблагоприятная обстановка в семье.

Психологический анализ личных дел и изучение личности несовершеннолетних по методике «Оценка рисков и возможностей» позволил выявить такие *ресурсы*, как умение работать в команде, развитые коммуникативные навыки, аналитические способности, владение техникой планирования своей деятельности. Перечисленные ресурсы дают возможность

для ресоциализации осужденных и психопрофилактики совершения повторных правонарушений в среде подростков.

Перспективными направлениями исследования является детальное изучение личности несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции и наблюдающихся в ПНД. Это обосновывается тем, что в ходе исследования было выявлено, что среди несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления группового характера и состоящих на учете в УИИ, значительно больше доля лиц, которые имеют психические отклонения, чем среди несовершеннолетних осужденных, совершивших преступления самостоятельно (без группы).

В целях совершенствования профилактики повторных правонарушений среди несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание без изоляции от общества, следует повышать роль межведомственного взаимодействия профильных учреждений и повышения активности спецконтингента. К числу значимых мероприятий относятся индивидуальные психологические и психокоррекционные занятия, социально-психологические тренинги, посещение различных учреждений с целью формирования позитивного образа правопослушного образа жизни.

Литература

1. Антонян Ю.М. Современные проблемы предупреждения преступности // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2015. – №4. – С. 63 – 71.
2. Башкатов И.П. Психология неформальных подростково-молодежных групп. – М.: Информпечать, 2000. – 336 с.
3. Дозорцева Е.Г., Логинова Е.В. Психологические особенности групповых правонарушений подростков // Психологическая наука и образование. – 2007. – Том 12. – № 5. – С. 289 – 294.

Психологическая готовность осуждённых женщин, имеющих детей на свободе, к материнской роли

Толстоноженко Т.Ю.

Московский государственный психолого-педагогический университет

(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Материнство характеризуется особым состоянием женщины, существующим в период беременности, родов и взращивания ребенка (Мухина

В.С., 2006). Наличие материнских чувств и принятие ответственности за судьбу ребенка являются важными предпосылками ресоциализации осужденных матерей, их законопослушного поведения после освобождения.

Остро стоит проблема материнства осужденных женщин, дети которых остались на свободе и проживают с родственниками или находятся в интернате, в приемной семье. По данным переписи осужденных в 2009 году, не состояли в браке – 74,2% женщин; состояли в браке, семья сохранилась – 15,1%; состояли в браке, но после осуждения семья распалась – 10,7%. По экспертному заключению начальников отряда, социальных работников и психологов, у 25% осужденных женщин остались несовершеннолетние дети на свободе.

В этой связи, *целью исследования* является выявление психологической готовности осужденных женщин к выполнению социальной роли матери.

Для исследования психологической готовности были использованы следующие методы и методики: авторская анкета, методика изучения родительских установок PARI (Е. С. Шефер и Р. К. Белл), опросник «Минимум», опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП).

В исследовании приняли участие 20 законопослушных женщин, 15 осужденных женщин с детьми в доме ребенка при исправительной колонии и 25 осужденных женщин, у которых дети проживают на свободе.

Возраст законопослушных женщин составлял 25 – 40 лет. Из 20 женщин 10% имеют среднее специальное образование, остальные имеют высшее образование. 75% замужем, 10% в разводе и 15% не были замужем официально. 90% женщин отметили среднее материальное положение, остальные – ниже среднего. В 50% семей воспитанием детей занимается мать, в 10% – муж и в 40% больше бабушки и дедушки. Отношения с ребенком у 90% женщин, по их мнению, доверительные и только 10% отметили холодные отношения.

Возраст осужденных женщин, у которых дети находятся в доме ребенка при исправительном учреждении, составляет 18 – 48 лет. Из 15 женщин только 13% имеют высшее образование, 33% – среднее специальное, 27% – среднее общее, 20% основное общее и 7% не имеет образования вовсе либо начальное. 53% не были замужем, 27% замужем, 13% в разводе и 7% вдовы. В доме ребенка при колонии у них находится по одному ребенку. У 20% осужденных – это первый ребенок, но многие женщины уже имеют детей на свободе. 34% имеют 2 детей, у 26% 3 – 4 ребенка, 20% имеют 6 – 7 детей. 74% отметили среднее материальное положение, 13% высокое и 13% выше среднего. Все женщины отмечали, что их матери были любящими, заботливыми, посвятившими свою жизнь им. Своих отцов большинство не знает, либо отмечает их алкогольную зависимость и насилие над матерью. В данном случае отцовство могло выступать фактором риска формирования противоправных наклонностей осужденных женщин. По

статьям, связанным незаконным оборотом наркотических средств, отбывают наказание 28% осужденных, за кражу и мошенничество – около 40 процентов, остальные по другим статьям УК РФ. У 40% женщин это – первая судимость, вторую судимость также имеют около 40% осужденных, а 20% совершили преступление три и более раз. Все женщины отметили, что после рождения детей стали чувствовать ответственность за судьбу ребенка и надежду на будущее. Однако, данное утверждение сомнительно, потому 80% женщин имеют от 2 до 6 детей и 60% судимы неоднократно.

Возраст осужденных женщин, имеющих детей на свободе (третья выборка) составляет 20 – 44 лет. 52% имеет среднее специальное образование, 16% высшее, другие 16% среднее общее и остальные 16% основное общее. 32% разведены, другие 32% не были замужем, 28% состоят в браке и 8% вдовы. 48% имеют по 1 ребенку, 32% – 2 детей, 16% – 3 и 4% – 4 детей. После рождения детей стали чувствовать надежду на будущее, радость, счастье. Все поддерживают контакты с родственниками и имеют доверительные и искренние отношения с детьми. Детей на свидания привозили лишь к 36% женщин. 76% отбывают наказание по 228 статье (как правило, незаконный сбыт наркотических веществ), 12% по статье 105 УК РФ (убийство), остальные по другим статьям УК РФ. 68% находятся в исправительном учреждении впервые, 20% повторно и 12% в третий раз. Большинство осужденных имеют среднее материальное положение. Почти у всех осужденных детство было счастливым. Методами наказания были лишь нотации и ограничения свободы действий. Родителей описывают добрыми, нежными, понимающими. Не все воспитывались в полных семьях. Их дети находятся под опекой родственников, мужа или родителей. Только у 4% ребенок находится в приемной семье.

Данные исследования родительских установок методом PARI (parental attitude research instrument) (Карелин А.А., 2001) показали, что отношение к семейной роли у законопослушных матерей в среднем выражено на 69,5%. Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком выражен в среднем на 79,4%, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком – 55,1%, излишняя концентрация на ребенке – 73,7%, хозяйственно-бытовые аспекты – 67,9%, межсупружеский аспект отношений – 58,5%, педагогические аспекты – 80% и интегрированность семьи – 68,6%.

Изучение родительских установок у осужденных женщин с детьми в доме ребенка при колонии показывает, что отношение к семейной роли в среднем выражено на 64,7%. Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком выражен на 77,8%, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком – 45,7%, излишняя концентрация на ребенке – 72,7%, хозяйственно-бытовые аспекты – 62,3%,

межсупружеский аспект отношений – 58,3%, педагогические аспекты – 77,2% и интегрированность семьи – 60,8%.

При изучении родительских установок осужденных женщин, у которых дети находятся на свободе, получены следующие данные: отношение к семейной роли в среднем выражено на 70,8%, оптимальный эмоциональный контакт с ребенком – 80,8%, излишняя эмоциональная дистанция с ребенком – 57,3%, излишняя концентрация на ребенке – 74,9%, хозяйственно-бытовые аспекты – 69,3%, межсупружеский аспект отношений – 64,6%, педагогические аспекты – 81% и интегрированность семьи – 69,7%.

Изучение родительских установок методикой PARI показывает, что у осужденных женщин с детьми в доме ребенка при колонии, в отличие от законопослушных, исследованные характеристики менее выражены. Однако, показатели родительских установок осужденных женщин, у которых дети находятся на свободе, немного превосходят показатели законопослушных матерей и значительно превосходят показатели осужденных женщин с детьми в доме ребенка при колонии.

Осужденные женщины, у которых дети находятся на свободе, имеют наиболее выраженную эмоциональную дистанцию и концентрацию на ребенке. Полученные данные подтверждают результаты анкетирования осужденных. Как отмечалось, детей на свидания привозили лишь к 36% женщинам. Невозможность регулярно видеться с собственным ребенком формирует эмоциональную дистанцию с ребенком.

Осужденные женщины с детьми в доме ребенка при колонии имеют самые низкие показатели выраженности отношения к семейной роли, оптимального эмоционального контакта с ребенком и излишней дистанции. Они подтверждаются результатами анкетирования. 53% женщин не состояли в браке, большинство их отцов им неизвестны либо они страдают от алкогольной зависимости. Наименьшая эмоциональная дистанция с ребенком объясняется тем, что в условиях исправительного учреждения наличие ребенка и совместное с ним проживание является важным ресурсом женщины для ресоциализации (Коданева М.С., 2018).

По имеющимся данным можно сделать вывод, что значительная доля осужденных женщин имеет высокий уровень психологической готовности к выполнению социальной роли матери.

Результаты исследования по оставшимся методикам обрабатываются и будут представлены в следующих публикациях.

Литература

1. Коданева М. С. Личностная идентичность как ресурс ресоциализации осужденных женщин // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-2. – С. 422 – 425.
2. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: учебник для высших учебных заведений. – 10-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
3. Психологические тесты. / Под ред. А.А. Карелина. – М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2002. – Том 2. – 246 с.

Об опыте проведения психопрофилактической работы с несовершеннолетними осужденными студентами психологического факультета МГППУ

Филимонова П.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М. Г.

При подготовке осужденных к освобождению используются различные методы и формы работы, одной из таких является социально–психологический тренинг (далее СПТ). Первые тренинги в работе с осужденными стали применяться в конце 70-х - начале 80-х годов прошлого века. Наиболее продуктивной считалась программа педагогического аутотренинга, разработанная и внедренная в практику исправления несовершеннолетних осужденных и осужденных женщин в исправительных учреждениях Пермской области. Автор программы доцент Пермского государственного педагогического института А.С. Новоселова (Новоселова А.С., 1987). Основу программы составлял педагогический аутотренинг, применялись также групповые дискуссии, ролевые игры. В начале 90-х в практику УИС стали внедряться подлинно социально-психологические тренинги, концептуальную основу которых составляли идеи германского социального психолога М. Форверга, отечественного психолога Л.А. Петровской и других специалистов. Первая программа СПТ подготовки осужденных к освобождению разработана и внедрена в практику в то время преподавателем Академии МВД, М.Г. Дебольским (Дебольский М.Г., 1996). В настоящее время в арсенале пенитенциарных психологов используется более 100 развивающих и психокоррекционных тренингов, направленных на модификацию поведения

осужденных, которые проанализированы автором и найдут освещение в выпускной квалификационной работе.

Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ) на основе Договора о научно-практическом сотрудничестве с уголовно-исполнительной системой выполняет следующие виды работ: разработка психокоррекционных программ, апробация и проведение социально-психологических тренингов, а также народных игр со строевыми песнями, выполнение курсовых и дипломных проектов, имеющих практическую направленность. Автор совместно с группой студентов МГППУ под руководством профессора кафедры юридической психологии и права М.Г. Дебольского и руководителя практики В.А. Чернушевича разработала и апробировала в воспитательных колониях комплексную групповую программу тренинга, которая включает следующие элементы: 1) строевые песни, выполняемые совместно студентами и осужденными (Чернушевич В.А., 2012); 2) народные игры (программа обобщена, апробирована и нашла отражение в курсовой работе автора (Филимонова П.М., 2018); 3) проведение социально-психологического тренинга, участниками которого были как осужденные, так и студенты факультета юридической психологии (Филимонова П.М., 2019, 2020); 4) свободное общение осужденных и студентов во время чаепития.

Цель программы: оказать содействие ресоциализации несовершеннолетних осужденных, развитию социально-значимых качеств и коррекции личностных свойств, способствовавших преступлению. В ходе реализации программы решались *следующие задачи:* 1) выявить отношение осужденных к проводимым мероприятиям; 2) определить влияние тренинга на психическое состояние осужденных (самочувствие, активность, настроение; 3) повысить целеустремленность осужденных, осознание причин совершенного преступления, сформировать установку на законопослушный образ жизни после освобождения.

В качестве базы исследования выступали Алексинская ВК (2018 год) и Можайская ВК (2019 г.). Помимо комплексной социально-психологической программы, которая проводилась со всеми осужденными ВК (за исключением больных, дежурных) раз в квартал, с целевой группой осужденных в каждой колонии проведено 8 – 10 занятий социально психологического тренинга.

Диагностика изменений психического состояния и личностных свойств несовершеннолетних осужденных осуществлялась следующими методиками: шкала активности и оптимизма (ШАО), методика самочувствие, активность, настроение (САН) и авторская анкета.

Отдельно с осужденными также проводились чаепития, чаще всего привозились блины, сладости и т.д., где можно было пообщаться более неформально, ребята рассказывали свои личные истории, легче раскрывались при данном формате. Была возможность задать вопросы и нам, поэтому многие осужденные уже задумывались о том, что будут делать после освобождения, разговор шёл о высшем учебном заведении, проходных баллах и т.д.

В 2020 году нами была разработана и апробирована тренинговая программа, направленная на осознание причин совершенного преступления.

Опираясь на проведенные исследования, были получены следующие результаты:

1. Психокоррекционная программа является эффективным и действенным видом развития и коррекции личности несовершеннолетних осужденных, поскольку данный вид деятельности позволяет работать в группе со схожими проблемами, но при этом происходят изменения, которые подросток сразу может даже не заметить. Занятия способствуют пробуждению интереса к развитию личности, заставляют задуматься и обратить внимание на окружение, влияют на эмоциональные факторы (такие как улучшение настроения, психическая напряженность), повышающие уровень стрессоустойчивости.
2. Воздействие в течение психокоррекционной программы влияет на осознание личностью мотивов совершенного преступления и факторов, способствовавших этому, так как позволяет изменить ценностные ориентации, которые влияют на активацию причин противоправных действий. Это можно проследить, опираясь на полученные данные.
3. Несовершеннолетние обучаются контролировать свои реакции, а это означает, что агрессию, гнев и другие эмоции будут проявлять в адаптивном виде.
4. Доказано влияние народных игр при психологической коррекции и развитии личности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы;
5. Народная игра позволяет решить разносторонние задачи, так как позволяет смоделировать ситуации, а также проявить эмоции;
6. Участие в играх совместно со студентами способствует развитию оптимизма, уверенности в себе;
7. Народные игры могут использоваться в исправительных учреждениях как форма коррекции и ресоциализации несовершеннолетних осужденных, то есть входить в комплекс программы.

Проведенная работа за предыдущие годы позволяет нам отслеживать положительную динамику осужденных, выявить социальные факторы и особенности личности несовершеннолетних осужденных, с учетом которых разработать программу их подготовки к освобождению.

Литература

1. Дебольский М. Г. Проведение социально – психологических тренингов в уголовно – исполнительной системе: Учеб. Пособие Академ. МВД России. – М.: Акад. МВД РФ, 1996. – 87 с.
2. Новоселова А.С. Социально-педагогический тренинг в системе средств нравственного перевоспитания осужденных при подготовке их к выходу на свободу. Часть 3. – Пермь: Пермский государственный педагогический институт, Политотдел ИТУ УВД Пермской обл., 1987. – 89 с.
3. Филимонова П. М. Народные игры как средство психологической коррекции и развития личности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы: курсовая работа, студент: 44.05.01 – М., 2018. – 78 с.
4. Филимонова П. М. Обоснование программы развития стрессоустойчивости у несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы: курсовая работа, студент: 44.05.01 – М., 2019. – 60 с.
5. Филимонова П. М. Особенности психокоррекционной работы с осужденными воспитательной колонии, направленной на осознание причин совершенного преступления: курсовая работа, студент: 44.05.01 – М., 2020. – 124 с.
6. Чернушевич В.А. Народная игра (фольклор) как психокоррекционный ресурс юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право – 2012. – № 4. – URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw> (дата обращения: 18.03.2021).

Теоретическое обоснование и апробация программы профилактики членовредительства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в следственных изоляторах

Чеботарев И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

В настоящее время проблема профилактики членовредительства несовершеннолетних, содержащихся в следственных изоляторах, является весьма актуальной, что обусловлено как высокой встречаемостью данного явления и рядом возможных неблагоприятных последствий в виде вреда для здоровья и риска летального исхода, возможности паттернизации демонстративно-шантажного аутоагрессивного поведения, возрастанием риска суицидального поведения у аутоагрессантов, так и малой теоретической

изученностью данного феномена, в т.ч., приводящей к рассмотрению профилактики членовредительства в рамках профилактики суицида, без учета специфичных для членовредительства мотивов и особенностей.

Целью исследования являлось обоснование, разработка и апробация программы профилактики членовредительства несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в СИЗО. Само членовредительство было рассмотрено нами как разновидность аутоагрессивного поведения (Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А., 1994), и, исходя из его формы и целей, определено как аутоагрессивные действия, совершенные без суицидальной цели, в виде намеренного повреждения органов и тканей тела, не повлекшие за собой летальный исход. В качестве теоретической концепции, объясняющей природу аутоагрессивного поведения как наиболее подходящая к условиям пенитенциарных учреждений нами была выбрана концепция Г.Я. Пилягиной (Пилягина Г.Я., 1999), которая объясняет аутоагрессивное поведение с позиции ситуативного подхода.

Для определения основных направлений программы проведен как теоретический анализ источников, так и эмпирическое исследование особенностей актов членовредительства несовершеннолетних и личностных особенностей несовершеннолетних, их совершивших.

При анализе актов членовредительства, совершенных несовершеннолетними в ряде СИЗО Центрального федерального округа Российской Федерации в 2018-2019 гг., и их сравнении с актами, совершенными взрослыми заключенными, нами были выявлены такие особенности, как более выраженная демонстративно-шантажная направленность, высокая рецидивность актов членовредительства, а также более высокая вероятность совершения групповых актов членовредительства, как в виде одновременного группового членовредительства, так в виде серии актов членовредительства, совершенного сокамерниками с небольшим интервалом. В качестве ситуативных факторов, способствующих совершению подростками членовредительства, нами были выявлены такие факторы, как условия заключения, связанные с фрустрацией ряда потребностей, приводящие к формированию пенитенциарного стресса (Мельникова Д.В, Дебольский М.Г., 2015), истощения компенсаторных запасов подростка, его астенизации, криминальная субкультура, ведущая как к совершению членовредительства подростками с низким социальным статусом из-за их притеснения, так и к совершению членовредительства с целью утвердиться в криминальной субкультуре. Также, как было отмечено выше, одним из факторов риска членовредительства является аутоагрессивное поведения сокамерников, приводящее, с высокой вероятностью, к совершению членовредительства по механизмам заражения и подражания. Для определения

личностных особенностей подростков, склонных к суициду и членовредительству, нами было проведено сравнение несовершеннолетних заключенных, состоящих на профилактическом учете как склонные к суициду и членовредительству, с подростками, на профучете не состоящими (11 и 14 человек соответственно). Были использованы методики, направленные на изучение склонности к отклоняющемуся поведению (СОП-М, автор А.Н. Орел), индивидуально-типологических особенностей (ИТО), криминальных черт личности (КриЧ), а также тест смысложизненных ориентаций (СЖО). Сравнение проводилось с применением статистического критерия Манна-Уитни. По итогам исследования выявлено, что подростки, склонные к членовредительству, обладают более выраженными конформностью и сензитивностью, при этом, у всех обследованных подростков были выражены личностные черты, свидетельствующие о принятии ими норм и ценностей криминальной субкультуры; также у большинства обследованных нами подростков была выявлена несформированность жизненных целей, неудовлетворенность прожитой жизнью, уверенность в отсутствии возможности контроля собственной жизни, что также было выделено нами как фактор риска совершения членовредительства. Таким образом, можно заметить, что членовредительство в условиях следственного изолятора детерминировано рядом ситуативных и личностных факторов, и для его профилактики необходимо как комплексное взаимодействие различных специалистов, так и комплексный характер психологической профилактики.

По итогу исследования разработана программа социально-психологического тренинга, направленная на профилактику членовредительства. В состав программы вошли такие блоки, как формирование представлений о понятии членовредительства и ответственности за его совершение, формирование навыков бесконфликтного общения с сокамерниками и администрацией, формирование навыков совладания со стрессовыми ситуациями, противостояние групповому давлению, развенчание криминальной субкультуры, формирование просоциальных целей и планов на будущее, а также блоки, связанные с запуском групповой динамики и подведением итогов программы. Длительность программы составила 14 занятий продолжительностью 1-1,5 часа.

Апробация программы из-за введенных карантинных ограничений была проведена путем экспертизы соответствия элементов программы выделенным нами критериям, таким, как актуальность темы программы, научная новизна теоретического обоснования и новизна используемых методов, логичность выделенных блоков и занятий внутри блока и т.д., а также указанием возможных личностных изменений, которые могут произойти с участниками программы по

ее итогам, рекомендаций для улучшения программы и заключения в виде возможности апробации и внедрения данной программы в СИЗО и ПФРСИ. Всего нами было получено 13 экспертных заключений психологов учреждений УИС Уральского Федерального округа. В качестве основного недочета программы была указана ее длительность, из-за которой не все заключенные смогли бы пройти ее в полном объеме, однако, при ее доработке была введена возможность проведения программы в виде отдельных блоков, основываясь на особенностях участников программы. Вместе с тем, данная программа была рекомендована абсолютным большинством экспертов (92 %) к апробации и внедрению в СИЗО, а в качестве изменений, которые могли бы произойти с участниками программы, были выделены такие изменения, как снижение риска совершения членовредительства, развитие умений бесконфликтного общения, выработка навыков совладания со стрессом, формирование просоциальных целей и планов на будущее.

Литература

1. Антонян Ю.М., Бойко И.Б., Верещагин В.А. Насилие среди осужденных: Учебное пособие/ под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 1994. –120 с.
2. Мельникова Д.В., Дебольский М.Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых [Электронный ресурс]. // Психология и право. – 2015. – Том 5. – № 2. – С. 105 – 116. – URL: https://psyjournals.ru/psyandlaw/2015/n2/77065_full.shtml (дата обращения: 07.05.2021).
3. Пилягина Г.Я. Аутоагрессия: биологическая целесообразность или психологический выбор? // Таврический журнал психиатрии. – 1999. – Том 3. –№3. – С. 24 – 27.

Особенности самооценки и выученной беспомощности у осужденных женщин

Шихер А.Л.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Дебольский М.Г.

Изучение индивидуально-психологических особенностей осужденных женщин является актуальной темой, расширение представлений о которой позволяет повысить эффективность профилактических мер, условий исполнения

наказаний, а также ресоциализации. Разработка проблем, связанных с личностью осужденных, способствует совершенствованию и модификации программ первичной, вторичной и третичной профилактики противоправного поведения (Ильин А.В., 2012).

Объектом исследования в рамках работы являются самооценка и выученная беспомощность как личностные феномены; а предметом исследования – особенности самооценки и выученной беспомощности у осужденных женщин и их взаимосвязь.

Целью работы является выявление особенностей самооценки и выученной беспомощности у осужденных женщин как личностных свойств, учет которых позволит совершенствовать процесс ресоциализации осужденных. В рамках исследования не только выявляется специфика самооценки и наличие выученной беспомощности у женщин, отбывающих наказание на разных сроках, при наличии или отсутствия рецидива, но и осуществляется сравнительный анализ с показателями в группе законопослушных женщин. Такой дизайн исследования позволяет выделить специфику личностных особенностей, на которую могут влиять непосредственно условия отбывания наказания. В работе сравниваются особенности женщин, которые находятся на разных этапах отбывания наказания, и такие характеристики, как: возраст, уровень образования, семейное положение, наличие детей, статья, по которой женщина осуждена, наличие рецидива, коммуникация с семьей, друзьями, а также субъективная оценка изменения своего состояния, изменения отношения к себе и общего уровня активности в процессе отбывания наказания. Таким образом можно не только изучить как те или иные особенности могут способствовать развитию неадекватной самооценки и выученной беспомощности, но и выделить конгруэнтные зоны для профилактической и коррекционной работы пенитенциарного психолога.

Под выученной беспомощностью понимается психологическое состояние, возникающее в результате неконтролируемых, преимущественно неприятных событий, которые проявляются в нарушении эмоциональных, мотивационных и когнитивных процессов личности (Циринг Д.А., 2011).

Для изучения личностных характеристик участников исследования проведена диагностика самооценки по опроснику Г.Н. Казанцевой, а для выявления склонности к наличию синдрома выученной беспомощности – методика «Личная шкала проявления тревоги» Дж. Тейлора в адаптации Т.А. Немчина, а также методика «Шкала депрессии» А. Бека в адаптации Т.И. Балашовой и «Тест атрибутивных стилей» М. Сэлингмана в адаптации Л.М. Рудиной (Циринг Д.А., 2011).

Математические методы сравнения переменных по изучаемым свойствам позволяют выявить закономерности и связи между неадекватной самооценкой и выученной беспомощностью, а также особенностями возраста, семейного положения и характеристик, связанных с субъективной оценкой своего текущего состояния и изменений.

Для выявления выученной беспомощности в работе также проводится диагностика таких психологических конструктов, как: тревожность, склонность к депрессивности и атрибутивный стиль. Изучение данных характеристик позволяет не только выделить людей с выученной беспомощностью в группах осужденных и не осужденных женщин, но и изучить конструкты как самостоятельные переменные. Общий анализ позволяет рассмотреть их не только в сравнении с группой женщин, не имеющих судимостей, но и обозначить закономерности, связанные со сроком отбывания наказания.

Подтвердились ранее отмечавшиеся закономерности (Дебольский М.Г., 2003), что у осужденных женщин наблюдается ранимость, избегание неудачи и неуверенность в себе, которая проявляется в эмоциональной неустойчивости и влияет на аффективный компонент самоотношения.

Исследование самооценки позволяет обозначить характер оценки осужденной женщины собственных качеств, достоинств и недостатков (Немов Р.С., 2003). В текущем дизайне исследования возникает возможность анализа соотношения особенностей самооценки и срока отбывания наказания, а также такие факторы, как общение с семьей и с друзьями или же их отсутствие в текущей жизни осужденной женщины.

Особая ценность работы заключается в возможности увидеть различия в том, как осужденные и законопослушные женщины относятся к своему текущему состоянию. В группах осужденных женщин с выявленной неадекватной самооценкой и выученной беспомощностью при прохождении анкетирования женщины не отмечали каких-либо особенностей своих состояний, при этом в группах не осужденных женщин с неадекватной самооценкой и выученной беспомощностью женщины критически относятся к своему состоянию и результаты анкетирования статистически соотносятся с данными диагностических методик. Данный факт также указывает на необходимость развития у осужденных женщин эмоционального интеллекта и рефлексии, которая является ресурсом для отслеживания собственных состояний и продуктивного участия в программах, которые проводит психологическая служба в исправительных колониях.

По итогам исследования полученные данные позволяют сформулировать ряд рекомендаций по работе с осужденными женщинами и организации

пространства, способствующего развитию понимания себя, своих эмоций, способностей и поступков.

Результаты исследования указывают на необходимость проведения профилактических и диагностических мер по выявлению и коррекции неадекватной самооценки и склонности к выученной беспомощности на разных этапах отбывания заключения. Данные материалы демонстрируют, что психологическая работа по выстраиванию адекватной самооценки и развитию субъектной позиции осужденной женщины необходима не только на этапе ресоциализации, когда женщина готовится к освобождению, но и на самых ранних сроках пребывания в исправительном учреждении, независимо от возраста, уровня образования и правонарушения, которое было совершено женщиной.

Литература

1. Дебольский М.Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы // Энциклопедия юридической психологии /Под общ. ред. проф. А.М. Столяренко. М.: Юнити – Дана, 2003. – С. 482 – 483.
2. Ильин А.В. Психологическая диагностика подготовки осужденных женщин к продуктивной ресоциализации // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3 (24). – С. 23-31.
3. Немов Р. С. Психология. Кн. 1. Общие основы психологии. 4-е изд. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 410 с.
4. Циринг Д.А., Евстафеева Е.А. Психодиагностика личностной беспомощности: проблемы и методы // Сибирский психологический журнал. – 2011. – №41. – С.12 – 23.

МЕДИАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ПРАКТИКА

Особенности применения медиативного подхода для решения производственных конфликтов в современной коммерческой организации

Бойко Е.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель - Вечерина О.П.

Несмотря на то, что частное предпринимательство стало частью экономики России по историческим меркам относительно недавно, количество коммерческих организаций ежегодно растет в среднем на 10-15 % и более. В связи с этим растет и количество проблем, связанных с их функционированием, в том числе проблема управления бизнес-конфликтами. На очередной конференции, посвященной социально-трудовым конфликтам в России и мире, председатель Федерации независимых профсоюзов России М.В. Шмаков отметил, что с каждым годом количество производственных конфликтов растет в среднем на 15%, и тенденция сохраняется (Шмаков М.В., 2017).

Дезинтеграция крупных предприятий, появление множества средних и малых привели к снижению культуры трудовых отношений. Многие конфликты происходят из-за падения общего уровня культуры, прежде всего в наиболее быстро развивающемся классе предпринимателей (Бурженюк Г.М., Ефимова Т.В., 2017). Применение административных методов разрешения производственных конфликтов, как показывает практика большинства российских предприятий, зачастую малоэффективно. Велик риск перехода конфликта в скрытый, что приводит к нарастанию напряженности внутри организации, снижению производительности и уходу ключевых сотрудников.

Одним из альтернативных методов разрешения конфликтов, хорошо зарекомендовавшим себя на Западе, который позволяет не просто разрешать, но исчерпать конфликт, что позволяет быть услышанной каждой из сторон конфликта, удовлетворить их интересы и создает условия для стабильности выработываемого решения (соответственно, стабильности в обществе) является медиация (Шамликашвили Ц.А., 2014).

Зарубежный опыт урегулирования производственных конфликтов показывает, что многие проблемы, возникающие на рабочем месте, по характеру своего протекания не могут быть вынесены на публичное рассмотрение (например, домогательство, инвалидность и т.п.), что существенно затрудняет их

решение. Медиация является наиболее приемлемым вариантом для решения подобного рода конфликтов, так как дает конфликтующим сторонам возможность напрямую и конфиденциально разговаривать друг с другом при содействии независимого посредника (McKenzie D.M., 2015).

Однако держать в штате медиатора или прибегать к услугам внештатного медиатора в России достаточно затратно и не всегда экономически целесообразно. В связи с чем встает вопрос о том, чтобы обучить ключевых сотрудников «медиативному подходу», т.е. подходу, «основанному на принципах медиации, предполагающем владение навыками позитивного осознанного общения, создающими основу для предотвращения и/или эффективного разрешения споров и конфликтов в повседневных условиях без проведения медиации как полноценной процедуры» (Шамликашвили Ц.А, 2017).

На основе данного метода Ц.А. Шамликашвили также разработан способ совершенствования взаимодействий в организациях, учреждениях, коллективах на предприятиях – комплексно интегрированный медиативный подход (КИМП), внедрение которого содействует улучшению «климата» в больших и малых группах, коллективах, повышению эффективности и производительности труда, устойчивому развитию на основе сотрудничества.

Овладев навыками медиативного подхода, сотрудники научаются рационально оценивать внутренние и внешние потенциальные угрозы, осознавать свои мысли и чувства, принимать их ограниченность ввиду отсутствия целостного представления о ситуации, становятся способны принять точку зрения других участников взаимодействия, что позволяет предупредить потенциальные конфликты, эффективно разрешать уже имеющиеся разногласия и не доводить их до эскалации конфликта без привлечения внешних провайдеров услуг медиации. Таким образом, не только экономятся средства компании, но и создается устойчивая основа для ее более гармоничного и устойчивого развития.

Полагаем, что в настоящее время в современном бизнесе назрела необходимость систематического и планомерного внедрения практики применения медиативного подхода для предотвращения и скорейшего конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и сохранения позитивного психологического климата в организации. Обучив своих сотрудников навыкам применения медиативного подхода, организации смогут существенно сократить временные и финансовые затраты на урегулирование споров и конфликтов, снизить репутационные риски, что делает данный подход наиболее привлекательным на фоне других, в т.ч. административных, способов решения конфликтов.

Литература

1. Бюрженюк Г.М., Ефимова Т.В. Социально-трудовые конфликты в России и мире // Конфликтология. – 2017. – №2. – С. 148–174.
2. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании общественных отношений // Вестник Федерального института медиации. – 2017. – №3. – С. 10–25.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиация как междисциплинарная наука и социально значимый институт // Психологическая наука и образование. – 2014. – №2. – С. 5–14.
4. Шмаков М.В. Новая ситуация в социально-трудовой сфере России как источник усиления конфликтности и деятельность ФНПР по защите прав трудящихся // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: роль органов власти, профсоюзов и работодателей в их предотвращении и урегулировании: III Международная научно-практическая конференция, 31 марта 2017 года. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 13–17.
5. McKenzie D.M. The role of mediation in resolving workplace relationship conflict // International Journal of Law and Psychiatry – 2015. – Vol. 39. – P. 52-59. – doi: 10.1016/j.ijlp.2015.01.021.

Социальные конфликты в учреждениях здравоохранения (на примере районных поликлиник города Москвы)

Веревкина Е. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Михайлова Е. О.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И.Б.

Социологические исследования последних лет выявили тенденцию снижения удовлетворенности качеством оказываемой медицинской помощи в российских учреждениях здравоохранения (Семина Т.В., 2016). Помимо объективных трудностей, связанных с недостатками материально-технического обеспечения и нехваткой специалистов, этому способствует и ежегодно увеличивающееся число конфликтов, происходящих в стенах медицинских учреждений. В наиболее крайних формах эти конфликты проявляются в нападениях на медиков, что не может не вызывать беспокойство как у ученых, так и у руководителей учреждений здравоохранения (Хубулава Г.Г., 2015). В

связи с этим крайне важным является постоянное изучение возникающих конфликтов, которое позволит предпринимать адекватные меры по их предотвращению и разрешению.

В 2019–2020 годах было проведено исследование, направленное на изучение возникающих в районных поликлиниках города Москвы конфликтов в процессе оказания медицинской помощи. В качестве метода исследования был выбран анкетный опрос, общий объем выборки составил 119 человек (сотрудники и пациенты районных поликлиник города Москвы).

Была выдвинута следующая гипотеза: в современных районных поликлиниках достаточно часто возникают конфликты, особенно между медицинскими сотрудниками и пациентами. Однако, обе стороны имеют установки на конструктивное разрешение конфликтов.

По итогам опроса были получены следующие результаты.

И сотрудники, и пациенты районных поликлиник отмечают значительное число конфликтов, возникающих в процессе оказания медицинской помощи.

При этом именно медицинские работники в целом относятся к возникновению конфликтов конструктивнее, поскольку признают их неизбежность в своей профессиональной деятельности. Однако, была выявлена значительная группа медицинских работников (38,2% респондентов), отметивших, что конфликты в профессиональной деятельности имеют исключительно негативное влияние. Эти работники требуют особого внимания со стороны руководства учреждений здравоохранения, поскольку данное отношение повышает потенциальную конфликтность в профессиональной деятельности учреждения.

Наибольшее число конфликтов возникает у врачей с пациентами или их родственниками, также достаточно распространение имеют конфликты между пациентами и административными сотрудниками учреждений здравоохранения.

Причинами этих конфликтов обе группы исследуемых назвали:

- нехватку специалистов (65,7% сотрудников и 50% пациентов);
- ограниченное время приема (42,9% и 41,7% соответственно);
- отсутствие мотивации к труду у медиков (28,6% и 36,9% соответственно);
- слабое материально-техническое обеспечение поликлиник (25,7% и 27,4% соответственно).

Была также выявлена тенденция указания в качестве источника конфликтов противоположной стороны. Пациенты называют также поведение медицинских работников в качестве причин конфликтов, в частности указывая на грубость, нарушение врачебной этики, низкое качество подготовки. Медики же, в свою

очередь, говорят о проблемах в поведении пациентов, связанных с проявлением агрессии и завышенными ожиданиями к врачам.

Разошлось мнение исследуемых групп и относительно желаемых способов разрешения возникающих конфликтных ситуаций. Так, в современных районных поликлиниках в настоящее время применяется в основном психологический способ, связанный с убеждением или манипуляциями в отношении оппонента. Руководство учреждения нередко прибегает к правовому (издание распоряжений) и организационному (кадровые перестановки) методам урегулирования конфликтов.

Однако сами медики предпочли бы иной подход. Медицинские работники отмечают, что целесообразнее было бы создать в учреждениях условия, максимально предотвращающие возможность возникновения открытых конфликтов. Такие условия могут быть созданы за счет гармонизации отношений внутри трудовых коллективов и более четкой регламентации поведения специалистов в процессе оказания медицинской помощи пациентам.

Пациенты же демонстрируют диаметрально противоположное мнение. Для них наиболее приемлемыми способами разрешения конфликтов являются: обязательное привлечение руководителей организации (78,6% респондентов), самостоятельное разрешение конфликта с медицинским работником в личном общении (48,8% респондентов) и написание жалоб в вышестоящие органы (46,4% респондентов). Было также выявлено, что пациенты готовы применять силовой метод в конфликтах с медицинскими работниками. Этот факт должен быть учтен в работе учреждений для обеспечения безопасности жизни и здоровья медицинских специалистов.

И медицинские работники, и пациенты в целом готовы к использованию в разрешении возникающих конфликтных ситуаций медиативные практики. 11,4% медиков уже их используют в своей профессиональной деятельности, еще 14,7% отмечают перспективность применения данной технологии. 20,3% опрошенных пациентов также отметили медиацию (привлечение посредника) в качестве приемлемого способа разрешения конфликтов.

Таким образом, можно говорить о том, что российское общество в целом готово к включению медиации в качестве одного из основных способов разрешения конфликтов, в том числе, в медицинской сфере.

Учитывая, что 72,6% опрошенных пациентов отметили обоюдную ответственность врача и пациента в процессе разрешения конфликта, можно говорить о том, что у обеих исследованных групп сформированы установки на конструктивное разрешение конфликтов. В связи с этим, первоначальная гипотеза исследования полностью доказана.

Проведенное исследование выявило ряд проблем, связанных с недостаточной компетентностью медицинских работников в сфере разрешения конфликтов в профессиональной деятельности. В качестве возможного варианта решения выявленных проблем может быть предложено обучение сотрудников основам конструктивного поведения в конфликте, в том числе, медиативным практикам.

Наличие медиативных навыков у врачей, медицинского персонала и администрации поможет разрешить разногласия и возникающие споры, снимая тем самым претензии пациентов в процессе оказания медицинской помощи (Максимов И.Л., 2019). Это, в свою очередь, приведет к повышению качества оказываемых медицинских услуг и простимулирует развитие системы отечественного здравоохранения в целом.

Литература

1. Максимов И.Л. Процедура медиации в системе здравоохранения // Вести научных достижений. Экономика и право. – 2019. – №1. – С. 30-32.
2. Семина Т.В. Социальный конфликт «врач – пациент» в современном российском обществе: Объективные причины и субъективные факторы // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2016. – № 1. – С. 84-106.
3. Хубулава Г.Г. Феномен конфликта между пациентом и врачом // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – №12 (90). – С.51-57.

Применение медиативного подхода в развитии «гибких навыков» и эмоционального интеллекта медиатора

Голева Т.М.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Руководитель – Шамликашвили Ц.А.

В XXI в. развитие гибких навыков, в том числе повышение уровня эмоционального интеллекта (далее – EQ), является наиболее важным умением для человека в современном обществе, а поиск инструментов и методик, позволяющих овладеть этими навыками, занимают умы не только учёных, но и людей, не имеющих никакого отношения к науке.

Давно установлено, что именно эмоции обогащают человеческий ум, не позволяя становится ему пресным. Как отмечает Дэниел Гоулман, посвятивший изучению и популяризации эмоционального интеллекта многие свои работы, «на

фоне тех, кто ценит исключительно высокий IQ, особенно выделяются люди, владеющие социальными навыками: дисциплинированные, энергичные, способные к эмпатии». Эмпатия занимает лидирующую позицию среди навыков, позволяющих говорить об эмоциональном интеллекте и степени его развития у людей.

Важно отметить, что «эмоциональный интеллект – это не противоположность интеллекту, не триумф разума над чувствами, это уникальное пересечение обоих процессов» (Майер Д., Саловой П., Карузо Д., 2000).

В исследовании рассматривается вопрос о возможности и необходимости развития и совершенствования гибких навыков и эмоционального интеллекта посредством освоения и практического изучения метода и особенностей медиативного подхода с целью повышения эффективности профессиональной деятельности медиатора. Возможность и целесообразность имплементации медиативного подхода с целью формирования медиативного мировоззрения как источника самореализации личности, её формирования и совершенствования является одним из способов развития ключевых компетенций XXI в: гибких навыков и EQ. В рамках исследования был проведен опрос медиаторов по разработанной автором анкете. Установлено, что изучение и применение медиативного подхода на практике позволяет медиатору значительно повысить уровень своего EQ и развивать гибкие навыки. Высокий уровень овладения этим мастерством позволяет достигать поставленных целей, как в профессиональной, так и в повседневной деятельности совершенно на ином качественном уровне – а именно, активизировать навыки культурного и продуктивного взаимодействия с обществом, в том числе умение взаимодействовать с самим собой, понимать и принимать свои и чужие эмоции. Как отмечают Н.В. Жбанкова и О.А. Прохорова, «под эмоциональным интеллектом понимается сложное интегративное образование, включающее совокупность когнитивных, поведенческих и собственно эмоциональных качеств, обеспечивающих осознание, понимание и регуляцию собственных эмоций и эмоций окружающих, влияющих на успешность профессиональной деятельности специалиста» (Жбанкова Н.В., Прохорова О.А., 2017).

В свою очередь, Ц.А. Шамликашвили выделяет принятие в качестве такой опоры для развития EQ и гибких навыков медиативный подход. С его помощью людям проще быть самими собой, принимая своего оппонента, ситуацию, ее интерпретацию, свою собственную уязвимость и слабость и находить наиболее релевантные решения, которые соответствуют ожиданиям и удовлетворяют их интересы. «Способность сомневаться, ставить вопросы, прежде всего себе, своим допущениям, интерпретациям, чуткость, сопереживание, сострадание,

неравнодушие – это качества, которые развивает в человеке медиативный подход» (Шамликашвили Ц.А., 2017).

Было отмечено, что человеку, обладающему критическим мышлением, несколько проще признать, что его личное мнение не является единственно правильным, а, возможно, и вовсе неправильным для других, тем самым дать возможность собеседнику быть самим собой, со своим личным мнением, правом на ошибку, опыт, и, расширив свои границы, искренне принимать других людей. Такое принятие является базисом одной из техник, применяемых в рамках процедуры медиации – активного слушания. Медиатор, грамотно применяющий эту технику, способен выстроить процедуру в атмосфере доверия, показывая сторонам неподдельный интерес, проявляя эмпатию и искренне веря в людей, в их человечность.

Активное слушание – это способ сделать коммуникацию более осмысленной, вдумчивой и глубокой, способной развернуть взгляды людей на ситуацию на 360 градусов. Медиатор старается как можно глубже и лучше понять, что имела в виду каждая из сторон, и при необходимости уточняет, правильно ли он понял смысл сказанного. Как правило, подразумевается, что медиатор не просто слушает, но и слышит: обращает внимание на мельчайшие детали, подтекст речи и даже на то, что в большинстве случаев остается не высказанным напрямую, – на эмоции и чувства. Самое главное, что медиатор, владеющий такими навыками, умеет распознать ценности, о которых даже сам человек может не догадываться. Тогда процедура медиации по решению некоторого числа спорных вопросов сторон сможет стать и откровением, глубоким взглядом внутрь себя для конкретного человека.

Результаты, полученные в рамках исследования, позволяют сделать вывод о том, что медиативный подход может расширить инструментарий, применяющийся для развития гибких навыков и эмоционального интеллекта не только у медиаторов, но и масштабировать его на другую целевую аудиторию. В том числе, были разработаны и предложены авторские методики для практического применения педагогами и тренерами, позволяющие развивать у обучающихся эмоциональный интеллект и гибкие навыки на основе медиативных техник.

Стоит заметить, что, принимая во внимание, что медиативный подход может быть положен в основу саморазвития, непосредственно в вопросе нахождения для себя наиболее приемлемых решений, полагаем возможным сформулировать рекомендации по использованию медиативного подхода в качестве инструмента для каждого человека по повышению личностного уровня гибких навыков и EQ.

Литература

1. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. – М.: МИФ, 2021. – 11-е изд. – 580 с.
2. Жбанкова Н.В., Прохорова О.А. Эмоциональный интеллект как когнитивная компетенция медиатора // Казанская Наука. – 2017. – №11. – С. 83-86.
3. Шамликашвили Ц.А. Медиативный подход и его возможности в развитии человеческого капитала и совершенствовании человеческих отношений [Электронный ресурс] // Вестник Федерального института медиации. – 2017. – №3. – С. 10–25. – URL: http://fimvestnik.ru/wp-content/uploads/2017/10/Shamlikasvili_3_2017.pdf (дата обращения: 06.05.2021).
4. Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R. Models of emotional intelligence // Handbook of human intelligence / R.J. Sternberg (ed.). 2nd ed. –New York: Cambridge University Press. – 2000. – P. 396–422.

Конфликты в условиях ограничительных мер, связанных с пандемией COVID-19

Гуринович А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Шамликашвили Ц.А.

Согласно исследованию Всемирного банка и Организации Объединенных Наций Pathways for Peace: Inclusive Approaches to Preventing Violent Conflict («Пути к миру: инклюзивные подходы к предотвращению конфликтов с применением насилия») с 2005 по 2015 год количество летальных случаев, связанных с военными действиями, увеличилось десятикратно. По причине военных конфликтов 65,6 млн. человек находятся в состоянии вынужденных переселенцев, при этом порядка половины из них –это дети. Авторы указанного исследования обосновывают экономическую эффективность мер по предотвращению конфликтов, которая составляет ежегодную экономию до порядка 70 млрд долл. США.

Помимо урона от военных конфликтов, связанных с очевидным насилием над человеком, не меньший урон развитию мирового сообщества наносят и межкорпоративные и внутрикорпоративные конфликты. Аналитики А1 и бизнес-школы «Сколково» прогнозируют рост корпоративных конфликтов. По данным экспертов, конфликтность деловой среды в России росла с середины 2018 г. до пиковых значений конца 2019 г. При этом причиной спада

конфликтности в I квартале 2020 г. эксперты называют шок от пандемии коронавируса и связанное с этим падение деловой активности в целом. В результате снятия санитарных ограничений и моратория на банкротство ожидается рост конфликтности.

Уровень конфликтности, являясь мощным фактором, влияющим на развитие организации, тем не менее обусловлен причинами, возможно прямо с конфликтностью не связанными, но которые могут повышать вероятность роста конфликтности.

Своевременное реагирование на новые вызовы позволяет снизить вероятность возникновения и роста конфликтности среди персонала, тем самым минимизировать деструктивное влияние конфликтов на качество деятельности организаций.

Примером этому стал 2020 год, когда воздействие внешних факторов, обусловленных пандемией COVID-19, кардинально изменило привычный ритм жизни каждого человека, семьи, организации, государства и мира в целом.

Рассматривая влияние пандемии на деятельность крупных корпораций, специалисты прогнозируют возникновение недовольства в рядах сотрудников, начиная от недовольства соблюдением санитарно-гигиенических мер и организацией удаленной работы, заканчивая выплатой заработной платы и проведения тестирования на заболеваемость для сотрудников.

Необходимость заблаговременного выявления факторов риска возникновения и роста конфликтности в корпорациях, а также выработка адекватных ответных мер реагирования на выявленные риски свидетельствует об актуальности представленной работы.

Для изучения отдельных сторон конфликта в условиях пандемии и его семантической наполненности была разработана анкета и проведен опрос. Исследуемая выборка представлена 28 респондентами в возрасте от 23 до 67 лет.

С целью выяснения динамики уровня конфликтности респондентам по 10-балльной шкале было предложено оценить уровень конфликтности до пандемии, в период пандемии и сделать прогноз на постпандемический период.

Респонденты допандемический уровень конфликтности характеризуют как низкий – 57,1% опрошенных, как средний – 17,8%; как высокий – 28%.

Уровень конфликтности в период пандемии: низкий – 60,8%; средний – 10,7%; высокий – 28,5%.

Прогнозные оценки: низкий – 57,2%; высокий – 42,8%.

Полученные результаты указывают на воспринимаемый низкий уровень конфликтности у более чем половины респондентов, эта тенденция распространяется на все рассматриваемые периоды (допандемический, период пандемии, постпандемический).

Для понимания причин повышения конфликтности респондентам предлагалось сформулировать по три наиболее важные причины, которые ведут к повышению конфликтности. Среди указанных причин были отмечены эмоциональное напряжение, недовольство жизнью, наличие страха и непредсказуемости в окружающей среде, дестабилизирующие события, безработица, болезнь. Нежелание соблюдать новые правила, понижение уровня дохода, ограничения свободы, выполнение чужих обязанностей, различие в представлениях о решении поставленных задач, неудовлетворенность условиями труда в режиме т.н. «удаленки», недостаток коммуникации между сотрудниками, стресс, быстроизменяющаяся ситуация.

Непосредственно связанными с пандемией выделяются такие причины, повышающие уровень конфликтности, как: выполнение чужих обязанностей, болезни, безработица, недостаток коммуникации между сотрудниками, стресс, быстроизменяющаяся ситуация, неуверенность, непонимание ситуации, низкий уровень благосостояния и др.

Анализ результатов респондентов показывает, что эти причины можно сгруппировать в 4 блока: социально-экономический; экзистенциально-семантический; компетентностный; средовой блок.

Первый – социально-экономический блок – включает в себя низкий уровень благосостояния, несовершенство медицинского обслуживания, безработицу и т.п.

Второй – экзистенциально-семантический – включает в себя такие причины, как страх смерти, неудовлетворенность жизнью и т.п.

Третий – компетентностный блок, в который входят причины, связанные с отсутствием или дефицитом тех или иных умений и навыков. В основном это касается коммуникативной компетентности.

Четвертый – средовой блок – включает в себя характеристики внешней среды, в которой протекает жизнедеятельность человека, это быстроизменяющиеся ситуации, отсутствие свободы перемещения и т. п.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее выражено представлены причины повышения конфликтности из компетентностного блока. На основе этого можно предположить, что перспективы предотвращения роста конфликтности находятся в сфере повышения уровня коммуникативной компетентности членов общества. Следует отметить, что воздействовать на причины их других блоков гораздо более трудоемко.

Изучение предпочитаемых респондентами способов разрешения конфликтов показало, что 18 респондентов используют в своей жизнедеятельности переговоры (общение; диалог; прояснение и т.п.). Остальные респонденты используют иные способы, которые можно охарактеризовать как

защитные механизмы в форме отрицания («не конфликтую») и избегания («стараясь уходить от конфликтов»).

Таким образом, результаты проведенного исследования указывают на перспективность повышения коммуникативной компетентности работников компаний, в первую очередь с акцентом на овладение различными переговорными технологиями, направленными на конструктивное разрешение сложных ситуаций с разнонаправленными интересами их участников.

Литература

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. – 7-е изд., пер. и доп. – СПб: Питер, 2020. – 560 с.
2. Бояринцева С.В. Социальные конфликты, вызванные пандемией коронавируса // Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 2020. – С. 147-148.
3. Вечерина О.П., Путалова И.Б. Структура российского института медиации: настоящее, прошлое, будущее // Юридические исследования. – 2020. – № 9. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34287 (дата обращения 08.05.2021).
4. Гришина Н.В. Психология конфликта. 3-е изд. – СПб.: Питер, 2018. – 578 с.
5. Медиация: Учебник / Под ред. А.Д. Карпенко, О.Д. Осинковского. – М.: Статут, 2016. – 482 с.
6. Шамликашвили Ц.А. Медиация – современный метод внесудебного и досудебного разрешения споров. – М.: Редакция «Российской газеты», 2020. – 160 с.

Применение медиации при разрешении споров между хозяйствующими субъектами

Зиганшин Р.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ц.А.Шамликашвили

Особенность медиации состоит в том, что она одновременно является междисциплинарной областью, прикладной деятельностью, социокультурной категорией и философией или мировоззренческим подходом к восприятию человека как автономной единицы общества, как личности, имеющей право на выбор и несущей ответственность за него. Множество наук и областей знания питают современную медиацию. Список их достаточно длинный и пополняется

с развитием науки: это юриспруденция, психология, социология, философия, культурология, лингвистика, филология, политология, антропология, феноменология, конфликтология, семиотика, аксиология, теория управления, поведенческая экономика, этология и другие

Государственная политика, направленная на внедрение механизмов медиации, ставит целью уменьшение нагрузки на судебную систему и снижение общего уровня конфликтности в различных сферах деятельности (в гражданских правоотношениях, с 2019 года – в административных и иных публичных правоотношениях, в том числе, в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений, снижение коррупциогенных факторов, совершенствование общественных отношений в целом).

Вместе с тем, как свидетельствуют проведенные исследования и обобщение Верховым Судом РФ практики применения медиации в судебных спорах, сегодня медиативные процедуры в России применяются крайне мало. Поддающаяся обобщению практика применения медиации во время судебных споров свидетельствует о недостаточности интеграции нового института в масштабах страны.

Медиация как современный социально значимый метод, отвечает на запрос общества, связанный с потребностью человека и общества в целом в более комфортных, с социальной точки зрения, и безопасных условиях жизни, ведения бизнеса, обеспечивает взаимовыгодное взаимодействие участников правоотношений, являющееся условием развития общества и государства. За последние десятилетия медиация как способ урегулирования и предупреждения споров и конфликтов продемонстрировала актуальность и востребованность в самых разных сообществах и культурах, поэтому поиск причин невостребованности и поиск путей для массового применения инструментов медиации представителями отечественного бизнеса является весьма актуальным для современного правоведения, правовой практики.

Объект нашего исследования - медиация как социальный феномен в современном российском обществе. Предмет исследования - медиация в процессе регулирования противоречий во взаимодействии между хозяйствующими субъектами. Цель исследования заключается в исследовании содержания и функции медиации в процессе урегулирования разногласий во взаимодействии хозяйствующих субъектов.

Литература

1. Шамликашвили Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно

предложить сторонам обращение к процедуре медиации: учеб. Пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: МЦУПК, 2010. – 160 с.

2. Понасюк А.М. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации: автореферат дис... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 25 с.

Возможности внедрения медиативного подхода в работу центров содействия семейному воспитанию

Марченко А.А.

Московский государственный психолог-педагогический университет (г. Москва)

Научный руководитель – Вечерина О.П.

По данным Росстата за последние годы наблюдается увеличение стационарных отделений центров содействия семейному воспитанию. В 2019 года в России функционировало 235 стационарных отделений, из которых 114 осуществляют социальное обслуживание. В связи с ростом стационарных организаций качество оказываемых услуг представляется важным показателем для анализа ситуации в целом.

Создание условий и атмосферы, обеспечивающих не только комфортное пребывание, но также и установление поддерживающих взаимоотношений между сотрудниками стационарных отделений и воспитанниками является необходимой и важной задачей перед руководством центра.

В ходе международных исследований отмечается, что выпускники институциональных учреждений имеют более высокие риски остаться без работы, стать жертвой мошенников или завести детей в юном возрасте (Dixon & Stein, 2003; Kelleher & Corbett, 2000; Stein, 2004). С детьми, пережившими травму, важно выстраивать прочные доверительные отношения, в связи с этим было принято решение о проведении дополнительных курсов по обучению сотрудников медиативным инструментам.

Медиация – это альтернативный метод разрешения спора при участии беспристрастной, нейтральной стороны – медиатора, оказывающего содействие лицам, вовлеченным в спор и добровольно участвующим в процедуре медиации, с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по его урегулированию на условиях взаимного уважения и принятия права сторон защищать свои интересы (Шамликашвили Ц.А., 2013). В России в 2010 году был принят федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования

спора с участием посредника (процедура медиации)» (ФЗ № 193 от 27.10.2010 г.), регулирующий как саму процедуру, так и подготовку специалистов в этой области.

В начале 2019 года был организован проект по созданию первых служб медиации в семейных центрах Москвы при поддержке Департамента труда и социальной защиты населения. Эффективность использования медиативных технологий в работе первых служб стала очевидной после результатов их деятельности, в связи с чем было принято решение о запуске служб по медиации во всех центрах поддержки семьи и детства города Москвы (Романова Е.А., 2019).

В семейных спорах разрешение конфликта мирным путем очень важно для всех участников. Семейные конфликты являются причиной семейного неблагополучия, что в свою очередь является одним из главных факторов появления категории детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Программа по обучению медиативным методикам, разработанная специально для сотрудников стационарного отделения, включает в себя три основных блока:

- Медиация как метод разрешения споров;
- Языковые и коммуникативные навыки и умения;
- Управление конфликтом. Медиативный подход во взаимоотношениях с ребенком.

Основные задачи, которые ставит перед собой программа, – это создание атмосферы поддержки внутри группы для более эффективной коммуникации в рабочем коллективе; актуализация проблемных областей при коммуникации с детьми; обучение основным принципам и коммуникативным инструментам в медиации.

Интенсивы носят интерактивный характер – материал изучается на конкретных практических примерах с использованием групповых упражнений, игровых ситуаций и дискуссий.

Разработанная программа по обучению медиативным методикам способствует налаживанию коммуникации сотрудников и детей, помогает детям определить их потребности и интересы, а также ведет к лучшему пониманию друг друга в собственном коллективе.

Литература

1. Романова Е.А. Создание служб медиации в учреждениях социальной сферы. М.: ООО «Константа», 2019. – 100 с.
2. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.03.2021).

3. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. Учебное пособие. М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013. –128 с.
4. Dixon J., Stein M. (2003). Leaving care in Scotland: The residential experience // Scottish journal of residential child care. 2(2): 7-16.
5. Kelleher P., Kelleher C., Corbett M. (2000). Left out on their own, Young people leaving care in Ireland. Dublin: Focus Ireland.
6. Stein M. (2004). What works for young people leaving care? Barkingside: Barnardo's.

Особенности восприятия и решения конфликтов медицинскими работниками в условиях работы в детской поликлинике

Смайлене Я.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Путалова И.Б.

Объектом деятельности здравоохранения является человек. Предметом медицинской деятельности выступают ценности жизни человека, к которым относится не только непосредственно жизнь и здоровье, но и уровень качества жизни человека (нормальная или патологическая жизнедеятельность).

На наш взгляд, это становится важным в сфере здравоохранения как в деятельности, направленной на обеспечение прав и свобод людей. «Эта ценностная установка – социально-психологический ориентир, определяющий мотивационное поведение индивидов, социальных групп и общества в целом, отражающийся в социальной политике государства» (Альтернативное разрешение споров ..., 2019, с.93).

Возникновение конфликтных ситуаций в процессе оказания медицинской помощи негативно влияет на здоровье пациентов, увеличивая количество их обращений за медицинской помощью после конфликта, приводит к росту как их личных затрат, так и затрат в системе ОМС (Азаров А.В., 2000).

Исследование проводилось в период пандемии, в связи с чем при анализе данных учитывался этот фактор, так как социальное взаимодействие субъектов в медицине в напряженный период эпидемиологической нестабильности приобретает значительный конфликтогенный характер.

Мы рассмотрели отношение к восприятию и решению конфликтов медицинских работников детской поликлиники, используя

психодиагностические методы (наблюдение, беседу, тестирование) и проведя аналитическое сравнение. Задачей исследования было выявить особенности восприятия медицинскими работниками конфликтных ситуаций и предпочитаемые способы их разрешения, в том числе после прохождения обучения по программе по снижению остроты конфликтов в медицинском учреждении с применением медиации и медиативного подхода.

По результатам диагностики выявлено, что в каждом подразделении детской поликлиники достаточное количество сотрудников могут отстаивать свое мнение, при этом учитывают мнение другого человека; сотрудники используют практически все стратегии, но приоритетна тактика ухода от конфликта «приспособление»; установлен высокий уровень влияния руководителей структурных подразделений на коллектив.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что большинство сотрудников не имеют шанса оказаться в выигрыше в конфликте. Выбор стратегии избегания и компромисса может быть вызван стремлением сотрудников соответствовать требованиям руководителя, зависимостью от его одобрения, стремлением к признанию руководителем и желанием сохранения хороших отношений в коллективе. Кроме того, в организации может быть достаточно много скрытых конфликтов при внешней лояльности сотрудников. Это может сказываться на качестве взаимодействия с пациентами.

Прохождение обучения по программе по снижению остроты конфликтов в медицинском учреждении с применением медиации и медиативного подхода позволило улучшить психологический климат в коллективе, снизить частоту и остроту конфликтов в медицинском учреждении, снизить количество жалоб с недовольными отзывами от пациентов.

По нашему мнению, пандемия не оказала существенного влияния на течение конфликтов. На итоги разрешения конфликтов значительно более существенное, чем пандемия, влияние оказывает психологический климат в коллективе, развитие навыков управления конфликтами посредством медиации и медиативного подхода руководителями медицинского учреждения и структурных подразделений. Возможности применения инструментов медиации, в том числе медиативного подхода, могут повысить эффективность урегулирования конфликтов в медицинских учреждениях, снизить остроту конфликтов.

Медиация имеет своей целью создание эффективной коммуникации между сторонами конфликта, создает поле, на котором конфликт сможет быть разрешен, снижает поле деструктивности конфликта, направлена на нахождение решения, которое устраивает все стороны конфликта. Подобное взаимодействие ведет к снижению конфронтации, усиливает сотрудничество между субъектами,

смягчает противостояние, снижает остроту конфликта, позволяет сохранить отношения, поскольку ни одна из сторон не ощущает себя «проигравшей».

По нашему мнению, создание в медицинской сфере на функциональной основе конфликтных комиссий является эффективной формой прогнозирования, предупреждения и управления конфликтными ситуациями, возникающими в процессе оказания медицинских услуг.

Литература

1. Азаров А.В. Территориальная система обеспечения и защиты прав граждан в условиях обязательного медицинского страхования // *Здравоохранение*. – 2000. – №7. – С. 41- 48.
2. Альтернативное разрешение споров: Учебник /Под ред. Е.А. Борисовой. – М.: Издательский дом «Городец», 2019 – 416 с.

Медиация и медиативный подход в деятельности адвоката

Химикус Е.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет
(г. Москва)

Научный руководитель – Ц.А.Шамликашвили

Институт медиации успешно работает во многих странах, однако в России медиация пока еще не стала насущной потребностью при разрешении споров. Между тем интегрирование медиации не только в судебную систему, но и в адвокатскую практику является настоятельным требованием времени.

Проведенные исследования показывают, что только 23,8% опрошенных адвокатов показывают высокий уровень отношения к медиации. Причем под «высоким» уровнем понимается не только владение опрошенными знаниями о процедуре медиации, но и, что самое важное, принятие принципов и техник медиации в собственной практике.

Что же мешает адвокатам принять медиацию?

Существует общий, связанный с образованием, опыт, побуждающий юристов всех стран рассматривать дела через призму закона, а не через призму интересов сторон, не основываясь на таких методах, как переговоры или медиация. Большинство материалов, преподаваемых в юридических вузах, акцентируют внимание на заучивании юридических доктрин, принципов и процедур, функционировании судов. Эта универсальная расстановка акцентов как в явной, так и в скрытой форме учит, что суд – это лучший способ мирного разрешения споров и конфликтов.

Сопrotивление адвокатов внедрению медиации также в значительной степени определяет мотив компенсации. Во многих странах мира помощь клиентам в разрешении споров и конфликтов в судебном порядке составляет основной источник дохода адвокатов. Если исключить ситуации, когда адвокат получает определенный процент от спорной суммы, то большинство адвокатов получают гонорары, которые рассчитываются из продолжительности времени, потраченного на подготовку к процессу и на непосредственное участие в нем.

Все действия и решения, связанные с претворением в жизнь вариантов разрешения споров и конфликтов, как и вообще все акты выбора, и всё поведение человека, начинается с восприятия. Смыслы, которые извлекаются из воспринимаемых ощущений, влияют на принятие решений, на совершение действий и на видение будущих перспектив.

На восприятие влияет всё то, чему данный человек обучен и что он пережил в своей жизни. Адвокатов учат тому, что все споры должны решаться в суде, почти все они на собственном опыте пережили те или иные аспекты судопроизводства. Это оказывает влияние на то, как они беседуют со своими клиентами, как оценивают подходы к разрешению спора или конфликта – и в результате они воспринимают лишь те аспекты ситуации, которые связаны с решением вопроса через суд, а обычно это факты, существенные с точки зрения компенсации понесённого ущерба.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общие культурные традиции в контексте права, вопросы компенсации деятельности адвоката, а также его статуса и эмоциональные составляющие конфликта являются основными причинами, которые вызывают у адвокатского сообщества «реакцию отторжения» на медиацию.

Литература

1. Питерс Дон. Почему юристы противятся медиации? //Медиация и право. – 2015. – №2(36). – С. 47- 58.
2. Шамликашвили Ц. А. Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации: учеб. Пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: МЦУПК, 2010. – 160 с.

САЙТ МГППУ:
MGPPU.RU

САЙТ ФАКУЛЬТЕТА
ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ МГППУ:
JP.MGPPU.RU
MGPPU.RU/PROJECT/83

ГРУППА "ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ"
В КОНТАКТЕ
[VK.COM/UP_MGPPU](https://vk.com/up_mgppu)

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ
МЕЖВУЗОВСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

МОСКВА,
19-26 МАЯ 2021